

Ираклий Андроников

**ЛЕРМОНТОВ
В ГРУЗИИ
в 1837 году**

Лермонтов. Автопортрет.

Акварель. 1837.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

ЛЕРМОНТОВ

В ГРУЗИИ

в 1837 году

Советский писатель
МОСКВА . 1955

A-66

...

...

..

О Т А В Т О Р А

В 1951 году издательство «Советский писатель» выпустило мою книгу «Лермонтов». Последние главы ее, посвященные изучению связей Лермонтова с грузинской культурой, послужили основой для монографии «Лермонтов в Грузии в 1837 году».

Главы шестая и седьмая новой книги, а также разделы второй главы «Политический облик Александра Чавчавадзе», «Люди очень порядочные», «Передовые поэты о союзе Грузии и России», «Ахвердовы», «Неустановленное родство» целиком построены на новых сопоставлениях и материалах. Значительно дополнены и другие разделы: «Коварная Тамара», «Из черновиков «Мцыри», «Маико мая», «Сказка про Ашик-Кериба», «Неверная гипотеза», «Тифлисский адрес Лермонтова», «Ермолов».

В приложении впервые публикуются воспоминания родственницы Лермонтова Д. Ф. Харламовой, важные для истории русско-грузинских литературных отношений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО СЛАВЫ

В дни трагической гибели Пушкина Россия внезапно услышала голос молодого поэта, которому суждено было стать преемником Пушкина в осиротевшей русской литературе.

Это был двадцатидвухлетний корнет квартировавшего в Царском Селе лейб-гвардии гусарского полка Михаил Юрьевич Лермонтов, написавший стихи на смерть Пушкина — скорбные, гневные, обличительные.

Не только презренного проходимца, чья рука не дрогнула выстрелить в Пушкина, обличал он в этих стихах. Он обвинял злобных клеветников, которые преследовали Пушкина при жизни и направляли руку Дантеса. Он указал на них: это надменная знать, это потомки придворных холопов, прославившихся своею подлостью; они толпятся возле царского трона. Убийцам покровительствует сам царь. Он назвал их палачами свободы и славы, палачами русского гения. Он грозил им народной расправой. Он уверял, что их ждет суд истории — суд неизбежный и беспощадный.

В безропотной тишине, царившей тогда в России, это было проявлением неслыханной смелости.

С помощью своего лучшего друга Святослава Раевского Лермонтов решил распространить стихи. Раев-

ский служил столначальником в одном из петербургских департаментов. Его подчиненные размножили текст стихотворения, и Раевский стал раздавать копии знакомым. Те, в свою очередь, давали списывать своим знакомым. И в несколько дней стихи широко распространились по Петербургу, а вскоре стали известны всей грамотной России.

В этом стихотворении Лермонтов выразил то, что думал, что чувствовал в те дни каждый, кому дорога была честь и слава России, кому дорого было слово Пушкина и самое имя: Пушкин. Лермонтов выразил всеобщее негодование и сожаление, вызванные гибелью величайшего русского поэта. Стихотворение ходило по рукам, как прокламация. «Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление», — писал много лет спустя выдающийся художественный критик Владимир Стасов, вспоминая, как в те дни он и его товарищи — еще подростками — с жаром читали и декламировали это стихотворение в стенах училища правоведения, на переменах между уроками. «Хотя мы хорошенько не знали, да и узнать-то не от кого было, про кого это речь шла в строфе: «А вы, толпою жадною стоящие у трона» и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно, — так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах»¹.

Правительство Николая I расценило стихотворение как призыв к революции. В новом поэте оно сразу почувствовало мятежный дух декабристов и Пушкина и поторопилось принять свои меры. Лермонтова и Раевского арестовали. Возникло «дело о неподозрительных стихах».

В продолжение десяти лет, начиная с первых опытов в классах благородного пансиона при Московском

¹ В. В. Стасов, «Училище правоведения сорок лет тому назад (в 1836—1842 гг.)». «Русская старина», 1881, № 2, стр. 410—411.

университете, потом студентом, юнкером и по выходе в полк Лермонтов писал стихи, поэмы, драмы, прозу — и среди них были сочинения замечательные, — но он ничего не публиковал, если не считать «Хаджи-Абрека», напечатанного без его ведома, и стихотворения «Весна», подписанного одной только буквою: «Л». Создав стихи на смерть Пушкина, он в несколько дней стал знаменитым поэтом.

Уже 25 февраля военный министр князь Чернышев сообщил шефу жандармов графу Бенкендорфу «высочайшее повеление»: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству стихов, перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского, за распространение сих стихов... выдержать под арестом в течение одного месяца. — а потом отправить в Олонецкую Губернию, для употребления на службу, — по усмотрению тамошнего Гражданского Губернатора»¹.

Нижегородский драгунский полк, в который ссылали Лермонтова, стоял в Грузии, в ста верстах от Тифлиса, нес охрану «кордонной линии» и отражал частые набеги лезгин. Неугодного поэта ссылали под пули горцев.

По счастью, первая ссылка Лермонтова оказалась непродолжительной. В конце 1837 года он получил возможность вернуться в Россию.

Он воротился, исполненный новых замыслов. «Герой нашего времени», кавказская редакция «Демона», «Мцыри», «Беглец», «Ашик-Кериб», «Дары Терека», «Казачья колыбельная песня», «Тамара», «Свиданье» — все это результат скитаний его по Северному Кавказу и Закавказью в 1837 году. Кавказ оказался для Лермонтова не только источником вдохновения, но и темой новых его произведений. «Кавказ, на который обратил внимание Пушкин, — писал в 1899 году великий грузинский поэт Илья Чавчавадзе, — стал

¹ П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове. Л., «Прибой», 1929, вып. 1, стр. 269.

любимой темой его достойного преемника Михаила Лермонтова. В своих мощных стихах, преисполненных поэзии, Лермонтов изобразил весь Кавказ и, в частности, Грузию»¹.

ПИСЬМО РАЕВСКОМУ

Между тем о пребывании Лермонтова в 1837 году на Кавказе — и особенно в Грузии — почти ничего не известно. Единственный источник наших сведений об этом — письмо самого Лермонтова к Святославу Раевскому, написанное из Грузии в конце года, незадолго до отъезда в Гродненский полк, квартировавший в военных поселениях близ Новгорода.

В этом письме Лермонтов увлекательно описал свою кавказскую жизнь, рассказал о том, где ему удалось побывать и как приходилось путешествовать. Но даже и своему лучшему другу он ни слова не написал ни о своих замыслах, ни о новых произведениях, ни о том, с кем познакомился, ни о том, что передумал и перечувствовал он в ссылке. В одной только строчке обронил: «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные».

Перепиской сосланных друзей, видимо, интересовались жандармы. «Либо мои два письма пропали на почте, — осторожно начинает свое письмо Лермонтов, — либо твои ко мне не дошли, потому что с тех пор, как я здесь, я о тебе знаю только из писем бабушки».

«Наконец, меня перевели обратно в гвардию, — продолжает он, — но только в Гродненский полк, и если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии».

С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...

¹ «Иверия», 1899, № 109, 26 мая, передовая (на грузинском языке).

...Я никогда не был так здоров, зато веду жизнь примерную, пью вино только когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то приехав на место, греюсь... — Здесь, кроме войны, службы нету, я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, я слышал только два, три выстрела: зато два раза в моих путешествиях отстреливался; раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер из нашего полка и черкес (мирный, разумеется), и чуть не попались шайке лезгин. — Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это — татарские бани! — Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться...

...Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку.

Прощай, любезный друг, не забудь меня и верь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал. Вечно тебе преданный М. Лермонтов»¹.

Других сведений не сохранилось. Нам неизвестны

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 392—394. Тексты Лермонтова цитируются по изданию: М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений в пяти томах. Редакция текста и примечания Б. М. Эйхенбаума. М.—Л., «Academia», 1935—1937.

не только имена людей, с которыми Лермонтов познакомился в период службы в Нижегородском полку, но даже точные даты его пребывания в Грузии. Все, о чем будет рассказано в этой книге, пришлось собирать, как говорят, «по крупницам» в течение семнадцати лет.

ПОДОРОЖНАЯ В ГРУЗИЮ

Мы знаем, что по дороге на Кавказ Лермонтов заболел и, приехав в Ставрополь, лег в военный госпиталь. Это было в апреле¹. В мае его перевели в Пятигорск, «для пользования минеральными водами»². В месяц воды его «совсем поправили». Генерал Павел Иванович Петров, родственник Лермонтова, бывший в ту пору в Ставрополе начальником штаба войск Кавказской линии и Черномории, посоветовал ему отправиться в отряд Вельяминова, за Кубань, в осеннюю экспедицию против горцев. Это могло послужить удобным поводом, чтобы начать хлопоты о его возвращении в столицу.

Однако, в связи с ожидавшимся приездом царя на Кавказ, осеннюю экспедицию отменили. Лермонтов приехал в отряд, находившийся в Ольгинском укреплении, слишком поздно и, по собственному признанию, слышал только два-три выстрела.

«Во внимание, что ваше благородие прибыли к действующему отряду по окончании первого периода экспедиции, а второй период государь император высочайше соизволил отменить, — сказано в документе, выданном Лермонтову, — я предписываю вам отправиться в свой полк; на проезд же ваш от укрепления Ольгинского до г. Тифлиса препровождаю при сем подорожную...»³

Приказ этот, датированный 29 сентября 1837 года,

¹ В. Баранов, «Лермонтов в Москве». «Литературное наследство» № 45—46. М., Издательство Академии наук СССР, 1948, стр. 727.

² М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 600.

³ «М. Ю. Лермонтов». Временник Государственного музея «Домик Лермонтова» I. Пятигорск, 1947, стр. 64.

длит нам основание считать, что в Закавказье Лермонтов прибыл не раньше середины октября. Кроме того, нам известно, что из списков Нижегородского полка Лермонтов был выключен приказом только 25 ноября, — следовательно, до этого времени находился в Грузии¹. Другими словами, он пробыл налицо в полку около полутора или двух месяцев — до конца ноября или даже до начала декабря. В Прохладной, по дороге в Петербург, его видели 14 декабря². А от Тифлиса до Прохладной было в те времена больше недели езды. От Тифлиса до Владикавказа путешествие продолжалось три, чаще четыре дня. Потом во Владикавказе ожидали «оказии». Так называлась почта, к которой присоединялись экипажи проезжающих и казенные повозки с вещами и провиантом. «Оказия» отправлялась два раза в неделю под охраной вооруженного отряда. Об этом способе сообщения Лермонтов упоминает в «Герое нашего времени» («Максим Максимыч»). «Оказия» следовала до Екатеринограда — нынешней Екатериноградской станицы, находящейся в десяти километрах от Прохладной. В Екатериноград путешественники прибывали через четыре дня. Пушкин, следуя в Арзрум, прибыл из Екатеринограда в Тифлис на девятый день³. Испанский путешественник дон Хуан ван Гален путь от Тифлиса до Прохладной совершил за восемь дней⁴. Английский путешественник капитан Ричард Уильбрехем следовал от Владикавказа не с обычной, а со специальной оказией⁵. Благодаря этому он прибыл из Тифлиса в

¹ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, под редакцией и с примечаниями проф. Д. И. Абрамовича, т. 5, СПб, 1913, стр. 15. (Абрамович ссылается на «Месячные отчеты полка».)

² М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 602.

³ «Хронограф «Путешествия в Арзрум», составленный Е. Г. Вейденбаумом (хранится в Рукописном отделении Государственного музея Грузии имени академика С. Н. Джанашиа).

⁴ «Memoires de Don Juan Van Halen, par Ch. Rogier en 2 parties». Bruxelles, 1827, v. II, p. 367.

⁵ «Travels in the transcaucasian provinces of Russia... in the autumn and winter of 1837 by captain Richard Wilbraham» Lond., 1839, p. 250.

Екатериноград на шестой день. Таким образом, выходит, что Лермонтов должен был выехать из Тифлиса около 5 — 8 декабря. Более точно установить время нахождения Лермонтова в полку, очевидно, никогда не удастся. «Военно-исторического архива полк не только не имеет, но и не имел никогда, — писал один из составителей летописи нижегородских драгун. — Куда девались бумаги полка, никому не известно»¹.

Однако, знакомясь с летописью боевых дел нижегородцев и зная, что строевой службы на Кавказе войска не несли, мы хорошо понимаем выражение Лермонтова в письме к Раевскому: «Здесь, кроме войны, службы нету». Читая историю полка, мы понимаем, что в азербайджанские города — Кубу и Шемаху — Лермонтов попал в связи с кубинским восстанием.

Восстание это, поднятое пособником Шамиля Иса-беком, вспыхнуло 5 сентября 1837 года и было поддержано присланным из Дагестана большим отрядом лезгин. На выручку осажденному гарнизону Кубы русское командование отправило из Кахетии, «с лезгинской линии», отряд генерала Севарсамидзе, в который входили два эскадрона нижегородских драгун. Но куда нижегородцы находились на марше, подошли десять сотен Ширванской милиции. 11 сентября осада Кубы была снята, и помощь нижегородцев не понадобилась. К 22 числу они дошли только до Шемахи и были задержаны там на некоторое время «для наблюдения за Ширванской провинцией». И только после этого возвратились в свою штаб-квартиру, в Кахетию. Очевидно, Лермонтов получил в Тифлисе предписание явиться к своему полку в район Кубы, но нижегородцев там не нашел: они остановились в Шемахе. Тогда понятным становится, почему Лермонтов попал в Кубу и Шемаху, почему ночью, вместе с каким-то офицером, в сопровождении одного лишь мирного черкеса, ехал из Кубы, почему им пришлось отстреливаться в ночной стычке от целого отряда лезгин².

¹ В. П. Долгорукий, «В рядах Нижегородского драгунского полка в 1826—1830 гг.». «Русская старина», 1882, № 8, стр. 143.

² «Заметки неизвестного автора и копии о делах в Кубинской провинции в 1837 году». Центральный государственный

Сопоставляя письмо к Раевскому с историей Нижегородского полка, мы понимаем и то, почему Лермонтов путешествовал в черкесской одежде, с ружьем за плечами: такова была форма нижегородских драгун¹. В офицерском мундире Нижегородского драгунского полка Лермонтов, глядя на себя в зеркало, нарисовал акварельными красками известный автопортрет, на котором изобразил себя в бурке, накинутой на куртку с красным воротником и кавказскими газырями на груди. Через плечо на кабардинском ремне с серебряным набором перекинута черкесская шашка. За спиной, в чехле, на походе, у Лермонтова висело ружье. Таким его видели в Грузии.

Сообщение же Лермонтова о том, что он «снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал», и везет с собою «порядочную коллекцию», подтверждается целой коллекцией его рисунков и картин, сделанных с натуры. Известно, что по возвращении в Петербург Лермонтов подарил своему учителю рисования, художнику П. Е. Заболотскому, около двадцати кавказских путевых зарисовок². Известно, что, кроме него, Лермонтов дарил свои работы и другим.

Но из всех рисунков, привезенных поэтом в 1837 году с Кавказа, уцелело только восемь. Шесть из них сделаны в Грузии: автолитография, снабженная надписью «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби», карандашный рисунок «Развалины на берегу Арагвы в Грузии» и четыре, названий не имеющие. На них изображены: башня в ущелье (очевидно, Дарьяльском),

исторический архив Грузинской ССР (Тбилиси), ф. 1087/4, д. № 327; Неизданная рукопись полковника Исаевича «Обзор военных событий на Кавказе с сентября 1834 г. по 27 декабря 1844 г». ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087/4, д. № 269, лл. 50 об. — 55; «Очерк блокады Кубы». «Русский инвалид», 1847, №№ 248, 249; В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб., 1894, стр. 77—78; А. Попов, «Лермонтов на Кавказе». «Литературный Азербайджан», 1939, № 1.

¹ В. Потто, т. IV, стр. 68—69.

² П. Заболотский, «Письмо в редакцию», «Голос», 1882, № 350.

Другое ущелье, с движущейся по дороге арбой, девушки, танцующие на плоской кровле грузинского дома, и тифлисский Майдан с видом на Метехский замок. Картины работы Лермонтова, относящиеся к 1837 году, изображают Эльбрус, какой-то грузинский пейзаж (полотно это известно под названием «Кавказский вид с саклей»), горное ущелье (хранится в Доме-музее в с. Лермонтове, Пензенской области), вид Тифлиса со стороны Авлабарского предместья и караван верблюдов возле скалы, находящейся (мы еще будем говорить об этом) недалеко от Царских Колодцев в Кахетии.

Эти рисунки и картины дополняют тот скудный материал — письмо к Святославу Раевскому, несколько косвенных фактов и тексты «Демона», «Мцыри» и «Ашик-Кериба», — на основании которого нам надлежит выяснить, что это был за период в творчестве и в биографии Лермонтова, с кем он встречался за время службы в Нижегородском полку, о чем беседовал, какую наблюдал жизнь, — словом, установить, какое значение имело для него кратковременное пребывание в Грузии.

И С Т О Р И Я „Д Е М О Н А“

Над «Демоном» Лермонтов работал больше десяти лет. Он начал писать эту поэму еще в четырнадцатилетнем возрасте, когда учился в университетском благородном пансионе. В ту пору он задумал поэму о демоне и ангеле, влюбленных в одну монахиню. Потом Лермонтов изменил замысел: в новом варианте демон влюбляется в монахиню и губит ее из ненависти к ангелу-хранителю.

В этих ранних редакциях действие поэмы происходило вне времени и пространства. Затем Лермонтов задумал приурочить поэму ко времени «пленения евреев в Вавилоне». Этот библейский вариант остался ненаписанным. По тексту четвертой редакции можно догадаться, что действие перенесено в Испанию: появились некоторые детали в описании — «теплый южный день», «лимонная роща», «испанская лют-

ния». Однако общий характер поэмы от этого не изменился.

Вернувшись из Грузии, Лермонтов подверг поэму капитальной переработке. Горы Кавказа, Казбек, который кажется пролетающему демону «гранью алмаза», «излучистый Дарьял», Кайшаурская долина, зеленые берега светлой Арагвы, угрюмая Гуд-гора оказались самой подходящей обстановкой для лермонтовской поэмы. В новом варианте «Демона» появились развернутые описания грузинской природы и грузинского феодального быта. Романтическая поэма о любви небожителя к смертной приобрела черты подлинного реализма. В этой «кавказской» редакции 1838 года, созданной Лермонтовым в Петербурге вскоре после возвращения из ссылки, она стала одним из самых замечательных произведений русской поэзии. В «Демоне» Лермонтов воплотил томившую его жажду деятельности, свое неукротимое стремление к свободе, силу творческой мысли. Поэма проникнута духом критики, пафосом отрицания окружавшей его мрачной действительности — «пребывающего общественного устройства», как выразился один из корреспондентов Белинского. Отвергая религиозную мораль и человеческие отношения, основанные на рабстве и угнетении, Лермонтов тем самым содействовал ниспровержению традиционных понятий и способствовал утверждению нового, революционного мировоззрения, которое вырабатывали в мучительных, долгих раздумиях лучшие люди 1840-х годов. Недаром Белинский писал в 1842 году: «Демон» сделался фактом моей жизни, — и находил в этой поэме «миры истин, чувств, красот»¹.

Замысел, для воплощения которого Лермонтов десять лет не мог найти точных жизненных образов, был завершен им по возвращении из ссылки. И это, конечно, не случайно. Прежде всего — продолжал развиваться поэтический талант Лермонтова. Кроме того, сыграла роль ссылка: она усилила активное чувство протеста, содействовала созреванию политической мысли. Но были и другие причины — немаловажные.

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II. СПб, 1914, стр. 285.

Лермонтов не мог бы создать новую — окончательную — редакцию «Демона», столь разительно отличающуюся от первоначальных редакций поэмы, если бы не нашел нового, еще не открытого поэзией материала, который помог ему воплотить отвлеченную философскую мысль в конкретных поэтических образах.

Спасович, Алексей Веселовский, Котляревский, Дашкевич, Дюшен, а вслед за ними и другие буржуазные профессора, утверждавшие легенду о зависимости Лермонтова от литератур Запаदा, называли в качестве источников «Демона» произведения Мильтона, Байрона, Томаса Мура и Альфреда де Виньи. Кавказ принято было считать некоей условной декорацией, экзотическим обрамлением, подчеркивающим образ «гордого мятежника», заимствованный Лермонтовым у западных романтиков. Еще совсем недавно высказывалось мнение, что «Демон» — это традиционная восточная повесть, «обильно уснащенная экзотикой пейзажных описаний», что это — «типичная литературная олеография», что «Грузия здесь так же условна и по-оперному декоративна», как «и в «Мцыри».

Такая трактовка кавказских поэм Лермонтова основывалась отчасти на том, что работу над «Демоном» Лермонтов начал задолго до ссылки на Кавказ, а замысел, использованный в «Мцыри», разрабатывал в своих юношеских поэмах — в «Исповеди» и в «Боярине Орше».

Действительно, многое и в «Демоне» и в «Мцыри» подготовлено работой над этими ранними поэмами. И тем не менее можно решительно утверждать, что кавказский материал в «Мцыри» и в «Демоне» не экзотическое обрамление в стиле «восточных повестей» Байрона (хотя у Лермонтова «Демон» и назван «восточной повестью»), а органическое претворение непосредственных переживаний и наблюдений, благодаря которым прежние сюжеты приобрели новое качество. И для нас несомненно, что решающее влияние на этот процесс — гораздо большее, чем могли оказать литературные источники, все вместе взятые, — оказали на Лермонтова грузинские народные предания, легенды

Дарьяльское ущелье возле станции Балта.

Дарьяльское ущелье и „Замок Тамары“.

Рисунки Лермонтова.

Селение Сиони близ Казбека.

Башня в Сиони близ Казбека.

Работы Лермонтова.

и песни, знакомство с бытом и нравами новой для него страны.

Еще в 1880-х годах первый биограф Лермонтова, П. А. Висковатов, писал о том, что поэт, «странствуя по Военно-Грузинской дороге, изучал местные сказания, положенные в основу новой редакции «Демона»¹. Однако он не подкрепил своих предположений развернутыми доказательствами, а либерально-буржуазная критика, стремившаяся связать творчество Лермонтова с западноевропейской литературной традицией, естественно, обошла эту статью полным молчанием.

ЛЮБОВЬ ГУДА

В верховьях Арагвы до сих пор живет еще легенда о горном духе Гуда, полюбившем красавицу грузинку. Впервые эта легенда была записана в 1850-х годах со слов проводника-осетина².

Давным-давно, — так начинается эта легенда, — на берегу Арагвы, на дне глубокого ущелья, образуемого отвесными горами при спуске с Гуд-годы в Чертову долину, в бедной сакле убогого аула росла, как молодая чинара, красавица Нино. Когда она поднималась на дорогу, купцы останавливали караваны, чтобы полюбоваться красотой девушки.

От самого дня рождения Нино ее полюбил Гуда — древний дух окрестных гор. Хотела ли девушка подняться на гору — тропинка незаметно выравнивалась под ее ножкой и камни покорно складывались в пологую лестницу. Искала ли цветы — Гуда приберегал для нее самые лучшие. Ни один из пяти баранов, принадлежавших отцу Нино, не упал с кручи и не стал добычей злых волков. Нино была царицей гор, над которыми властвовал древний Гуда.

Но вот, когда Арагва в пятнадцатый раз со дня рождения девушки превратилась в бешеный мутный

¹ П. А. Висковатов, «Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова». «Кавказ», 1881, № 203.

² Н. Дункель-Веллинг, «Любовь Гуда (осетинская легенда)». «Кавказ», 1858, № 30.

поток, Нино стала такой необыкновенной красавицей, что влюбленный Гуда захотел сделаться ради нее смертным.

Но девушка полюбила не его, а юного своего соседа Сосико, сына старого Дохтуро. Этот юноша во всем ауле славился силой и ловкостью: он неутомимо плясал горский танец и метко стрелял из ружья.

Когда Сосико гонялся с ружьем за быстроногою арчи — серной, ревнивый Гуда, гневаясь на молодого охотника, заводил его на крутые скалы, неожиданно осыпал его метелью и застилал пропасти густым туманом. Наконец, не в силах терпеть долее муки ревности, Гуда накануне свадьбы засыпал саклю влюбленных огромной снежной лавиной и, подвергнув их любовь жестокому испытанию, навсегда разлучил их.

По другой версии, злой дух завалил хижину влюбленных грудой камней. Спускаясь с Крестового перевала в Чертову долину, проезжающие часто обращают внимание на груды огромных обломков гранита, неизвестно откуда упавших на травянистые склоны Гуд-горы. По преданию, их накидал сюда разгневанный горный дух¹.

Наименование свое грозный Гуда получил от Гуд-горы, а Гуд-гора, в свою очередь, от ущелья Гуда, откуда берет свое начало Арагва. «Подле висящего завала Большого Гуда, именно в Чертовой долине», — как сообщала в 1840-х годах газета «Кавказ», — чаще всего и подстерегали путешествовавших по старой Военно-Грузинской дороге снежные заносы и метели².

А в «Герое нашего времени», в тексте «Бэлы», Лермонтов пишет: «Итак, мы спускались с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами...»

¹ Ср. П. А. Виековатов, «Несколько слов по поводу поэмы «Демон». Сочинения М. Ю. Лермонтова, т. III, М., изд. В. Ф. Рихтера, 1891.

² «Кавказ», 1846, № 35. См. также: «Кавказский календарь на 1851 г.», отд. III, стр. 68.

Значит, Лермонтов знал легенду о любви Гуда и, повидимому, не случайно перенес действие «Демона» на берега Арагвы. Есть основание полагать, что грузинская легенда о любви злого духа к девушке-грузинке оплодотворила первоначальный сюжет. Безликая монахиня превратилась в красавицу Тамару, дочь старого князя Гудала. В новой редакции появился жених Тамары — «властитель Синодала», удалой князь. Его, а не ангела противопоставляет Лермонтов любви демона в новом варианте своей поэмы. Это изменение сюжета могло быть подсказано Лермонтову преданием о ревности горного духа к возлюбленному красавицы грузинки.

Мог Лермонтов слышать и другую легенду о горном духе Гуда. В верховьях Арагвы, по словам П. А. Висковатова, еще в 1880-х годах прошлого века были видны развалины монастыря, о котором рассказывали окрестные жители, — говорили, будто дух, рассердившись на монахинь, разрушил монастырь громовой стрелой. Более того: Висковатов утверждал, что эту местность и имел в виду Лермонтов, когда описывал обитель, в которую Гудал отвел свою дочь:

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.

Несколько лет назад в Кахетии, в селении Ахмета, была записана любопытная легенда, несколько напоминающая легенду о любви Гуда.

Давным-давно, — говорится в этой легенде, — жила красавица Тамар, привлекавшая своей красотой не только людей, но и дэвов. Полюбил Тамар один дэви, да так, «что ради нее и жизни не пожалел бы».

Страдал он, мучился и решил, наконец, проникнуть к ней.

С тех пор каждую ночь являлся к Тамар и до самого рассвета целовал и прижимал к сердцу рассыпанные на подушке волосы.

Мечтает дэви, глядя на спящую: «Дождусь утра —

¹ П. А. Висковатов, «Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова». «Кавказ», 1881, № 203.

откроюсь ей, а ночью унесу ее с собой, в страну дэвов, и сладко заживем с ней». Но думает: «А может ли она жить в стране дэвов? Нет, — думает, — лучше обещаю ей бесконечную жизнь и богатства несметные и только издали стану ласкать ее».

Но для чего Тамар его богатства?

Так, погруженный в свои думы, сидел он однажды у изголовья спящей Тамар и слышит: поет петух, настало время уйти. Не смог дэви больше терпеть — поцеловал девушку.

Вздрыгнула Тамар, очнулась, осмотрелась — никого нет — и заснула. Но сгубил ее поцелуй дэви. Стала она бледнеть, чахнуть и скоро угасла.

Когда узнал дэви о ее смерти, стонами все горы растревожил. С тех пор безутешен живет он, рыданиями убивается. А когда навещает кладбище — ураган проносится над землей; знайте: это дэви оплакивает могилу Тамар¹.

Текст этой легенды записан в 1948 году со слов девяностошестилетнего Исаака Пилашвили. Но, кроме того, она известна в селении Ахмета и другим старым людям.

Опубликовавший эту легенду Амберки Гачечиладзе сообщил мне, что в 1949 году она была записана вторично — в Сигнахском районе Кахетии. Только красавица называется в ней уже не просто Тамар, а царицей Тамар.

Подчеркивая, что Исаак Пилашвили человек старый, малограмотный, никогда не учившийся в школе, что услышал он это предание в родной деревне много лет назад, А. Гачечиладзе предлагает считать эту легенду в ряду фольклорных источников «кавказской» редакции «Демона», указанных мною в статье, напечатанной в 1939 году². Тем более, — считает Гачечиладзе, — что записана легенда в Кахетии, где Лермонтов, как известно, бывал.

Однако Гачечиладзе упускает из виду, что легенда

¹ А. Гачечиладзе, «Демон» Лермонтова и грузинские сказания». «Литература да хеловнеба», 1948, № 38.

² «Пионер», 1939, № 10.

стала известна фольклористам через сто с лишним лет после создания «Демона»; что еще в прошлом веке поэма Лермонтова была целиком переведена на грузинский язык; что более шестидесяти лет подряд на сцене Тбилисского оперного театра идет опера Рубинштейна «Демон».

Поэтому с не меньшим основанием можно допустить, что здесь налицо обратный процесс и что эта легенда представляет собою фольклорную версию лермонтовской поэмы.

Но даже и в этом случае следует признать сходство ее с легендой о ревности Гуда, а тем самым, в конечном счете, снова — и несколько неожиданным способом — обнаружить сродство лермонтовского «Демона» с грузинской народной поэзией.

СМЕРТЬ ЖЕНИХА В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

В тех же местах на Военно-Грузинской дороге — в районах Казбека и Пасанаури, в верховьях Арагвы, где записана легенда о духе Гуда, — до сих пор необычайно популярна старинная народная песня о том, как жених погибает в день свадьбы от случайного выстрела. Песня эта поется от лица убийцы по имени Глаха, который готовился быть на свадьбе посаженным отцом.

Сказал Глаха: — Будь проклят
День моего рождения...
Каждое утро
Приносит мне горе!
Я слышал плач над женихом,
Горе непосильное видел.
От такого горя и у мужчины
Голова пойдет кругом...

Поехали мы в село Хорпи, —
Небо сияло над нами.
Но где ж это слыхано,
Чтоб молния ударяла без грома?
Где ж это видано,
Чтоб жених, войдя в церковь,
Падал ничком на землю?

.

Выстрелило мое ружье —
И убит наповал жених!
Залегла черная туча,
Закрыла собою деревню.
Собрались молодки и девицы,
Толпятся они, как стадо.
Плачут три зятя,
С ума сходят сестры,
Заплакала тетка,
Пораженная горем:
— Он был моей жизнью,
Ушел, нас покинул!

Встала невеста, заплакала,
Припала к нему со стоном.
Девчѣ кос своих расплела,
Распустившейся розе подобна!
— Не оставлю тебя, мой красавец!
Последую за тобою!
Как ходить без тебя одной мне
По горам и долинам?..

Песня эта, значительная по объему, приводится мною в выдержках.

Там же, в верховьях Арагвы, со слов жителя селения Думацхо, записана другая песня — плач над женихом, исполняемая обычно во время покоса:

Кому доводилось видеть,
Чтоб без жениха приходила девушка?
Чтоб жених лежал, упав навзничь,
Чтоб смотрела на него молодая?

— Свекровь, моя матушка!
Не в обиду ли тебе приход мой?
Уйду, как пришла! Я ведь
Только глянула в дом твой!

Поется о гибели жениха еще в одной популярной в Грузии песне — «Имамтазеда, товлианзеда»:

Фиалку на горе на снежной
Посадил я, а выросла роза.
Стало ходить оленьѣ стадо,
Пусть пасется, не топтало бы только.
В лес пошли тесть и зять нареченный.
Выстрелил юноша — убил оленя.

Выстрелил старый — убил жениха.
— Дитя мое. Тамар! Я убил твоего супруга!
— Отец мой почтенный,
Пусть покоя тебе не дает мое горе!
Дай мне топор —
Прорублю дорогу в лесу.
Дай свечу —
Освещу себе путь в лесу.
А найду его —
Возьму в мужья мертвого¹.

Можно назвать еще одно произведение грузинского фольклора, повествующее о гибели жениха накануне свадьбы. Это предание «Смерть Сулхая», опубликованное в 1849 году в газете «Закавказский вестник». На него обратил внимание профессор Педагогического института в Орджоникидзе Л. П. Семенов.

Жил в Карталинии, в укрепленном старинном замке Джаниашени, выходец из Белокан, лезгин Ибрагим, принявший христианскую веру. Единственный сын Ибрагима, Сулхай, любил красавицу Паризу и терпеливо ожидал «благословения родителей и священника». Наконец отец Паризы, старый Леон, «положил выдать за Сулхая дочь свою».

В доме невесты идут приготовления к пышной свадьбе. Созвали родственников, друзей и соседей. Гости сидят на богатой тахте. «Шумные звуки димплипито вызывают девиц на пляску буйной лезгинки».

Тем временем жених «с толпою друзей и родственников, одетых в железо», спешит на брачный пир. Конеч пути недалеко. Только небольшой лес отделяет нетерпеливого жениха от невесты. Пустив коня вперед, Сулхай оставляет позади свою свиту. Но не успел въехать в лес, как шайка разбойников окружает его. Услышав крики, отставшие всадники скачут... Но поздно! Сулхай плавает в крови, богатое оружие снято, отрублена кисть руки.

Свадебное торжество сменяется скорбью. Маленькая собачка Сулхая принесла и положила у ног невесты отрубленную руку; вслед за тем сам жених прибыл на свадьбу мертвым.

¹ Тексты этих песен сообщила мне Елена Вирсаладзе.

Но в силах снести горе, невеста идет в монастырь¹.

Можно не сомневаться, что М. Туркистанишвили, изложивший это предание в газете, сюжет его передал без особых прикрас — записал, как сам слышал. Иначе вряд ли он стал бы вдаваться в подробное рассмотрение вопроса о том, как мог лезгин Ибрагим попасть из Белокан в Карталинию.

Близость приведенного здесь фольклорного материала к строфам «Демона», посвященным «властителю Синодала», позволяет, нам кажется, утверждать, что и этот эпизод в поэме возник у Лермонтова в результате знакомства с каким-то произведением грузинской народной поэзии.

ПРИКОВАННЫЙ БОГАТЫРЬ

В ущелье Гуда, и близ Казбека, и у подножия Эльбруса местные жители до сих пор показывают пещеры, в которых будто бы томится в оковах горный дух². Об этом и вспоминает Лермонтов, когда говорит, что плачущей Тамары

.....тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье.
И мыслит он: «то горный дух,
Прикованный в пещере, стонет».
И чуткий! напрягая слух,
Коня измученного гонит...

Горный дух, прикованный в пещере к скале, — это Амирани, или Амран — Прометей грузинских и осетинских легенд.

В одной из версий этой легенды, известной и у гру-

¹ М. Туркистанов (Туркистанишвили), «Воспоминание о Сулхае». Фельетон. «Закавказский вестник», 1849, № 41; Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, стр. 70—71.

² Н. Берzenов (Бердзнишвили), «Кудианоба (грузинская демонология)». «Кавказ», 1854, № 28; И. Степанов, «Поверья грузин Телавского уезда». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XVII, стр. 135—139; «Кавказ», 1882, № 73—74.

зин и у осетин, рассказывается о том, как молодой пастух, взобравшийся за козами на неприступные скалы, слышит какой-то необыкновенный звук: не то стон раненого зверя, не то гром. Сделав несколько шагов, он замечает в глубокой пещере богатыря, прикованного толстой цепью к скале.

Вкрадчивым голосом начинает умолять богатыря помочь ему разорвать узы, в которых он томится уже много веков. Для этого пастух должен вернуться в деревню и принести ему толстую цепь. С помощью этой цепи Амирани сможет притянуть к себе лежащий неподалеку тяжелый меч, который никто не в силах поднять: тогда он разрубит свои узы и получит свободу. Но если пастух произнесет до возвращения хотя бы одно слово, Амирани погибнет.

Пастух исполнил желание богатыря, но на обратном пути к пещере нечаянно вступил в разговор с охотниками, которые выследили его, думая, что он отыскал клад. В то же мгновение раздался страшный грохот, пещера разверзлась, и скала с прикованным богатырем провалилась в темную бездну¹.

«И теперь, если кому-нибудь случится проходить около Казбека, — говорится в одной из версий этой легенды, — он увидит сохранившиеся доселе цепи и веревки, принесенные великодушным пастухом для освобождения непобедимого Амирана»².

В другом варианте этой легенды рассказывается, что Амирани наказан за то, что, возгордившись, вызвал померяться силами самого господа бога. Тогда бог вонзил в землю длинный кол и приковал к нему толстой цепью Амирани, а потом надвинул на него горы — Казбек и Гергети. «С тех пор Амиран и мучается в глубине скал и вечных снегов».

Вместе с Амирани в пещере находится гошия — собака-пигмей, которая без усталости лижет оковы своего

¹ Н. Дункель-Веллинг, «Осетинская легенда о Прометее». «Кавказ», 1859, № 20. Ср. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XVII, стр. 171—173.

² А. Тоидзе. «Амиран (грузинская сказка)». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXI, стр. 95.

господина. С каждым днем цепь становится все тоньше и тоньше. Но утром в страстной четверг кузнецы всей Грузии три раза ударяют молотами по своим наковальням, и цепь приобретает свою прежнюю толщину¹.

Легенды об Амირани бытуют в Грузии повсеместно, но рассказываются по-разному. По одним версиям Амირани томится в одной из пещер Эльбруса, по другим — на Казбеке. По одним версиям Амირани — богатырь: он похитил огонь, принес его с небес на землю и осчастливил людей. Он борется со злыми духами — дэвами — и вступает в борьбу с небом за справедливую жизнь на земле. В других вариантах легенды Амირани — богоборец, злой дух, истребляющий людей. Он прикован к скале за то, что вызвал на единоборство своего крестного отца — Иисуса Христа. Освободится Амირани от своих цепей только в день светопреставления.

«В его лице мы имеем два наслоения, по одному из которых Амირани — бог добра, а по другому — злой демон, — пишет профессор А. С. Хаханашвили в своих «Очерках по истории грузинской словесности». — Амირани может восполнить отсутствие бога зла в грузинской языческой религии, отличающейся дуалистическим характером»².

В одной из осетинских версий легенды Амირани говорит о себе: «Я — Амيران, из рода Дарезановых, я был притеснителем, не давал покоя людям на земле, спорил с божьими дзуарами и самого бога ни во что не ставил. Вот бог развернулся надо мною, пригнал меня сюда, и вот здесь, привязанный, я стою»³.

Отверженный, изгнанный демон, над которым тяготеет божье проклятье, дух познания и свободы, затеявший «гордую вражду» с небом, оказался сродни богоборцу Амირани — духу зла из грузинских народ-

¹ Н. Берзенов (Бердзнишвили), «Кудианооба». «Кавказ», 1854, № 28.

² А. С. Хаханашвили (Хаханашвили). Очерки по истории грузинской словесности, вып. 1. М., 1895, стр. 42.

³ В. С. Миллер. Осетинские этюды. М., 1881, стр. 147.

ных легенд. И несомненно, что легенды об Амирани помогли Лермонтову органически связать давно возникший замысел поэмы о демоне с новым грузинским материалом.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Со станции Казбеги, Военно-Грузинской дороги, на вершине Квенет-мта, одного из отрогов горы Казбек, хорошо виден древний храм святой Троицы — «Цминда самеба», — полуразрушенный и давно опустевший, о котором Пушкин говорит в стихотворении «Монастырь на Казбеке».

Храм этот воздвигнут, по преданию, в XII веке царицей Тамар над могилой отшельника, который, удалившись от мирской суеты, во искупление грехов, долгие годы провел в недоступной пещере на Казбеке и прославился праведной жизнью.

Впрочем, точно так же и в XIX веке путешественникам рассказывали много чудес о пустынноике, который «живет в пещере на крутой, почти неприступной скале» и которого, «кроме пастухов никто не видел»¹.

Если верить народным преданиям, записанным в прошлом веке, пещера или заоблачный монастырь находится где-то на самой вершине Казбека. Добраться до пещеры никто не может, потому что «еще никто из простых людей не был там: оттуда бог прогонит, ангелы не пустят туда: подымется вихрь, пойдет снег — и человек пропал»².

Местные осетины объясняют это тем, что на Бешлам Корте (вершине Казбека) обитает горная фея Мягкинен, или Махкинан, не допускающая к священной горе смертных. Правда, ее никто не видел, зато слышали петушиный крик, которым она пугает тех,

¹ «Письма Х... Ш... к Ф. Булгарину, или поездка на Кавказ». «Северный архив», 1828, ч. 8-я, стр. 382.

² В . . . в, «Дорога от Тифлиса до Владикавказа». Сборник газеты «Кавказ», издаваемой О. Н. Константиновым. Второе полугодие 1847 г. Тифлис, 1848, отд. 2, стр. 43.

кто дерзнет приблизиться к волшебному кругу, начертанному ею вокруг Бешлама. Охотников, посягающих на ее дикие стада, Махкинан сталкивает в пропасть и, когда разгневадается, засыпает Дарьяльское ущелье обвалами. При этом она плачет, и слезы ее брызжут в Терек, затопляя ущелье, и тогда в Дарьяльской теснине гремит буря. Когда-то она была добрым гением людей и помощницей самого господа бога, но, влюбившись в сатану, навлекла на себя божий гнев и обречена на вечное пребывание в снегах Бешлама. Дворец ее стоит на самой вершине горы¹.

Рассказывали проводники-осетины еще и о том, что в пещере на Бешламе находится стол, уставленный яствами и питиями, что старики знали дорогу туда, но теперь ее уже никто не может найти².

В грузинских легендах таинственный монастырь на вершине Казбека зовется Бетлеми. В этом монастыре стоит будто бы шатер библейского патриарха Авраама, в котором «невидимая рука поддерживает ясли Христа, окруженные несметными сокровищами». Никто из простых смертных не бывал в пещере Бетлеми, ибо проникнуть туда, как утверждает предание, могут только святые люди. А для таких имеется огромная железная цепь, прикованная к отвесной, очень высокой скале, и святые люди проникали по ней в монастырь. Будто бы при царе Ираклии и с его разрешения «всходил туда один священник с сыном, совершенно чистые телом и душой; отец погиб, а сын возвратился с кусками дерева от яслей и тряпками от шатра, но без сокровищ».

Популярности этой легенды способствовало то, что ее повторяли не только путешественники, но и официальные путеводители (дорожники); о ней упомянуто даже в таком издании, как «Географическо-статистический словарь Российской империи», составленный

¹ А. Висковатов (геолог, а не биограф Лермонтова!), «С Казбека». «Русский вестник», 1865, т. 60, кн. 2-я, стр. 408—409; «Махкинан (горная фея)». «Кавказ», 1895, № 98.

² А. Висковатов, «С Казбека». «Русский вестник», 1865, т. 60, кн. 2-я, стр. 411; А. П. Андреев. От Владикавказа до Тифлиса. Военно-Грузинская дорога. Тифлис, 1895, стр. 53 и 65.

П. Семеновым. Пересказывается она в путеводителях и в наше время¹.

Сохранилось об этом монастыре и другое предание, записанное от жителей деревни Гергети, согласно которому в заоблачном монастыре обитали когда-то семеро монахов. Один из них отличался особой святостью жизни. И бог явил над ним чудо: каждый раз, когда луч солнца проникал через маленькую дверь в келью, монах, приготавливаясь к молитве, вешал на луч котомку с книгами, и котомка не падала, словно луч был из чистого золота. Другие монахи завидовали благочестивому брату и, чтобы ввести его в искушение, обратились к красавице из селения Гвилети.

Притворные мольбы ее о помощи заставили отшельника нарушить монашеский обет и впустить в келью женщину. Как бы в поисках защиты у благочестивого старца, она просит позволения прикоснуться к его святой одежде. Вот она уже кладет руку на его тяжелые вериги...

Монах очнулся, когда солнечный луч проник в его келью, он спешит к котомке с книгами и, приготавливаясь к молитве, поспешно вешает ее на луч... Но книги с грохотом рассыпались у его ног.

С тех пор заоблачная обитель опустылела иноку, и он покинул ее. Братья последовали его примеру, и монастырь опустел навсегда².

Это предание легло в основу «Гандегили» — поэмы замечательного грузинского поэта Ильи Чавчавадзе. В его поэме, как известно, речь идет о монахе, живущем в пещере Бетлеми на склоне Казбека. В пещеру эту можно подняться только по железной цепи.

Но удивительнее всего, что все эти легенды порожд-

¹ К. Koch. Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Jsthmuss in den Jahren 1836. 1837 und 1838. Stuttgart und Tübingen, 1843, В. I, ss 19—20; «Кавказский календарь на 1851 год». Тифлис, 1850, отд. III, стр. 66; «Географическо-статистический словарь Российской империи». Составил П. Семенов. Т. II. СПб, 1865, стр. 427; Сергей Анисимов. От Казбека к Эльбрусу. М.—Л., 1928, стр. 51—52.

² А. Висковатов, «С Казбека». «Русский вестник», 1865, т. 60, кн. 2-я, стр. 411.

дены, как оказывается, самой настоящей действительностью.

В 1811 году путешественник Фр. Паррот, совершавший восхождение на Казбек, на высоте 3520 метров обнаружил высокий каменный крест. Около креста была ограда, внутри ее — несколько могильных плит, позади креста сложенная из камней довольно большая пирамида; рядом с ней стоял черный гранитный столб.

С этого места Паррот заметил вверху пещеру, высеченную в совершенно отвесной скале.

«На скалистом гребне, — записал он, — высечена чудесная пещера, называемая здесь монастырем, где, как рассказывают туземцы, хранятся... огромные сокровища»¹.

По словам Паррота, она находилась в 457 сажнях выше снеговой линии и примерно в полумерсте от вершины Казбека². Пещеры этой Паррот не достиг.

Прошло сто тридцать шесть лет.

В 1947 году сотрудник высокогорной метеорологической станции Ш. Церетели, бродя на лыжах по склонам Казбека, увидел вдруг на высоте 400-метровой скалы свисавшую железную цепь и маленькую, обитую железом дверь.

Церетели сообщил об этом в Тбилиси, и в 1948 году правительство Грузии отправило для обследования пещеры Бетлеми специальную экспедицию во главе с известной альпинисткой Александрой Джапаридзе.

Экспедиция действительно обнаружила пещеру в отвесной скале на высоте 4100 метров над уровнем моря, но не нашла никаких следов тропы, которая бы вела к ней.

Внутри пещеры оказался престол, хоругвь XI века, бронзовый подсвечник XII века, деревянные миски, наконечники стрел, грузинские и иранские монеты XV—XVIII веков. Судя по кускам найденной в пещере материи, какой-то человек побывал в ней в первой поло-

¹ «Восхождение на Казбек в 1844 году доктора Коленати». «Отечественные записки», 1845, XVI, отд. VIII, смесь, стр. 116.

² «Закавказский вестник», 1845, № 20, часть неофициальная, стр. 196—197.

вине XIX века. Выстукивание показало, что под полом пещеры, возможно, существует еще не открытый тайник.

Это замечательное открытие описал в своем очерке поэт Николай Тихонов¹.

В статье самой Александры Джапаридзе имеется, однако, еще одна, очень существенная подробность.

Пещера Бетлеми высечена в отвесном склоне главной вершины Казбека. Поднявшись туда, участники экспедиции ниже этой пещеры, на малой вершине Казбека, увидели развалины древнего монастыря с монастырскими службами². Это подтверждает участвовавший в экспедиции С. И. Алибегашвили — директор Казбегского краеведческого музея.

Царевич Вахушти, составивший в XVIII веке историческое и географическое описание Грузии, знал о существовании пещер Бетлеми. Но, сообщив уже известную нам легенду о колыбели Христа и шатре Авраама, он продолжает: «Сказывают и о других чудесах, но я умалчиваю о них». И заключает свое сообщение словами: «Под ними (пещерами) имеется монастырь, высеченный в скале. Эта пустынь ныне впусте»³.

О чем умолчал Вахушти?

Вначале он говорит, что в прежние времена монахи, спасая от иноземных захватчиков сокровища Мцхетского храма, скрывали их на Казбеке. Может быть, те, кто скрепил эту тайну клятвой, погибли, никому не сказав о ней, а потом эта тайна была потеряна, как потерян и путь к пещере Бетлеми? Но, может быть, Вахушти подразумевает другое?

Потеряна тайна погребения царицы Тамар. О месте ее погребения и до сих пор существует много легенд, но где она погребена — в Гелатском ли монастыре, в Бетани, или, может быть, в районе пещер Бетлеми, — мы так и не знаем⁴.

¹ Н. Тихонов, «Тайна пещеры Бетлеми». «Огонек», 1948, № 16, стр. 21—22.

² А. Джапаридзе, «Пещера Бетлеми». «Заря Востока», 1948, № 30 (1781).

³ Царевич Вахушти. География Грузии. Примечания М. Г. Джанашвили. Тифлис, 1904, стр. 76.

⁴ Н. Тихонов, «Тайна пещеры Бетлеми». «Огонек», 1948, № 16, стр. 21—22.

Одно из грузинских народных преданий объясняет происхождение этой тайны по-своему.

Среди своих приближенных царица Тамар отличала двух юношей, мужественных и благородных. Незадолго до смерти она призвала их к себе и сказала: «Когда я умру, похороните в разных местах Грузии девять гробов. Но никому не должно быть известно, в котором из них будет находиться мой прах. Не то его стыщут враги».

Она умерла. И юные витязи, выполняя ее последнюю волю, похоронили в разных местах девять гробов, в одном из которых вечным сном спала царица Тамар. Выполнив ее волю, юноши закололи друг друга, чтобы не осталось на земле ни одного человека, кто знал бы тайну ее погребения. Вот почему, — поясняет предание, — никто не знает, в каком месте покоится ее прах, и каждый уголок Грузии, стремясь разгадать эту тайну, ищет у себя могилу великой Тамар¹.

Сохранилась легенда, что «на одной из вершин Кавказского хребта» находится дворец царицы Тамар, до которого «многие пытались добраться, но никто не мог, потому что мешали нечистые духи», бросавшие камни в тех, кто пытался добраться туда.

Совершенно так же, как в преданиях о заоблачном монастыре на Казбеке и о казбекском отшельнике, и здесь, в этой легенде, сумел достигнуть вершины «только один священник» — монах, который увидел дворец, а рядом с ним церковь.

Войдя в храм, чтобы принести «благодарственную молитву», священник этот слышит голос, исходящий из серебряного шарика, висящего у церковного входа.

Прислушался священник, и голос поведал ему о том, как царица Тамар захотела схоронить от всех утреннюю звезду. Она взяла девять ящиков и, закрывая их, ставила один в другой. В девятом, самом меньшем, была спрятана утренняя звезда. В отсутствие царицы кормилица ее решила поглядеть на звезду и сняла крышки со всех девяти ящиков. Звезда исчезла. А кормилица превратилась в серебряный шарик.

¹ Народное предание. Сообщила поэтесса Мариджан (М. М. Алексидзе).

Легенда помещает этот таинственный дворец Тamar на Гуд-горе. Очевидно, скатывает вниз камни и мешает добраться до заоблачного дворца уже знакомый нам дух Гуда.

Девять гробов Тamar превратились в этой легенде в девять ящиков, в одном из которых скрыта утренняя звезда, исчезнувшая так же, как и царица¹.

Очевидно, какие-то предания — о тайном ли погребении царицы Тamar, о ее неприступном дворце, о древнем монастыре на вершине Казбека, о заоблачной пещере Бетлеми или о могильных плитах на кладбище среди вечных снегов — стали известны Лермонтову и побудили его для новой редакции «Демона» избрать местом последнего упокоения своей Тamarы «чудный храм» на Казбеке —

На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пение,
Куда лишь коршун залетал.

.
.

И превратилася в кладбище
Скала, родная облакам.
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?

Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Как тучи гору обложили
И разыгралася метель;
И громче хищного шакала
Она завывала в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах.

Легендами о заоблачном монастыре вдохновлены и заключительные строфы «Демона», сообщающие всей поэме характер старинного предания:

¹ Д. Хаханов (Хаханашвили), «Предание о царице Тамаре». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, отд. II, стр. 44—45.

Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят нахмурившись вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме в той стране;
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье:
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

А разве казбекские легенды о Махкинан, о слезах ее, брызжущих в Терек, о бурях в Дарьяле, которые подымает она в дикой злобе, не вызывают в памяти описания Лермонтова:

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен
Слезы брызгами летят...

Нет сомнения: эти предания отозвались и в поэме, и в стихах Лермонтова. И вот еще один отголосок этих народных легенд о Казбеке, осыпающем «белогривыми метелями» путников, дерзающих достигнуть неприступ-

ного храма, — мы встречаем его в заключительной строфе лермонтовского обращения к Казбеку:

О, если так! Своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей!

КОВАРНАЯ ТАМАРА

До сих пор все проезжающие по Военно-Грузинской дороге через Дарьяльское ущелье обращают внимание на развалины старинной башни, построенной на самой вершине неприступного утеса.

Внизу яростно клубится, кипит и хлещет свирепый Терек, содрогая перекинутый через него мост. И рев Терека, и холодный полумрак ущелья, откуда даже в летний день небо кажется голубой лентой, причудливые повороты дороги, вьющейся по карнизу отвесных скал, ниспадающие с них прозрачные нити водопадов и этот разрушенный замок, в который, по преданию, можно проникнуть только потаенным ходом, прорытым в скале до самой реки, — все это в совокупности придает картине какой-то сугубо романтический вид.

Теперь каждому экскурсанту известно, что башня на вершине скалы — это «Замок Тамары», описанный Лермонтовым в его знаменитой балладе:

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.
В той башне высокою и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

Однако до Лермонтова никто не называл обитавшую в старинной башне царицу Тамарой. Напротив, все путешествовавшие по Военно-Грузинской дороге в 1820—1830-х годах упоминают при этом совершенно другое имя.

«По преданию, — пишет автор «Писем о Грузии» Платон Зубов, — в старину обитала тут женщина Дарья, атаман разбойников, наполнявших ужасом окрестные страны», — и сообщает, что сохранившиеся на скале развалины называются «Дарьян дом»¹.

Другой путешественник точно так же утверждает, что замок принадлежал какой-то Дарье, но называет ее при этом «царицей». «Достоинно удивления, каким образом можно было строиться на такой неприступной высоте, — пишет он и тут же добавляет: — Впрочем, туземцы решают это легко: царица была в связи с окаянным, а для последнего нет ничего невозможного»².

В книге французского путешественника Гамба говорится: «Если верить местному преданию, Дарьяльский замок принадлежал в средние века какой-то княжне Дарье, которая взымала со всех путников огромную мзду, а тех, кто ей нравился, задерживала, чтобы разделить с ними ложе, и приказывала бросать в Терек любовников, которыми была недовольна»³.

Четвертый путешественник сообщает, что «в замке жила молодая царевна»⁴.

Пятый уверяет, что это было жилище «волшебницы Дарьи»⁵.

В действительности никакой княжны, царевны или царицы, а тем более волшебницы Дарьи не существовало. Имя это возникло от самого названия Дарьяла. «Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости, — писал Пушкин в «Путешествии в Арзрум». — Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелью:

¹ «Шесть писем о Грузии и о Кавказе, писанные в 1835 году Платоном Зубовым». М., 1835, стр. 41.

² «Письма Х... Ш... к Ф. Булгарину, или поездка на Кавказ». «Северный архив», 1826, № 7, часть 3 — 4-я, стр. 231.

³ G. F. Gamba. Voyage dans la Russie méridionale... Paris, 1826, II, 21—22.

⁴ «Из записок Н. Н. Муравьева, 1816». «Русский архив», 1886, № 4, стр. 461.

⁵ Н... Н... Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 г. М., 1829, стр. 128.

сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота»¹.

Лермонтов знал легенду о Дарье хотя бы из книги Гамба, которую он упоминает в «Герое нашего времени»: «...переезд через Крестовую Гору (или, как называет ее ученый Гамба, «le Mont St.-Christophe»), достоин вашего любопытства».

Но до сих пор оставалось невыясненным, почему Лермонтов связал в своей балладе легенду о распутнице Дарье с именем исторической царицы Тамар. Летописи и народные легенды сохранили память о ней как о могущественной и справедливой царице, как о женщине чистой и целомудренной. С ее царствованием (XII век) связан расцвет грузинской культуры и государственности, русская устная традиция хранит похвалу Ивана Грозного «премудрой и мужеумной царице Иверской».

За выяснение этого вопроса взялся в свое время Александр Веселовский, который пришел к выводу, что Лермонтов знал легенду о Дарье, но совершенно произвольно заменил ее имя именем царицы Тамар. Проводя пресловутые параллели, Веселовский не интересовался при этом грузинским фольклором. Между тем ответ на вопрос нужно искать в грузинских народных преданиях и легендах и в фактах грузинской истории.

На царицу из лермонтовской баллады похожа отнюдь не Тамар, а скорее дочь царицы Тамар — Русудан, «державшая в крепкой башне в неволе по два случайных любимца одновременно»², или царица Дареджан, жившая в XVII веке.

Но у Тамар были не только дочь Русудан и тетка Русудан, но и сестра Русудан³. В народной легенде распутной царице нетрудно было превратиться в сестру царицы Тамар. И действительно, в конце прошлого

¹ «Путешествие в Арзрум», глава первая.

² Вл. Зубов, «По поводу легенд о царице Тамаре». «Исторический вестник», 1901, № 12, стр. 1311.

³ В. Дондуа, «Сестра царицы Тамар — Русудани». «ЭНИМКИ»с моамбе», V—VI, Тбилиси, 1940, стр. 321—328 (на грузинском языке).

века в окрестностях Душета была записана легенда, в которой фигурирует «беспутная сестра» Тамары. «Когда еще царила в Грузии великая Тамара, — начинается эта легенда, — у нее была развратная, беспутная сестра. Много с ней возилась царица, но, наконец, боясь срама, заперла ее в Дарьяльскую башню. Кто бы ни проходил по ущелью, все тут стали зазываться негодницей в крепость, а потом этих несчастных убивали, и поныне их души носятся вереницей по ущелью Дарьяла, а когда там воет ветер в Девдоракском ущелье — это стонут и плачут о своих грехах замученные бедняки Кавказа»¹.

Легенда о башне на Тереке связывалась и с царицей Дареджан. Один из вариантов легенды послужил сюжетом для повести неизвестного автора «Таинственная или кавказское мщение» (СПБ, 1836), героиней которой является «разбойница Дареджана».

Однако, полная именем Тамар, народная поэзия имени других цариц во многих случаях не сохранила. И легенды о Русудан и Дареджан оказались связанными с именем Тамар — единственной памятной царицы. Если же при этом вспомнить, что народные предания приписывают царице Тамар сооружение почти всех старинных храмов и башен в Грузии, то станет ясным, что в каких-то легендах Дарья, или Дареджан, или «распутная сестра царицы Тамар», неизбежно должна была превратиться в коварную Тамару.

Так и случилось.

В одном из вариантов легенды о Дарьяльской башне историк грузинской литературы А. С. Хаханашвили обнаружил имя «беспутной сестры» Тамары. Ее звали... Тамарой.

Предание это повествует о двух сестрах, носивших одно и то же имя. Благочестивая Тамара жила в башне близ Ананури, другая — волшебница Тамара — в замке на Тереке. Эта волшебница, зазывая к себе на ночь путников, утром обезглавливала их и трупы сбра-

¹ А. Грен, «В горах Душетского уезда». «Россия и Азия», 1897, пробный номер от 7 октября, стр. 6.

сывала в Терек. Ее убил заговоренной пулей русский солдат. Труп ее был выброшен в Терек, замок развалился, имя чародейки Тамары проклято¹.

Отмечая раздвоение образа Тамары в этой легенде, проф. Хаханашвили первый обратил внимание на сходство ее с той легендой, которая послужила сюжетом лермонтовского стихотворения.

БИТВА С БАРСОМ

На создание центрального эпизода поэмы «Мцыри» — битвы с барсом — Лермонтова вдохновила распространённая в горной Грузии старинная песня о тигре и юноше, одно из самых любимых в Грузии произведений народной поэзии.

Молвил юноша удалый:
«Стадо туров я следил,
По тропам, сбившим скалы,
День и ночь с ружьем ходил.

.

Тигр напал на раздорожье
Черной ночью на меня.
Взор страшнее гнева божья,
Полон желтого огня...»
Тигр и юноша сцепились
Средь полночной темноты,
Камни в пропасть покатались,
Обломились кусты.
Щит свой юноша отбросил.
Щит в бою не помогал.
Был стремителен и грозен
Тигр горячий — житель скал,
Он на юноше кольчугу
Разорвал от самых плеч.
Вспомнил юноша о друге,
В руки взял свой франкский меч.
Взял обеими руками,
Тигру челюсть разрубил.

¹ А. Хаханов, «Из грузинских легенд. Новая версия сказания о царице Тамаре». «Этнографическое обозрение», 1898, № 4, стр. 140.

Тигр, вцепясь в утес когтями,
Кровью крутизну облил¹.

Эта песня относится к грузинскому средневековью. Тему этой древней песни использовал Шота Руставели в том месте своей гениальной поэмы, где Таризл рассказывает Автандилу, как он убил льва и тигрицу:

Меч отбросивши, тигрицу я в объятия заключил:
Целовать ее хотел я в честь светила из светил.
Люгый нрав острокогтистой эту нежность отвратил;
Я убил ее во гневе, что сдержать не стало сил.
Тщетно силясь успокоить отвечающую злом,
Я схватил ее и наземь бросил в бешенстве глухом².

Единоборство храбрых, жаждущих подвига и победы, воплощенное в народной хевсурской песне, вдохновило Лермонтова на создание одного из лучших мест его поэмы:

Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой как топор
Широкий лоб его рассек...
Оч застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой широкою волной,
Бой закипел — смертельный бой!
Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом — и во мгле
Бой продолжался на земле.

.

Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,

¹ «Стих о тигре и юноше». Перевел с грузинского Вл. Джаржин. «Поэзия Грузии», под редакцией В. Гольцева и С. Чиковани. М. — Л., Государственное издательство художественной литературы, 1949, стр. 18.

² Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Перевод П. Петренко, под редакцией К. Чичинадзе. М. — Л., Издательство Академии наук СССР, 1938, стр. 144 — 149.

Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно, — и потом
Закрылись тихо вечным сном.
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!

Не только битва с барсом — каждый день пребывания Мцыри на свободе невольно вызывает в памяти образы богатырей и великанов, воспетых грузинской народной поэзией.

Недалеко от тех мест, где заблудился Мцыри, возвышается отвесный утес Зеда-Зени — наслоение скалистых плит. Эти плиты напоминают ступени уходящей в небеса огромной лестницы. В народной песне говорится, что они «в Зеда-Зени лестницей к небесным вершинам стоят»¹.

По народному сказанию, на вершине этого утеса в давно минувшие времена обитал великан (дэви), стороживший окрестности Мцхета. Перед заходом солнца он становился на колени и нагибался к берегу, чтобы напиться. И два углубления, видимые на поверхности утеса Зеда-Зени, образовались будто бы от колен великана.

Томимый жаждою, Мцыри лежит на краю утеса.

Я поднял голову мою.
Я осмотрелся: не таю,
Мне стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал,
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, поверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

.
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту, я, как мог,
Спускаться начал...

В этих строках снова слышны отголоски народных преданий: и предания о зедазенском великане, и дру-

¹ С текстом этой песни меня познакомила Н. Г. Хомерики.

юю) о богатыре Амирани, поверженном с небес и провалившемся в подземную бездну.

Круг тем и образов поэзии Лермонтова обогащался от соприкосновения с народной поэзией. Он не подражал народным песням, но, вдохновленный ими, создал такие замечательные произведения, как «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Казачья колыбельная песня», горская легенда «Беглец», «Дары Терека», «Тамара», «Демон», «Мцыри», «Ашик-Кериб».

Проникновение в дух и характер русских народных песен помогло Лермонтову постигнуть красоту и грузинской народной поэзии.

У СЛИЯНИЯ АРАГВЫ И КУРЫ

Однако в основу «Мцыри» и кавказской редакции «Демона» легли не одни фольклорные источники. На создание этих поэм Лермонтова вдохновляли прежде всего непосредственные впечатления: и сумрачный Дарьял, и Казбек, увитый «белой чалмой», и Гуд-гора, и дымящиеся туманы в ущельях, и хрустальные водопады, и особенная тишина на перевалах, и увиденная сверху, пересекаемая Белой Арагвой и другой, безымянной речкой Кайшаурская долина. «Голубоватый туман, — пишет Лермонтов в «Бэле», — скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор; один выше другого пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остался жить навеки...»

Восхитила Лермонтова долина Арагвы, с селениями, прилепившимися к скалам, как ласточкины гнезда, и попадавшие навстречу караваны верблюдов, и скрипящие арбы, запряженные мохнатыми черными буйволами, и пастухи в черных мохнатых бурках и с длинными посохами, и всадники в темных черкесках, закутанные в белые башлыки, и женщины в национальных головных уборах: лоб облегает бархатный

венчик «тавсакрави», нежный овал обрамляют локоны, а на плечи и длинные косы ниспадает «личаки» — вышитая белым шелком белая вуаль, — словом, Лермонтова восхитило все то, что изображено на его рисунках и картинах, что описано в прозе «Героя нашего времени», в стихотворных строфах «Мцыри» и «Демона».

Не доезжая до Тифлиса, он остановился во Мцхете — древней столице Грузии, основанной за тысячелетие до нашей эры и раскинувшейся у самого слияния Куры и Арагвы. Все помнят начало «Мцыри»:

Немного лет тому назад
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод:
Но не курится уж под ним
Кадилиц благонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.

Над маленькими домиками, крытыми рыжею черепицею, над зелеными виноградниками высился, как и сейчас, воздвигнутый в XI веке собор Свэтицховели, что означает: «Животворящий столп».

Лермонтов осмотрел храм. Возле ступеней алтаря возвышались гробницы последних грузинских царей: на медных надгробиях были начертаны русские надписи:

«Здесь покоится царь Ираклий, — читал Лермонтов, — который родился в 1716 году, вступил на престол кахетинский в 1744 г., карталинский в 1762 г. и скончался в 1798 году. Дабы оставить в памяти потомства славное 54-х летнее царствование сего царя, от имени государя императора Александра 1-го воздвигнут сей памятник в 1812 году, главноначальствующим в Грузии Маркизом Пауллуччи».

«Здесь покоится царь Георгий, — начертано на другой могильной плите, — который родился в 1750 г.,

вступил на престол грузинский в 1798 г. Для благоденствия своих подданных, в 1799 г. уступил Грузию Русской империи и скончался в 1800 г.». И снова: «дабы оставить в памяти... от имени... воздвигнут...» и т. п.¹.

Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.

Из этих строк становится совершенно ясным: в первой строфе своей поэмы Лермонтов описал большой мцхетский собор Свѣтицховели и могилы — Ираклия II и «удрученного своим венцом» Георгия XII.

Между тем народная молва давно уже назвала обителью Мцыри другой мцхетский храм — Джварисакдари, воздвигнутый в VII веке. Видный отовсюду с далекого расстояния, он высится на скалистой вершине над тем самым местом, где Арагва сливается с Курой. Никаких документальных данных о том, что Лермонтов побывал в этом храме, у нас не имеется. Но стоит только подняться туда — и вы поймете, что поэт побывал, не мог не побывать здесь, что, создавая свою поэму о Мцыри, он вспоминал этот великолепный памятник древнего зодчества, давно уже опустелый, остатки окружавших его когда-то стен и башен, обрушенные столбы ворот, открывающуюся сверху величественную панораму:

Оттуда виден и Кавказ.

Становится понятным, что гробницы грузинских царей привлекли внимание Лермонтова в одном храме, а в другом поразило удивительное местоположение и

¹ А. Натроев (Натрошвили). Мцхет и его собор Свѣти Цховели. Тифлис, 1900, стр. 322.

подлинно романтическая обстановка. В своем описании поэт слил два мцхетских храма.

В пропасти, над которой висит церковь, сверкая, как чешуя, бурно стекались Кура и Арагва. Внизу, у самого их слияния, как и сейчас, белел огромный мцхетский собор, к которому прилепился маленький городок; на противоположной горе видны были развалины старинной крепости, впереди открывалось узкое ущелье Куры, справа — ущелье Арагвы, поросшее синим лесом, осененное зелеными обрывистыми горами. А там, за голубой мглой арагвинского ущелья:

Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой.
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой¹.

На одной из своих картин Лермонтов написал маслом с натуры и Военно-Грузинскую дорогу, и храм Джвари на вершине горы, и слияние Куры и Арагвы, и дальние очертания большого мцхетского собора, то есть те самые места, которые воспел в своей поэме².

ПЛЕННИК ЕРМОЛОВА

С давних пор считается, что в основу «Мцыри» Лермонтов положил рассказ старого монаха, которого встретил во Мцхете. П. А. Висковатов еще в 1887 году, ссылаясь на сведения, полученные от родственников поэта А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова, писал, что Лермонтов «наткнулся во Мцхете... на одинокого монаха, или, вернее, старого монастырского служку,

¹ «Демон», часть II, строфа IV.

² См. главу «По ущельям Терека и Арагвы» и верхнюю иллюстрацию на стр. 48.

«бэри» по грузински. Сторож был последний из братии урядничьего близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым (так у Висковатова. — И. А.) во время экспедиции. Генерал его вез с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь угомонился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику монаху».

«Любопытный и живой рассказ «бэри», — продолжает Висковатов, — произвел на Лермонтова впечатление. К тому же он затрагивал уже знакомый поэту мотив, и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в «Исповеди» и в «Боярине Орша», и перенес все действие из Испании и потом Литовской границы — в Грузию»¹.

Достоверность этого рассказа, основанного на воспоминаниях родственников Лермонтова, еще не вызвала сомнений. А между тем в этом рассказе неверно все — от начала и до конца.

Прежде всего Висковатов упустил из виду, что Ермолов был назначен на Кавказ только в 1816 году. Первые его экспедиции в горы Центрального Кавказа относятся к 1818—1820 годам. Таким образом, взятый им в плен шестилетний мальчик не мог успеть состариться к приезду Лермонтова в 1837 году. Если же монах, которого Лермонтов встретил во Мцхете, был действительно стар, следовательно он родился в XVIII веке, когда еще не было ни кавказской войны, ни генерала Ермолова.

Если Шан-Гирей и Хастатов даже и слышали что-нибудь подобное про монаха, то потом они читали «Мцыри» и, очевидно, передали этот эпизод Висковатову уже «с поправкой» на лермонтовскую поэму.

¹ П. А. Висковатов, «Михаил Юрьевич Лермонтов. Неизданное юношеское его стихотворение «Исповедь», 1829—1830 гг.». «Русская старина», 1887, октябрь, стр. 124 — 125.

Впрочем, вернее всего, что Висковатов сам составил эту неубедительную историю, соединив два их рассказа в один, а может быть, добавив к их воспоминаниям свои собственные домыслы, что, к слову сказать, случалось с ним довольно часто.

Но допустим, что Лермонтов действительно встретил во Мцхете старого монаха. Допустим, что Висковатов прав и в основу сюжета поэмы положен рассказ этого монаха о том, как он в юности бежал из монастыря. И все же творческая история поэмы, даже и в этом случае, оказалась бы сложнее, чем её изобразил Висковатов. Потому что, если бы у Лермонтова стал рассказывать историю своей жизни старик, то тогда нельзя было бы сделать Мцыри пленником генерала Ермолова и в конце поэмы Мцыри не мог бы умереть молодым. А тогда не получила бы развития основная мысль лермонтовской поэмы.

Пленный Мцыри знает только одну страсть: страсть к свободе. Он стремится в родные горы, где сражаются его соотечественники. Он решил узнать, «для воли или тюрьмы на этот свет родимся мы». И тюрьма, по мысли Лермонтова, не только монастырь, в котором томится Мцыри, тюрьма олицетворяет собою весь николаевско-бенкендорфовский режим.

И это уже не «Исповедь», уже не просто поэма о заточенном в монастырь юноше. И не возникший заново в других декорациях «Боярин Орша», основной пафос которого составляет протест против церковных законов, оправдывающих социальное неравенство, карающих за проявление самых чистых человеческих чувств. «Мцыри» — поэма о пленнике российского самодержца, о юноше, лишенном свободы и погибающем вдали от родины. Это поэма о современнике Лермонтова, о его сверстнике, о судьбе лучших людей того времени.

Допустим, что Лермонтов даже и встретил в действительности старого монаха. И все-таки хронологию событий, замысел поэмы, определила не эта встреча, а прежде всего отношение поэта к современности, к кавказской войне, к судьбе своего поколения. А «развалин страж полуживой» — старый церковный сто-

рож — сохранился в первой строфе поэмы лишь для того, чтобы связать судьбу Мцыри с Мцхетом.

Таким образом, творческая история «Мцыри» оказывается несколько сложнее, чем ее изобразил Висковатов, а его мнение, что в «Исповеди», в «Боярине Орше» и в «Мцыри» Лермонтов разрабатывал один и тот же абстрактный сюжет, последовательно перенося действие из Испании, а потом с литовской границы в Грузию, представляет собою, как видим, взгляд совершенно необоснованный, но, тем не менее, широко распространенный до сих пор.

Сначала Лермонтов предполагал назвать свою поэму «Бэри». Написав это слово на обложке рукописи, он сделал внизу примечание: «Б э р и: по-грузински монах»¹. Но слово «бэри» не подходит к юноше, еще не давшему монашеского обета. Поэтому в 1840 году, включая поэму в сборник стихов, Лермонтов озаглавил ее «Мцыри». Но и это слово снабдил примечанием: «Мцыри» на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто в роде «послушника». Очевидно, оба слова он записал еще в Грузии. Или же должен был в пору, когда писалась поэма, в 1839 году, встречаться в Петербурге с грузинами: факт для нас неизвестный.

Итак, старика, еще в детстве взятого в плен Ермоловым, быть не могло. Но интересно, что в первой половине XIX века не было во Мцхете и действующего мужского монастыря, куда бы Ермолов мог отдать пленного горца. Свэтицховели, — о нем уже сказано, — это был кафедральный собор. В Джварис-сакдари монастырь находился с VII века, но уже в X веке он был упразднен. Самтавро — монастырь женский. Антиохийская церковь пустовала. Саркинети — развалины. Был когда-то мужской монастырь в одиннадцати верстах от Мцхета, на горе Зеда-Зени. Но его еще в 1705 году разорили лезгины, и в 1830-х годах он по-прежнему лежал в развалинах. «В развалинах Зедазенского монастыря», — так называется большая статья, напечатанная в газете «Закавказский вестник» в

¹ Пушкинский дом Академии наук СССР. Рукописное отделение, ф. 524, оп. 1, № 13, XIII лермонтовская тетрадь.

Военно-Грузинская дорога близ Мцхета.

Тифлис.

Работы Лермонтова.

1849 году, ставившая вопрос о реставрации этих руин, «не много лет назад» покинутых лезгинами¹.

Следовательно, Лермонтов избрал Мцхет местом действия для своей поэмы не оттого, что встретил там старого монаха, и не оттого, что там находился какой-то реальный монастырь, в который Ермолов отдал пленного ребенка. Лермонтов избрал Мцхет потому, что городок у слияния Куры и Арагвы давал ему возможность связать свой замысел не только с природой Грузии, но и с ее историей — с памятниками ее старины, с размышлениями о судьбе ее народа. Недаром в том месте рукописи, где речь идет о могильных плитах:

Которых надпись говорит
О славных бит[вах], —

Лермонтов тут же переправил и написал:

Которых надпись говорит
О славе прошлой...²

Переправил, ибо прошлая слава Грузии — страны с древнейшей культурой, страны Руставели — была в его глазах, конечно, несравненно больше, чем одни славные битвы, в которых побеждал своих врагов грузинский народ.

ИЗ ЧЕРНОВИКОВ «МЦЫРИ»

Судя по тексту «Мцыри», Лермонтов размышлял и об исторической неизбежности присоединения Грузии к России.

Сперва после слов «Молящих иноков за нас» Лермонтов поставил цифру «2» и продолжал:

Тогда уж Грузия была
Под властью Русских, но цвела,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков³.

¹ А. Натроев (Натрошвили). Мцхет и его собор Святи Цховели. Тифлис, 1900, стр. 21; «В развалинах Зеда-Зенского монастыря». «Закавказский вестник», 1849, №№ 20 и 21.

² М. Ю. Лермонтов, т. III, стр. 620 и 432.

³ Там же, стр. 620.

Так читает первоначальный текст этих строк Б. М. Эйхенбаум. Впоследствии слово «но» во второй строке Лермонтов переправил в «она» («она цвела»).

Редакция последнего — академического — издания Лермонтова считает, что вначале было «и», а не «но» и приводит варианты этой строки:

Под властью Русских, и цвела
Под властью Русских, она цвела¹.

В окончательный текст эта строка вошла в другом виде:

И божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов
За гранью дружеских штыков².

Как возникли в поэме эти строки, в которых утверждаются выгоды присоединения Грузии к России? Ведь о сочувственном отношении Лермонтова к борьбе народов Кавказа против власти российского самодержавия мы знаем не только из юношеских стихотворений и юношеской поэмы «Измаил-бей»; лучшее тому доказательство именно «Мцыри». Об этом ребенке, взятом в горах и обретенном в грузинском монастыре тюрьму вместо родины, Лермонтов говорит с любовью и состраданием: поэма исполнена пафоса свободы. Так почему же, сочувствуя пленному горцу, он полагает, что на Грузию после ее присоединения к России должна была снизойти «божья благодать»? Нет ли противоречия между этими строчками о Грузии и остальным текстом поэмы? Как ни читай черновой вариант, по Эйхенбауму или по новому академическому изданию: «Под властью Русских, *но* цвела» или «Под властью Русских, *и* цвела», — основная мысль, заключенная в этих строках, мысль о том, что присоединение к России содействовало расцвету Грузии, остается все равно неизменной!

¹ М. Ю. Лермонтов. Сочинения, в шести томах. Изд-во Академии наук СССР, т. IV. Печатается.

² «Мцыри», строфа I.

Противоречия нет. Здесь сказалось понимание исторической судьбы Грузии и умение Лермонтова отличать Россию — великую страну от Российской империи, славу царских колонизаторов от той роли, которую Россия была призвана сыграть в судьбе кавказских народов.

Строки о Грузии свидетельствуют, что сочувствие кавказским народам не мешало Лермонтову воспринимать продвижение России на Кавказ как явление неизбежное и исторически прогрессивное.

Мы знаем, что перед Грузией стоял тогда вопрос: быть поглощенной отсталыми, феодальными странами — шахской Персией и султанской Турцией — или присоединиться к России. Присоединение к России обеспечивало Грузии безопасность от внешних врагов и представляло собою единственно возможный путь для развития ее экономики и культуры.

Царь Ираклий II, выдающийся государственный деятель Грузии, хорошо понимал, что спасти грузинский народ от полного истребления может только защита России. В 1783 году его представители Иоанн Мухран-Батони и Гарсеван Чавчавадзе, а от имени Екатерины II генерал Павел Потемкин подписали в Георгиевске «трактат», по которому грузинский царь признавал верховную власть и покровительство российской императрицы, российская же императрица, в свою очередь, принимала на себя защиту Грузии от внешних врагов¹.

В 1798 году Ираклий II умер. Внутреннее и внешнеполитическое положение Грузии все более осложнялось, но русское правительство не торопилось выполнять свои обязательства. Тогда последний царь Грузии Георгий XII, «предвидя неминуемую гибель Отечества, растерзанного внутренними междуусобиями и угрожаемого алчными соседями, ожидавшими только удобного времени к совершенному истреблению сего

¹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I. С древнейших времен до начала XIX века. Под редакцией С. Джанашиа. Тбилиси, 1946, стр. 446 — 450.

обессиленного царства, вручил судьбу Грузии могущественной деснице России»¹.

В 1801 году Восточногрузинское царство было присоединено к Российской империи.

В продолжение следующих десяти лет произошло воссоединение с Восточной Грузией Мегрелии, Имеретинского царства, Абхазии и Гурии. А в результате войн, которые Россия вела в Закавказье с Персией и Турцией в 1800—1820 годах, была обеспечена безопасность Грузии и возвращена часть отторгнутых от нее территорий. Поэтому, написав, что Грузия

...цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов
За гранью дружеских штыков... —

Лермонтов очень верно передал, в чем именно заключалось положительное значение ее союза с царской Россией, несмотря на утрату государственной самостоятельности.

Нет сомнения, что Лермонтов коснулся в своей поэме взаимоотношений Грузии и России в связи с теми беседами, которые он вел с кем-то во время своего пребывания в Грузии. Висковатов не понял, что на замысел «Мцыри» повлияли и политическая история Грузии конца XVIII — начала XIX веков, и ход кавказской войны, и грузинский героический эпос, и впечатления от грузинской природы, что Грузия стала в поэме исходным, органическим ее элементом. В отличие от абстрактной Испании в «Исповеди» и условной литовской границы в «Боярине Орше», Грузия в поэме о Мцыри, совершенно так же как и в последних редакциях «Демона», не условно-романтическая декорация, а реальная страна, необычайно конкретно воспринятая и воплощенная одним из самых передовых людей своего времени.

¹ «История Тифлиса». «Тифлисские ведомости», 1831, № 24, 25 и 26.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСТЕПРИИМНЫЙ ДОМ

Предположение П. Висковатова, что Лермонтов изучал в Грузии местные легенды, как видим, совершенно правильно. Но вполне согласиться с ним трудно, ибо он утверждает, что поэт изучал их, путешествуя «по ущельям Дарьяла и долине Арагвы... с проводником, а иногда один»¹.

Лермонтов не знал грузинского языка, а из местных жителей в то время еще мало кто говорил по-русски. Если от проводника, а вернее — от какого-нибудь «Максима Максимыча», случайного спутника, Лермонтов и слышал несколько легенд, то уж никак не мог через них разносторонне познакомиться с грузинской народной поэзией и феодальным княжеским бытом, так точно воспроизведенным в «Демоне». И тем более не мог он, не зная грузинского языка, вести с проводниками беседы об исторических судьбах Грузии.

Следовательно, вокруг Лермонтова были в Грузии какие-то люди, знавшие русский язык, среди которых он наблюдал быт и нравы страны и знакомился с грузинской историей и грузинской народной поэзией.

¹ П. А. Висковатов, «Михаил Юрьевич Лермонтов. Неизданное юношеское его стихотворение «Исповедь», 1829 — 1830 гг.». «Русская старина», 1887, № 10, стр. 124.

Так как в письме к Святославу Раевскому сведений об этом нет никаких, то, следовательно, вопрос, с кем встречался Лермонтов в период службы в Нижегородском полку, придется выяснять на основании косвенных данных.

Нижегородский драгунский полк квартировал в Каетии, в урочище Караагач, неподалеку от Цинандали — родового имения князей Чавчавадзе. Старшим штаб-офицером полка, а короткое время даже и командиром его, был замечательный грузинский поэт Александр Гарсеванович Чавчавадзе.

«Среди нижегородцев... появился князь Александр Гарсеванович Чавчавадзе, а с ним и возможность сближения с грузинским обществом, — пишет историк нижегородских драгун В. Потто. — С прибытием в полк Чавчавадзе среди этого дружелюбного грузинского общества, на радушных пирах его начали появляться и наши нижегородцы... Связующим звеном между ними становился грузин, и в то же время нижегородец, тот самый князь Чавчавадзе, которого почитала вся Грузия, как представителя знатного рода, как одного из своих доблестнейших воинов и, самое главное, как своего великого поэта, не имеющего соперников в родной литературе... Естественно, что первые шаги сближения нижегородцев с грузинами и сделаны были в доме того же князя Чавчавадзе, в знаменитом имении его Цинондалах...»¹

После выхода Чавчавадзе в отставку эти связи на некоторое время ослабли, но с 1835 года, с назначением командиром полка С. Д. Безобразова, поездки в Цинандали возобновились², и нижегородцы попрежнему встречали там радушный прием в семье выдающегося поэта, одна из дочерей которого — Нина Александровна — была вдовой Александра Сергеевича Грибоедова.

Все, кому приходилось встречать Чавчавадзе, неизменно отмечают его громадную заслугу в создании

¹ В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. II. СПб, 1893, стр. 152 — 154.

² В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб, 1894, стр. 50.

прочной связи между русскими, ехавшими служить на Кавказ, и грузинским обществом.

«Прелестное его семейство... было в Тифлисе единственным, в котором заезжие гости с севера и запада находили начала святого грузинского гостеприимства в полном согласии с условиями образованного европейского общества»¹.

«Все, что приезжало из Петербурга... молодого и старого, составляло принадлежность гостиной князя. Он жил открыто и весело, широкой, беззаботной жизнью достаточного местного помещика и русского генерала»².

«Каждый день у него бывало много гостей: кто бы ни приехал из Петербурга в экспедицию — гвардейцы и другие аристократы — все приходили сюда... Флигель-адъютанты, лейб-гусары, преображенцы...»³

«Это был открытый обрусевший дом: в нем бывал каждый, кто приезжал из России»⁴.

Это только четыре из многочисленных отзывов современников о Чавчавадзе.

Называя его «живым проводником полного слияния» грузин с представителями русской культуры, современники отмечали при этом, что Александр Чавчавадзе продолжал тем самым дело своего отца — Гарсевана — полномочного министра царя Ираклия при дворе Екатерины II, подготовившего заключение «трактата» о протекторате России над Грузией.

Александр Гарсеванович Чавчавадзе родился в 1786 году в Петербурге и получил образование в одном из частных пансионов и в пажеском корпусе. В России он провел многие годы; затем участвовал в заграничном походе 1813—1814 годов, причем к мо-

¹ Д. Кипиани, Некролог А. Г. Чавчавадзе. «Кавказ», 1846, № 5, стр. 178.

² «Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева». Одесса, 1897, ч. II, стр. 116.

³ Воспоминания Григория Дадвани. В статье С. Цаишвили «Материалы для биографии Александра Чавчавадзе». «Литературис матиане», кн. 1—2, изд. Государственного литературного музея Грузии. Тбилиси, 1940, стр. 395 (на грузинском языке).

⁴ Воспоминания Кетеван Орбелиани. В статье С. Цаишвили «Материалы для биографии Александра Чавчавадзе». Там же, стр. 390.

менту занятия Парижа состоял адъютантом при главнокомандующем Барклае-де-Толли, был ранен под Лейпцигом и под Парижем. Начиная с 1809 года, в продолжение семи лет, Чавчавадзе служил в лейб-гусарском полку, квартировавшем в Царском Селе.

В 1818 году Чавчавадзе перешел полковником в Нижегородский драгунский полк, стоявший в его родной Кахетии. Таким образом, он был офицером тех самых полков, в которых потом служил Лермонтов.

Покинув полк, Чавчавадзе получил назначение «стоять при Ермолове», а затем, уже в звании генерал-майора, участвовал в персидской и турецкой войнах и был назначен начальником Армянской области.

Не только выдающийся поэт, но и переводчик Вольтера, Расина, Корнеля, Лафонтена, Гюго, Эзопа, персидских лириков, он знакомил грузин и с русской литературой и одним из первых начал переводить на грузинский язык стихотворения Пушкина¹. «До сих пор поются грузинскими девушками романсы и стансы Пушкина, переложенные Александром Чавчавадзе на грузинский язык», — писал в 1870-х годах русский чиновник К. Бороздин².

В 1820—1840 годах гостиная Чавчавадзе являлась, как мы видим, центром культурного и политического объединения грузинского и русского общества, и не удивительно, что в этом доме бывали и Грибоедов, и Кюхельбекер, и Полонский, и Соллогуб, и художник Григорий Гагарин.

Желая дать старшей дочери Нине столичное воспитание, Чавчавадзе всецело поручил ее заботам прибывшей из Петербурга Прасковьи Николаевны Ахвердовой, женщины «достойной, замечательно умной и высокообразованной», в доме которой «любовь к знаниям и искусствам соединялась с радушным гостеприимством»³.

¹ К. Дондуа, «Пушкин в грузинской литературе». Сборник статей «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926, стр. 107—108.

² К. Бороздин. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб, 1885, стр. 7.

³ П. Б[артенев], «К биографии Грибоедова», «Русский архив», 1881, стр. 177—178.

Но об этой женщине надо рассказать подробнее, иначе не будут понятны факты, касающиеся пребывания в Тифлисе Лермонтова.

А Х В Е Р Д О В Ы

Прасковья Николаевна Арсеньева была тремя годами старше А. Г. Чавчавадзе. Она родилась около 1783 года, провела молодость в Петербурге и получила там отличное образование; успешно занималась живописью и музыкой, была широко начитана.

В 1815 году она вышла замуж за боевого кавказского генерала Федора Исаевича Ахвердова: одно время он был губернатором Грузии.

В следующем, 1816 году, с назначением в Грузию А. П. Ермолова, генерал Ахвердов вступил в должность командира артиллерии Отдельного Грузинского корпуса. Прасковья Николаевна переселилась с ним в Тифлис и подружилась с семьей Чавчавадзе. Но теперь выясняется, что, кроме дружбы, с домом Чавчавадзе их связывало близкое родство¹.

Федор Исаевич Ахвердов принадлежал к грузинскому дворянскому роду, который вел свое начало от цхинвальского армянина Папулашвили. В 1739 году отец Ф. И. Ахвердова, Исай Васильевич, выехал из Грузии на Северный Кавказ и вступил в русскую службу — прапорщиком в Грузинский гренадерский полк. В царствование Екатерины II он был вызван в Петербург ко двору и награжден поместьем в Кизлярском уезде². Теперь становятся понятными упоминания о том, что «Ахвердов был кизлярский», и данные

¹ Подробнее в моей книге «Лермонтов». М., 1951, стр. 162 — 164.

² «Список о дворянском роде господина генерал-лейтенанта и кавалера (Николая Исаевича) Ахвердова, жительствоющего в городе Кизляре». Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1343, оп. 16, ед. хр. 3222, л. 90. См. также: картотеку Е. Г. Вейденбаума «Ахвердовы» и книгу: Давид Батонишвили. Новая история. Изданная Т. Ломоури. Тбилиси, 1941, стр. 44 (на грузинском языке).

формулярного списка, из которого видно, что Фед. Ис. Ахвердов читал и писал по-русски и по-грузински¹.

Овдовев в 1820 году, Ахвердова осталась в Тифлисе, где пользовалась всеобщим уважением. Живя в Тифлисе, Грибоедов был «ежедневным гостем» Ахвердовой. Когда в 1828 году Нина Чавчавадзе стала его женой, говорили, что «к сему способствовала Прасковья Николаевна». Грибоедов питал к Ахвердовой чувства самой искренней дружбы и называл ее второй матерью Нины. «Мы оба любим вас, как нежную мать, — писал он ей из Персии, — ваши приемыши, ваши дети — это она и я»².

В начале 1820-х годов в доме Ахвердовой часто бывал служивший в ту пору в Тифлисе Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Пылкие, дружеские чувства к ней он сохранил на всю жизнь. Отбывая заключение в Свеаборгской крепости, на седьмом году своего пребывания в тюрьме, Кюхельбекер с радостью отметил в своем дневнике: «Получил письмо от матушки. Бесценно для меня то, что она тотчас посетила друга моего Прасковью Николаевну Ахвердову, как только узнала, что Ахвердова в Петербурге»³.

«П. Ахвердова, кажется, коротко познакомилась с сестрою Глинкиною», — с удовлетворением отметил он в дневнике в конце 1832 года⁴.

Как часто мысли его обращаются к Ахвердовой, можно судить также по письмам 1834 года:

«Хотелось бы мне что-нибудь узнать о госпоже Ахвердовой...»⁵, «Видаетесь ли с Прасковьей Николаев-

¹ Воспоминания Кетеван Орбелиани. В статье С. Цаишвили «Материалы для биографии Александра Чавчавадзе». «Литературис матиане», кн. 1—2. Тбилиси. 1940, стр. 390 (на грузинском языке).

² Письмо к П. Н. Ахвердовой от 24 июня 1828 г.

³ «Дневник В. К. Кюхельбекера». Л., «Прибой», 1929, стр. 38. Запись от 30 января 1832 г.

⁴ Неопубликованная часть дневника В. К. Кюхельбекера. ИРЛИ.

⁵ «Письма В. К. Кюхельбекера из крепостей и ссылки» (1829—1846). «Литературное наследство» № 59. М., Издательство Академии наук СССР, стр. 431.

ной?»¹, «Прасковье Николаевне прошу засвидетельствовать мое почтение...»²

В 1881 году единственная дочь Ахвердовой, Дарья Федоровна, по мужу Харламова, та самая маленькая «Дашинька», о которой писал Грибоедов, прося Ахвердову заочно «нежно-нежно» поцеловать ее, передала в Публичную библиотеку в Петербурге девять писем Грибоедова к ее матери. Эти письма П. И. Бартнев в том же году опубликовал на страницах своего «Русского архива», сопроводив их краткой заметкой, составленной со слов Харламовой³. Через двадцать лет, в 1901 году, с Харламовой беседовал биограф Грибоедова Н. В. Шаломытов. Полученные от нее сведения он использовал в своей статье «Грибоедов и музыка»⁴. Этими краткими сообщениями, полученными от дочери, в сущности и исчерпывается то немногое, что известно об Ахвердовой, если не считать нескольких упоминаний о ней в «Записках» Н. Н. Муравьева-Карского, женившегося на ее падчерице.

Между тем в Москве, в Государственном театральном музее имени А. А. Бахрушина, хранятся неопубликованные воспоминания Д. Ф. Харламовой на семи листах, озаглавленные «Еще несколько слов о Грибоедове»⁵.

Воспоминания эти дополняют то, что Харламова в свое время сообщила о Грибоедове Бартневу и Шаломытову, но главное — содержат совершенно неизвестные факты об отношениях Ахвердовой с семьей Чавчавадзе.

Записаны эти воспоминания в 1901 году, под диктовку восьмидесятичетырехлетней старухи, рукою ее

¹ Впервые опубликовано в книге: И. Андроников. Лермонтов. М., «Советский писатель», 1951, стр. 164.

² Там же, стр. 165.

³ Письма А. С. Грибоедова к П. Н. Ахвердовой. «Русский архив», 1881, II, стр. 177 — 186.

⁴ Н. В. Шаломытов, «Грибоедов и музыка». «Исторический вестник», 1910, VI, стр. 865 — 883.

⁵ Д. Х[арламова]. Еще несколько слов о Грибоедове. Рукопись. Государственный театральный музей имени А. А. Бахрушина. Шифр ТМ 163494. См. приложение в конце книги, стр. 248—255.

дочери М. Н. Шмит, так как зрение Харламовой в то время уже ослабело и почерк стал неразборчив. Следовательно, они продиктованы через семьдесят лет после описываемых событий. Это обязывает относиться к ним с большой осторожностью.

Тем не менее достоверность этого документа не вызывает сомнений. И прежде всего потому, что в части, касающейся Ахвердовой и ее отношений с Грибоедовым, Харламова повторяет в основном те же факты, которые за двадцать лет до этого сообщила Бартеневу и которые еще никем не подвергались сомнению.

Далее важно отметить, что в своих воспоминаниях Харламова описывает только собственные детские впечатления, причем по многу раз напоминает читателю, почему они так ограничены. «К сожалению, — пишет она, — во время всех этих событий я была совершенно маленькая девочка». «Знаю это только по рассказам». «К сожалению, я принадлежала к младшему возрасту, поэтому помню только то, что относилось к нашему детскому миру, и ничего из разговоров старших передать не могу» и т. д.

И действительно, из разговоров старших она не передает ни слова. Тем более мы имеем все основания верить ей, когда она рассказывает, что в Тифлисе у Ахвердовых «на склоне горы, близ потока Салылак (то есть Сололакского ручья. — И. А.), был дом и чудный, волшебный сад».

«Лучший из виноградных садов здесь, — подтверждает современник, побывавший в Тифлисе в 1828 году, — бывшего начальника артиллерии Ахвердова»¹.

«Князь Александр Герсеванович Чавчавадзе, — продолжает Харламова, — соопекун моей матери над сестрой Софи и братом Егорушкой, нанимал небольшой наш флигель, рядом с нашим большим домом; в нем жила его мать, жена — княгиня Саломе и дети — Нина, Катенька и Давид. Целый день находились у нас девочки, а Катенька и жила у нас, в одной комнате

¹ «Из воспоминаний и впечатлений покойника». «Библиотека для чтения», 1848, т. 86, отд. III, стр. 52.

со мной и гувернанткой нашей Надеждой Афанасьев-ной, той, которой А. С. Грибоедов в одном из писем к матери шлет целый акафист приветствий. Летом езди-ли мы часто гостить в чудное имение Чавчавадзе Ци-нандали в Кахетии, совершали путешествие всегда под конвоем не менее 20 солдат, из опасения нападе-ния горцев. Князя я менее других помню, он часто отлучался, а впоследствии, после взятия Эривани, был там губернатором. Но семья его осталась в Тиф-лисе».

Несомненно, что в двенадцатилетнем возрасте Хар-ламова все это могла отлично знать и запомнить. Кро-ме того, ее сведения подтверждаются другими косвен-ными свидетельствами.

В одном месте своих «Записок» Н. Муравьев-Карс-ский вспоминает, как он провожал А. Г. Чавчавадзе до его квартиры, которую тот «нанимал подле Ахвер-довых», как они верхами «прискакали к горе, под ко-торой стоят дома сии», и как, расставшись с Чавча-вадзе, он переехал «мостик через канал, отделявший оба дома»¹.

Сопоставим этот рассказ с текстом воспоминаний Харламовой. Она упоминает, что после их отъезда из Тифлиса их дом «был приобретен казной для Инсти-тута благородных девиц». Если же заглянуть в планы Тифлиса, снятые в первой половине прошлого века, то мы увидим, что «Казенный институт благородных де-виц» находился на Садовой улице (ныне верхняя часть улицы Энгельса)². И на планах указан не только об-ширный сад, простиравшийся до нынешней Лермонтов-ской улицы, на месте которой в те времена протекал Сололакский ручей, но указаны и дома, и даже разде-лявший оба дома канал.

Из сопоставления планов становится очевидным, что сад и дома Ахвердовых и Чавчавадзе занимали квар-тал, где ныне находится Союз писателей Грузии, и

¹ Н. Н. Муравьев-Карский, «Записки». «Русский архив», 1889, № 9, стр. 65.

² План г. Тифлиса с окрестностью. Составлен и гравиро-ван при генеральном штабе Отд. Кавказского корпуса в 1850 го-ду. Приложение к «Кавказскому календарю на 1851 г.».

сад за домом Союза писателей представляет собою часть бывшего сада Ахвердовых¹.

Вот здесь, в доме Ахвердовых «под горой», и бывал Грибоедов «ежедневным гостем» в 1820-х годах. «У нас, — пишет Харламова, — родилась и развивалась его любовь к княжне Нине Чавчавадзе, в нашем доме сделался он счастливым женихом, позабыв на время свою ипохондрию».

Вернувшись после долгого отсутствия из Тифлиса, Грибоедов «почти ежедневно» обедал у Ахвердовых, а после обеда играл детям танцы. «А детей нас было много, — продолжает Харламова, — чуть не маленький пансион, двух возрастов. К старшему принадлежали: дочь от первого брака моего отца Софья Федоровна, впоследствии замужем за Н. Н. Муравьевым-Карсским, и брат Егор Федорович, бедная племянница моего отца Анна Андреевна Ахвердова, и приходили для совместного ученья знаменитая княжна Нина Чавчавадзе и княжна Мария Ивановна (Маико) Орбелиани. Княжна Екатерина Александровна Чавчавадзе, впоследствии княгиня Дадриан Мингрельская, княжна Софья Ивановна (Сопико) Орбелиани, Варенька Туманова и я составляли младший возраст».

Итак, теперь уже ясно, что не только «тесная дружба» соединяла семьи Чавчавадзе и Ахвердовых, но что обе семьи жили по существу одним домом и находились в повседневном общении.

«Либеральная статская молодежь из будущих Декабристов, — сообщает Харламова, — тоже навевалась на Кавказ и бывала у матери, особенно часто, кажется, В. К. Кюхельбекер, давнишний друг нашей семьи».

Это замечание наводит на мысль, что Ахвердова была знакома с Кюхельбекером еще по Петербургу. Если вспомнить процитированные нами письма Кюхельбекера, из которых видно, что отношения с Ахвердовой в его отсутствие поддерживали и его мать и его племянницы — Глинки, то этого никак нельзя объяс-

¹ Более подробно об этом в моей книге «Лермонтов». М., «Советский писатель», 1951, стр. 168.

нить одним знакомством Кюхельбекера с Ахвердовой по Тифлису.

«После 25 года, — продолжает Харламова, — были отправлены проветриться (на Кавказ. — И. А.) многие слегка замешанные Декабристы». Из них Харламова запомнила фамилии только двоих: Рынкевича и Искрицкого.

В числе друзей матери, почти ежедневно посещавших ее дом в Тифлисе, Харламова называет князя Александра Аркадьевича Суворова. Хотя она ничего и не сообщает о нем, тем не менее нам понятно, откуда шла эта дружба.

Александр Аркадьевич Суворов приходился внуком великому полководцу, а отец Прасковьи Николаевны Ахвердовой, прославленный генерал-поручик Ник. Дм. Арсеньев, был начальником штаба А. В. Суворова, штурмовал вместе с ним Измаил и участвовал в польском походе. Он умер в 1796 году вследствие полученных ран.

За штурм Измаила Арсеньев носил орден Георгия третьей степени. Байрон в своем «Дон-Жуане», перечисляя ближайших сподвижников великого Суворова, назвал в их числе имя Арсеньева:

Все ж назову иных, чтоб вас пленили
Созвучья этих мелодичных слов
С двенадцатью согласными. Тут были:
Арсеньев, Майков, Львов и Чичагов...¹

Оказавшись в Тифлисе, А. А. Суворов не мог миновать дом Ахвердовой. Таким образом, мы снова получаем возможность убедиться в достоверности обнаруженных воспоминаний.

Харламова причислила Александра Аркадьевича Суворова к военной «золотой молодежи», которую манили на Кавказ мода и жажда почестей и наград. Она не могла знать в то время, что внук Суворова был в 1826 году отправлен в Кавказский корпус за прикосновенность к тайному обществу декабристов².

¹ «Дон-Жуан», песнь седьмая, строфы XIV и XV. Перевод П. Козлова.

² «Восстание декабристов». Материалы, т. VIII, «Алфавит декабристов». Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., Гиз, 1925, стр. 180 и 398.

Харламова называет имена других постоянных гостей Ахвердовой — адъютанта Ермолова графа Самойлова, офицеров Бутурлина, Веригиных, Симборского и Арсеньева. Действительно, все они в тот период жили или постоянно бывали в Тифлисе¹. Сведения Харламовой оказываются очень точными.

Но вот еще новое важное сообщение:

«Около 1829 года посетил и обедал у нас и Александр Сергеевич Пушкин, я его превосходно помню, хотя это было в смутное для нас время, после смерти Грибоедова».

О том, что Пушкин обедал у ее матери, Харламова рассказывала Шаломытову. Ее слова Шаломытов приводит в своей статье. И странно, что это сообщение ускользнуло от пушкинистов. Ни в одной из известных нам работ о Пушкине этот факт не использован, не опровергнут; его не знают, очевидно, даже те авторы, которым принадлежат исследования о связях Пушкина с Грузией.

Понятно, что к этому заявлению Харламовой надо отнестись с сугубой осторожностью. Одно дело, когда она рассказывает, где стоял дом, в котором прошло ее детство, другое — когда через семьдесят лет она делится воспоминаниями о Пушкине.

Но здесь снова обращает на себя внимание деталь, свидетельствующая о достоверности самого факта. Харламова пишет, что Пушкин посетил их дом «около 1829 года». Из этого видно, что время его приезда установлено ею по памяти — не по книгам. Оно связано для нее с еще более важным событием: «это было в смутное для нас время после смерти Грибоедова». А 1830 годом как мы увидим, вообще ограничивается тифлисский период ее жизни. Поэтому такая не вполне точная дата — «около 1829 года» оказывается достовернее в данном случае, чем точная. Тем более, что рассказывает Харламова о том, что впоследствии могла неоднократно проверить у матери. А Прасковья Николаевна Ахвердова умерла в 1851 году, в преклонном возрасте, когда самой Харламовой было уже не двенадцать лет, а тридцать четыре года.

¹ См. приложение, стр. 249.

Тифлис. Замок Метехи.

Лезгинка.

Рисунки Лермонтова.

Александр Чавчавадзе.

К тому же самая возможность посещения Пушкиным дома Ахвердовой никакими известными нам фактами биографии Пушкина не опровергается. Наоборот, их встреча кажется совершенно естественной и даже неизбежной.

«В Тифлисе пробыл я около двух недель, — пишет Пушкин, — и познакомился с тамошним обществом»¹.

На обратном пути из Арзрума он 1 августа снова прибыл в Тифлис. «Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе, — отмечает он. — Несколько вечеров провел я в садах, при звуке музыки и песен грузинских»².

У кого же бывал Пушкин? С каким обществом познакомился? В «Путешествии в Арзрум» он упоминает только редактора «Тифлиссских ведомостей» Санковского да генерал-губернатора Стрекалова.

Однако из воспоминаний современника, К. И. Савостьянова, известно, что «всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник, обед, вечер или завтрак»³.

Как при этом Пушкин мог не встретиться с Ахвердовой, дом которой был «сосредоточием всего культурного общества Тифлиса в продолжение 10 лет»?⁴

Правда, Пушкин приехал в Тифлис после гибели Грибоедова, когда, по словам Харламовой, над их домом «все как будто тяготел траур». Понятно, что семье Чавчавадзе было в это время не до званых обедов. Но, оказывается, они в это время уже не жили вместе с Ахвердовыми. «По приезде из Тавриса, — пишет Харламова, — Нина Александровна поселилась со своими родными уже не в нашем флигеле, а в городе».

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин не назвал имена людей, в обществе которых провел «несколько ве-

¹ «Путешествие в Арзрум», глава вторая.

² Там же, глава пятая.

³ «Рассказ К. И. Савостьянова о встречах с Пушкиным в 1829 и 1833 годах». Сообщил А. Достоевский. «Пушкин и его современники», вып. 37-й. Л., Издательство Академии наук СССР, 1928, стр. 144—151.

⁴ Д. Х[арламова]. Еще несколько слов о Грибоедове. Рукопись, л. 1 об.

черов, при звуке музыки и песен грузинских», потому что многие из его тифлисских знакомых оказались впоследствии причастными к заговору 1832 года и в 1836, когда «Путешествие» появилось в печати, находились в опале. Но совершенно правы исследователи, утверждающие, что в те дни, когда овдовевшая Нина Грибоедова и все погруженное в траур семейство Чавчавадзе ожидали прибытия в Тифлис останков Грибоедова, находившийся в это время в городе Пушкин не мог не нанести им визита для выражения своего сочувствия и таким образом должен был познакомиться с тестем и вдовой Грибоедова¹. Эта мысль принадлежит поэту Георгию Леонидзе.

Воспоминания Д. Ф. Харламовой подтверждают правдоподобие этого предположения и доказывают, что Пушкин, описывая свое пребывание в Тифлисе, в тексте «Путешествия в Арзрум» сознательно, кроме официальных лиц, не упомянул никого. В том числе и Ахвердову. Кстати, в то время, когда Пушкин работал над «Путешествием», она уже не жила в Грузии.

Беседы с ней Пушкин и мог вспомнить в том месте своего «Путешествия», где рассказал о встрече с телом Грибоедова. Именно от Ахвердовой мог он услышать о тех событиях из жизни Грибоедова, когда, «приехав в Грузию, женился он на той, которую любил...», подробности о «последних годах его бурной жизни», и о смерти, «постигшей его среди смелого и неровного боя». Несомненно, «старая приятельница» Грибоедова должна была рассказывать и о своей воспитаннице и о «князе Чавчавадзе», как Пушкин называет его в черновом предисловии к «Путешествию в Арзрум»².

В мае 1830 года Прасковья Николаевна Ахвердова навсегда покинула Тифлис и возвратилась в Россию. Это тоже совершенно новое для нас сведение. До сих

¹ И. Ениколопов. Пушкин на Кавказе. Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1938, стр. 87 — 88; Леван Асатиани. Пушкин и грузинская культура. Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1949, стр. 32.

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8, полумтом 2. Издательство Академии наук СССР, 1940, стр. 1025.

пор считалось (и я повторял эту ошибку), что Ахвердова прожила в Тифлисе до конца жизни. Никому из исследователей и в голову не приходило, что последние двадцать лет своей жизни она провела в Петербурге и что сведения о ней надо собирать в ленинградских архивах¹.

В мемуарах Харламовой для нас, пожалуй, важнее всего упоминание о том, что и после переезда в Россию отношения Ахвердовых с семьей Чавчавадзе не оборвались. Харламова говорит, что она всю жизнь оставалась в самых дружеских отношениях с младшей дочерью Чавчавадзе Екатериной и, хотя не встречалась с ней долгие годы, находилась с ней «в переписке до самой ее смерти».

Таким образом, ясно, что Прасковья Николаевна Ахвердова продолжала поддерживать отношения со своими тифлисскими друзьями. И когда сын Чавчавадзе Давид был отправлен в Петербург для поступления в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров² (где, кстати сказать, учился Лермонтов), она должна была встретить его как родного.

Сопоставим эти факты с еще более важными. В 1834 — 1836 годах в Петербурге находился сам Александр Гарсеванович Чавчавадзе. О том, как и при каких обстоятельствах он прибыл туда, нам еще предстоит говорить подробно. В данном случае отметим только одно: во время пребывания в столице он постоянно виделся с Ахвердовой и попрежнему поддерживал с ней самые дружеские отношения.

Как прежде, в Тифлисе, так и в Петербурге Прасковья Николаевна Ахвердова находилась в курсе всех тифлисских новостей и узнавала многое раньше самого

¹ В 1832 году Ахвердова была в Петербурге (дневник В. К. Кюхельбекера). В 1833 году ее навещал приезжавший в столицу Н. Муравьев («Русский архив», 1894, II, стр. 511 и 527). Лето 1834 года, судя по письму Кюхельбекера, она проводила в городе, а лето 1835 года — в Царском Селе («Русский архив», 1894, III, стр. 375 и 419), где Лермонтов в то время служил в лейб-гусарах.

² В. Потто. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. СПб, 1873, Приложения, стр. 207.

Чавчавадзе. Когда в Цинандали умерла его мать, семья сообщила об этом Ахвердовой: ей было поручено передать Александру Гарсевановичу эту печальную для него весть. На ахвердовский адрес, как можно понять, поступала и остальная корреспонденция Чавчавадзе. Это видно из ответного письма поэта тифлисскому гражданскому губернатору Н. О. Палавандову от 22 июня 1836 года. «Вчера, — пишет он, — узнал от Прасковьи Николаевны о постигшем меня несчастье, известия о котором ожидал со дня на день. От нее же получил Ваше письмо...»¹.

Итак, запомним: в годы 1834—1836 Ахвердова и Чавчавадзе постоянно виделись в Петербурге. Зная теперь, как тесно были связаны обе эти семьи по Тифлису, можно допустить, что Чавчавадзе даже и жил в ее доме, — в доме, где бывал Лермонтов. Впрочем, не будем забегать вперед и расскажем все по порядку.

НЕУСТАНОВЛЕННОЕ РОДСТВО

До самого последнего времени никому не было известно, что Лермонтов находился с Прасковьей Николаевной Ахвердовой в близком родстве. Между тем она — урожденная Арсеньева — доводилась троюродной сестрой покойной матери Лермонтова, а самому ему — троюродной теткой².

О том, что Лермонтов был знаком с ней, мы догадывались уже раньше, на основании записи, сделанной им в 1840 году в одном из альбомов: «Ахвердов[а] на Киروحн[ой]. Г[рафиня] Завадовск[ая] Леон Голицы[н] в доме Ростовцева»³.

¹ Письмо А. Г. Чавчавадзе к Н. О. Палавандишвили от 22 июня 1836 года хранится в Государственном музее Грузии имени акад. С. Н. Джанашиа, ф. Sa, № 1826. Опубликовано в книге: Александр Чавчавадзе. Сочинения, под редакцией И. Гришашвили. Тбилиси, «Федерация», 1940, стр. XII (на грузинском языке).

² В. С. Арсеньев. Род дворян Арсеньевых (1389—1901). Тула, изд. М. Т. Яблочкова, 1903, стр. 65 и 68.

³ Альбом Лермонтова, на 29 листах, хранится в Рукописном отделении Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (л. 1).

Уже эта запись среди адресов петербургских знакомых Лермонтова давала серьезные основания считать, что он встречался с Ахвердовой. Гипотеза эта была высказана мною еще в 1939 году¹.

Предположение подтвердилось. Ахвердова «жилиствовала в С.-Петербурге Литейной части 5-го квартала в доме под № 14»². Дом этот действительно находится на Кирочной — угол Потемкинской улицы, возле Таврического сада. И самая улица называлась в ту пору еще не Потемкинской, а Таврической³.

Отыскиались сведения и поважнее. В 1830-х годах, живя в Петербурге и в Царском Селе, Ахвердова постоянно встречалась и поддерживала родственные отношения с бабкой Лермонтова — Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. Арсеньева пишет из Петербурга родственнице — тамбовской помещице Прасковье Александровне Крюковой: «Я часто выдаюсь с Дарьей Николаевной и с Прасковьей Николаевной, и всегда об вас говорим»⁴.

Дарья Николаевна и Прасковья Николаевна — это Дарья Николаевна Хвостова и Прасковья Николаевна Ахвердова — двоюродные сестры П. А. Крюковой и племянницы покойного М. В. Арсеньева, мужа Е. А. Арсеньевой. Понятно, почему Арсеньева пишет Крюковой: «всегда об вас говорим». Личность их общей родственницы Прасковьи Александровны Крюковой, естественно, служила частой темой для разговоров.

Но окончательно вопрос о знакомстве Лермонтова с Ахвердовой решает его письмо к бабке, найденное мною в г. Актюбинске в декабре 1948 года. Хотя ни

¹ «Красная новь», 1939, № 10—11, стр. 251.

² «Дело о дворянстве Ахвердовой». ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 16, ед. хр. 3223.

³ «Атлас тринадцати частей С.-Петербурга». Составил Н. Цылов. СПб, 1849, стр. 201 (дома по Кирочной улице) и 202 (дома по Таврической улице). По нынешней нумерации это дом № 48/13.

⁴ Л. Модзалевский, «Письма Е. А. Арсеньевой о Лермонтове». «Литературное наследство» № 45—46. М., Издательство Академии наук СССР, 1949, стр. 650—651 и 655 (примечание, где сказано, что «Дарья Николаевна и Прасковья Николаевна — лица неустановленные»).

число, ни год на этом письме не выставлены, по содержанию оно легко датируется второй половиной апреля 1836 года, когда Лермонтов служил в Царском Селе и постоянно наезжал в столицу.

«Милая бабушка, — пишет он. — Так как время вашего приезда подходит, то я уже ищу кватирку, и карету видел, да высока; Прасковья Николаевна Ахвердова в мае сдает свой дом, кажется, что будет для нас годиться, только все далеко...»¹

На основании этих строк можно считать доказанным, что Арсеньева и Лермонтов встречались с Ахвердовой. И встречались как раз в то время, когда в Петербурге находился Чавчавадзе.

Интересно, что еще задолго до поездки в Грузию — как раз в 1835—1836 годах — Лермонтов, работая над «Маскарадом», в нескольких строках разоблачил одного из тех прожженных дельцов, которые устремлялись в Грузию в поисках легкой наживы:

А р б е н и н

А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..

К а з а р и н

Трушов...
О, малый он неоцененной:
Семь лет он в Грузии служил,
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил².

Биография этого Трушова удивительно напоминает карьеры российских советников — коллежских, надворных, статских и тайных, совершавшиеся «за Кавказом», и подтверждается множеством архивных дел о злоупотреблениях.

Я не собираюсь утверждать, что Лермонтов беседовал на эти темы с Александром Чавчавадзе. Но обратить внимание на то, что он совершенно правильно

¹ «Огонек», 1949, № 42, стр. 15 — 16.

² М. Ю. Лермонтов. т. IV, стр. 252.

представлял себе картину вопиющего произвола и чудовищных хищений царских чиновников в Грузии, — следует. В понятии Лермонтова такой Трушов был одним из самых типичных представителей высшей николаевской бюрократии — иначе он не фигурировал бы в «Маскараде» среди петербургских великосветских картежников. Возможно, что о Грузии рассказывала Лермонтову П. Н. Ахвердова, — во всяком случае, отметим здесь его интерес к грузинским делам именно в это время.

Годы 1834—1836 в биографии Лермонтова изучены слабо, в биографии Чавчавадзе и вовсе еще не изучены. Поэтому нельзя ответить на вопрос — состоялось ли знакомство их в этот период. Для этого нет пока никаких данных. Хотя теперь, когда мы узнали о том, что Лермонтов как раз в это время постоянно видел П. Н. Ахвердову, встреча его с Чавчавадзе становится вполне вероятной. Но уж во всяком случае — это можно считать несомненным, — что в 1837 году, когда Лермонтов пострадал за стихи на смерть Пушкина, оказался в опале и уезжал в ссылку в полк, стоявший недалеко от Тифлиса, а еще ближе от Цинандали, где Ахвердова еще так недавно гостила на правах члена семьи, — заботливый друг Грибоедова, Кюхельбекера и Чавчавадзе, она должна была принять участие в судьбе своего племянника — Лермонтова.

Отправляя поэта в Грузию, бабушка, разумеется, заручилась рекомендательными письмами к влиятельным на Кавказе людям: к командиру Отдельного Кавказского корпуса барону Г. В. Розену, с сыном которого Лермонтов служил в лейб-гусарах, к начальнику штаба В. Д. Вольховскому, к А. А. Вельяминову (командовавшему войсками на «Линии»), с которым вместе воевал в Отечественную войну 1812 года ее брат Афанасий Столыпин. Об одном из таких писем мы узнали недавно. Родственник бабушки, генерал А. И. Философов, оказывается, обращался с просьбой о Лермонтове к генералу Вольховскому¹.

¹ А. Н. Михайлова, «Лермонтов по документам архива Философовых». «Литературное наследство» № 45—46. Издательство Академии наук СССР, 1948, стр. 678—680.

Поэтому не подлежит сомнению и то, что Лермонтов уезжал в Грузию, снабженный письмами Ахвердовой к ее тифлисским друзьям — и прежде всего, конечно, к ее воспитаннице и к Александру Гарсевановичу Чавчавадзе, который в 1837 году уже находился в Грузии. Таким образом, Лермонтов в дом Чавчавадзе должен был попасть непременно — не только как поэт, прославившийся стихами на смерть Пушкина, но и как родственник женщины, связанной с домом Чавчавадзе долгой и прочной дружбой. И трудно допустить, чтоб он дважды пренебрег возможностью встретиться с прославленным грузинским поэтом, не захотел познакомиться с вдовой Грибоедова.

КАХЕТИЯ

Знакомство, по всем признакам, состоялось. Доказательством этого служат слова троюродного брата и приятеля Лермонтова Акима Шан-Гирея. Вспоминая разговор свой с Лермонтовым по поводу «Демона», он пишет в своих мемуарах:

«Здесь кстати замечу... неточности в этой поэме:

Он сам властитель Синодала...

В Грузии нет Синодала, а есть Цинундалы (так И. А.) старинный замок в очаровательном месте в Кахетии, принадлежащий одной из древнейших фамилий Грузии, князей Чавчавадзе»¹.

Как видим, Шан-Гирею было известно, что мысль назвать жениха Тамары «властителем Синодала» возникла у Лермонтова в связи с пребыванием в Цинундали у Чавчавадзе. Иначе Шан-Гирею и в голову не пришло бы сопоставлять слова «Синодал» и «Цинундалы» и тем более говорить об этом как о неточности².

¹ А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов». В книге: Е. Сушкова. Записки. Л. «Academia», 1928, стр. 388 — 389.

² Большого Шан-Гирей не сообщает только потому, что рассказывает не вообще о Лермонтове, а только о своих встречах с ним, и избегает говорить о том, чему не был свидетелем. Поэтому он и упомянул о Цинундали вскользь, по поводу собственного мнения о «Демоне».

Соображение о поездках Лермонтова в Цинандали должно показаться еще более убедительным, если вспомнить, что Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта, приехавший в Тифлис в начале 1835 года, в ожидании прибытия командира Кавказского корпуса Розена «провел две недели в усадьбе вдовы Грибоедова». Н. О. Пушкина, получившая от него письмо по возвращении его из Цинандали, сообщала дочери — О. С. Павлицевой: «Он говорит, что это были прекраснейшие дни его жизни, что она очаровательная женщина, он опять собирается туда»¹.

Он был приглашен туда, — это для нас совершенно ясно, — как брат великого поэта, с которым семья Чавчавадзе познакомилась лично в 1829 году. Но при этом следует помнить и то, что в 1827—1829 годах сам Лев Пушкин служил в Нижегородском полку и, как офицер этого полка, имел достаточное представление о гостеприимном доме грузинского поэта.

Как увидим, Лермонтову просто трудно было миновать поместье Александра Чавчавадзе. Не случайно историк полка заявлял, что в 1830-х годах «с Цинандалами у нижегородцев... была кровная связь» и что в поездках к кахетинским помещикам «играли главную роль Цинандалы»².

В Нижегородском полку Лермонтов встретил, как он пишет Раевскому, «много хороших ребят». Среди них было немало грузин: в 1837 году в полку служили подполковник Бараташвили, майор Жорганашвили, штабс-капитаны Павленишвили и Шаликашвили, прапорщики Андроникашвили, Иосселиани, Эристави, Мачабели, Сакварелидзе-Бежанишвили³. Но прежде всего следует назвать ветеранов полка, двух Чавчавадзе — Ясона и Спиридона — братьев знаменитого своим гостеприимством Гульбата Чавчавадзе, жив-

¹ В. Враская, «Пушкин в переписке родственников». «Литературное наследство» № 16—18. М., 1934, стр. 793.

² В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб, 1894, стр. 50.

³ В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Список офицеров, служивших в полку, т. X, СПб, 1895, стр. 30, 31, 34, 36, 37.

шего в том же Цинандали «по старине самой глубокой»¹.

Как только в Цинандали появлялись нижегородцы, рассказывает Потто, тотчас съезжались гости и «на широком, как степь», дворе Александра Чавчавадзе начиналась джигитовка, потом скачки, стрельба. Оружием щеголяли и русские и грузины: кинжал и шашка в дорогой оправе, пистолет за поясом и винтовка за спиной имелись почти у каждого. Но у нижегородцев кабардинские кони под легкими черкесскими седлами, а у грузин дорогие карабахские жеребцы под расшитыми шелком персидскими чепраками, увешанные золочеными бляхами, звеневшими при каждом движении².

Сохранилось подробное описание одежды и вооружения грузинских всадников: «В высоких персидских шапках из черной мерлушки, в чухах с закидными рукавами, обшитых галуном по всем швам, в высоких коричневых сапогах и шелковых зеленых или красных шароварах, с перекрещенными на груди ремнями, покрытыми серебряными или золотыми бляхами, вооруженные длинными ружьями без чехла, перекинутыми через левое плечо, и кривыми персидскими саблями, они, — пишет современник, — казались неотразимыми наездниками. Карабахские жеребцы, на которых высоколукие персидские седла и стропы узды сверкали серебром, золотом и дорогими камнями, нетерпеливо грызли удила и прыгали под седлами»³.

Это описание офицера Грузинского конного полка 1830-х годов.

И невольно вспоминаешь, как изобразил Лермонтов «властителя Синодала» — отважного князя:

Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала

¹ В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV, СПб, 1894, стр. 50.

² В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. II, СПб, 1893, стр. 156.

³ Т[орнау Ф.], «Воспоминания о Кавказе и Грузии». «Русский вестник», 1869, т. 79, стр. 438—439.

Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны,
На пену скачущей волны¹.

Тому, что Лермонтов претворял в «Демоне» очень конкретные впечатления, полученные во время поездок по Кахетии, мы находим все новые доказательства.

Несколько лет назад в Киеве отыскалась неизвестная картина Лермонтова, писанная масляными красками: кавказский пейзаж с караваном верблюдов, слева возвышаются скалы, вершина одной увенчана башней. Это так называемый «замок царицы Тамары», но не в Дарьяльском ущелье, воспетый Лермонтовым в балладе «Тамара», а в Кахетии — между селением Караагач и Царскими Колодцами (Дедоплис Цкаро)².

Недавно я побывал там — ныне это Цителцкарыйский район Грузинской ССР — и воочию смог убедиться в том, что Лермонтов изобразил окрестности Караагача, где находилась квартира Нижегородского драгунского полка. Колхозник Ила Георгиевич Гивишвили, 106 лет, помнит, где стояли казармы полка сто лет назад, когда он был маленьким, и помог определить место, откуда Лермонтов писал свое полотно.

Изображенная Лермонтовым крепость носит различные названия: «Тамарисцихе» («Замок Тамары»), «Хорнабуджа», «Никорацихе». На географических картах значится только последнее; поэтому лермонтовское полотно следует отныне считать развалинами Никорацихе возле Караагача в Кахетии. Эта гора, возвышающаяся над Караагачем, видна за много де-

¹ «Демон», часть I, строфа X.

² См. нижнюю иллюстрацию на стр. 96.

сятков километров из левобережной части Алазанской долины. В лермонтовские времена здесь пролегал торговый путь, и караваны верблюдов из Шемахи, Нухи, Закатал шли мимо Никорацixe на Царские Колодцы и Тифлис. Те же скалы и крепость, только в другом ракурсе, изобразил Григорий Гагарин на картине «Стоянка Нижегородского драгунского полка в Карагаче».

Н. П. Пахомов, составивший подробный каталог живописных работ Лермонтова, предполагал, что на этой картине изображены окрестности озера Севан в Армении¹. Это ошибка. Лермонтов в Армении никогда не бывал; а кроме того, на лермонтовской картине нет никакого озера. Задний план ее составляет Алазанская долина, подернутая туманной дымкой.

По дороге, вьющейся у подножия скал, идут навьюченные верблюды; сдерживая горячего коня, едет всадник в высокой бараньей шапке; ветер развеивает рукава его чохы. Рядом со всадником вооруженный человек в бурке. Это изображение, типичное для Кавказа 1830-х годов. И оно вызывает в памяти строфу «Демона» — описание пышного каравана, который ведет «нетерпеливый жених». В данном случае Лермонтов-живописец очень удачно дополняет Лермонтова-поэта:

Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая;
Их колокольчики звенят...
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван...²

Правда, на картине изображен не длинный караван, а всадник и два верблюда, сопровождаемые погонщиками. Зато это и не иллюстрация к поэме. Важно, что одни и те же наблюдения Лермонтов запечат-

¹ Н. П. Пахомов, «Живописное наследство Лермонтова». «Литературное наследство» № 45—46. М., Издательство Академии наук СССР, 1948, стр. 91—92.

² «Демон», часть I, строфа X.

лел и в стихах и на полотне и что эти наблюдения связаны с его пребыванием в Кахетии в ту пору, когда он служил в Нижегородском драгунском полку и бывал в Цинандали, у Чавчавадзе.

Высокий дом Чавчавадзе стоял на крутом берегу Кисисхеви. С просторного балкона открывался вид на долину Алазани.

Многое теряет тот, кто не бывал в Кахетии, кому не приходилось наблюдать в Цинандали восход солнца из-за дальних гор Кавказского хребта, заслоняющего Алазанскую долину с востока, когда движется утренняя прохлада, когда, меняя освещение, серолиловые облака постепенно принимают перламутровые оттенки, а небо белеет и проникается голубоватой прозрачностью. Но вот над одной из ближних, покрытых серебряным снегом вершин оно вдруг начинает жить, розоветь, пламенеть, и рыжий диск солнца внезапно выскакивает из-за зубчатого горизонта, и тогда туман, заслоняющий низ долины, распахивается внезапно, как театральный занавес, и перед глазами раскрывается Кахетия — нескончаемый сад, опоясанный серебряным кушаком Алазани.

Вблизи, на переднем плане, раскинулись селения, утопающие в зелени виноградников, осененные могучими кронами ореховых деревьев и чинар. Дальше — развалины старинных башен с бойницами, тополя, нивы, речки, дороги, снова селения, еще дальше рисуется уступами на горе древний Телави, десятка за два километров белеет стена величавого собора Аллавёрды, и над всем этим, во всю длину долины, далекие, но словно придвинутые к вам, царят живые синие горы с припорошенными снегом вершинами.

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада...

Так начинается написанное в Цинандали стихотворение Грибоедова. И, наверное, там же, в Цинандали, из уст самой Нины Лермонтов слышал рассказы о нем и о его трагической гибели в Тегеране.

Семнадцати лет она осталась вдовой, отвергла любовь многих достойных, посещавших дом ее отца,

и навсегда осталась верна памяти Грибоедова. Она могла бы сказать о себе словами лермонтовской Тамары:

Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест,
Не мало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..¹

Она похоронила Грибоедова в Тифлисе, на склоне Мтацминда, в небольшом гроте возле храма св. Давида, и украсила могилу бронзовым изваянием плачущей женщины, упавшей к подножию креста; а на цоколе вывела вдохновенную эпитафию:

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».

Беседуя с ней и с ее отцом, Лермонтов, вероятно, читал им стихи и, вероятно, слушал стихи хозяина и строфы из поэмы бессмертного Руставели, которые под аккомпанемент чонгури запевал кто-нибудь из гостей.

Над пиршественными столами, расставленными в винограднике, в тени столетних чинар, слышались приветственные тосты, лились вина в азарпеши, кулы и роги, оправленные в золото и серебро, гремели грузинские застольные песни. Но вот раздавалось тягучее, клейкое пищание зурны, мерный ропот и говор бубна и плеск хлопающих ладоней, и в папахе, надвинутой на брови, загнув назад рукава чохи, поправляя кинжал на ловком стане, в круг вылетал смуглый танцор, вызывая из красавиц красавицу. И Лермонтов восторгался «лекури» — танцем, так удивительно изображенным им в «Демоне»:

В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;

¹ «Демон», часть II, строфа I.

То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка...¹

С огромным вниманием отнесся Лермонтов к этим незнакомым ему дотоле обычаям, выспрашивал, запоминал значения грузинских слов. Впоследствии как мы уже видели, он широко использовал эти наблюдения в работе над «Демоном» и даже снабдил поэму маленьким грузино-русским словариком:

«Чадра — покрывало.
Зурна — в роде волынки.
Чуха — верхняя одежда с откидными рукавами.
Папаха — баранья шапка персидская, в роде ериванки.
Чингар, чингура — род гитары».

А к строке «Привстав на звонких стременах» сделай примечание: «Стремена у грузин в роде башмаков из звонкого железа».

Правда, слова «чоха» и «чонгури» Лермонтов запомнил не совсем точно. Но это дела несколько не меняет. Теперь уже, наконец, становится ясным, где мог наблюдать Лермонтов грузинский феодальный быт, так точно воспроизведенный им в «Демоне». И если об этом не сохранилось никаких сведений, то потому только, что все бумаги Александра и Нины Чавчавадзе сгорели.

В 1854 году, когда самого Александра Чавчавадзе уже не было в живых, а Нина Александровна гостила у сестры в Мингрелии, в Цинандали ворвались лезгины и, захватив в плен семью Давида Александровича, сына поэта, подожгли имение и скрылись. Известили нижегородцев, но лезгины с пленниками были уже далеко, а Цинандали пылало². В огне погиб весь архив семьи. Если бы не этот пожар, мы, наверное, давно бы знали о том, что Лермонтов бывал у Чавчавадзе.

¹ «Демон», часть I, строфа VI.

² «Пленницы Шамиля». Воспоминания г-жи Дрансе. Перевод с французского К. Дзюбинского. Тифлис, 1858.

В романтической поэме о любви небожителя к красавице грузинке Лермонтов ограничился изображением княжеского быта. Но это вовсе не значит, что он не заметил, как жили грузинские крестьяне, как раз в ту пору, в 1830-х годах, поднимавшиеся на восстания против карталинских помещиков.

В «Герое нашего времени» Лермонтов описал бедную грузинскую саклю на Военно-Грузинской дороге. И этот реалистический эпизод не только один из лучших в путевых записках автора «Бэлы», но одно из первых и самых сильных в литературе изображений бесправной в ту пору жизни грузинских крестьян¹.

„М А И К О М А Я“

Десятого октября 1837 года в Тифлисе, на плацу в Дидубэ, состоялся царский смотр полкам, принимавшим участие в летней экспедиции против горцев. В параде участвовали четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка. Царь остался доволен «нижегородцами», и косвенно это отразилось на судьбе Лермонтова, хотя сам Лермонтов, очевидно, в параде не участвовал. Николаю уже докладывали о хлопотах Арсеньевой, мечтавшей «услышать прощение государя внуку своему». Через несколько дней после парада упомянули и о заступничестве Жуковского, говорившего Бенкендорфу о надеждах, которые подавал Лермонтов русской литературе².

Наконец 1 ноября в «Русском инвалиде» был опубликован датированный 11 октября «высочайший приказ» о переводе Лермонтова в Гродненский лейб-гвардии гусарский полк³. Лермонтов получал возможность вернуться в Россию. Но служба в новом полку, стоявшем в аракчеевских военных поселениях близ Новгорода, не могла радовать его. «Если бы не

¹ Вано Шадури, «Грузия в русской литературе». В книге: «Русские писатели о Грузии», т. 1. Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1948, стр. XXVI—XXVII.

² «Дневники В. А. Жуковского», с примечаниями И. А. Бычкова. СПб, 1903, стр. 369.

³ «Русский инвалид», 1837, № 273, 1 ноября.

Нина Грибоедова.

Мавко Орбелнани.

бабушка, — признавался он в письме к Раевскому, — то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что, — осторожно продолжал он, — вряд ли Поселение веселее Грузии».

«Иные говорят, что будет к Николину дню, — писала Е. А. Арсеньева о внучке приятельнице своей П. А. Крюковой, — а другие говорят, что не прежде Рождества, приказ по команде идет»¹.

От Тифлиса «высочайший приказ» шел три недели до Петербурга, и столько же времени шел до Тифлиса «по команде» номер «Русского инвалида» с опубликованным в нем «высочайшим приказом». Следовательно, он был получен в Тифлисе не раньше 22 ноября. До Караагача, где квартировал Нижегородский драгунский полк, этот приказ дошел только на третий день. Теперь понятно, почему Лермонтов оставался в полку до 25 ноября. Тем самым можно считать окончательно установленным, что он провел в Грузии вторую половину октября, весь ноябрь и выехал в начале декабря².

Для нас ясно, что он виделся с Чавчавадзе и в Тифлисе. Доказательство этому находится в записи Лермонтова, относящейся к 1837 году, на которую прежде не обращали внимания только потому, что не видели в ней никакого смысла.

На обороте листа, на котором написано стихотворение «Спеша на север из далека», Лермонтов торопливо нацарапал карандашом слова: «маико мая»³.

¹ Л. Модзалевский, «Письма Е. А. Арсеньевой о Лермонтове», «Литературное наследство», № 45—46. М., Издательство Академии наук СССР, 1948, стр. 650.

² Автор книги «Путешествие по южной России и главным образом по Закавказским провинциям в 1820—1824 гг.» французский консул Гамба пишет, что «обыкновенная почта приходила в Тифлис из Петербурга и Одессы на 25-й день». См. книгу: М. Полиевктов и Г. Натадзе. Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис, Госиздат Грузии, 1929, стр. 81. Ответ на запрос, посылавшийся в Петербург с фельдъегерем, приходил на сороковой день («Акты Кавказской археографической комиссии», т. VIII, стр. 395).

³ Тетрадь автографов Лермонтова (тетрадь «Чертковской библиотеки») в Рукописном отделении Государственного Исторического музея в Москве, ф. 445, № 227а, л. 44 об.

Ласкательным именем Майко называли известную красавицу того времени княжну Марию Кайхосровну Орбелиани, о которой Я. П. Полонский писал в 1840-х годах в одном из своих стихотворений:

Из уст в уста ходила азарпеша
И хлопали в ладони сотни рук.
Когда ты шла, Майко, сердца и взоры теша,
Плясать по выбору застенчивых подруг.

Как после праздника в глотке вина отраду
Находит иногда гуляка удалой,
Так был я рад внимательному взгляду
Моей Майко, плясуньи молодой¹.

Эта девушка была задушевым другом Николая Бараташвили и усердной его корреспонденткой, когда молодому поэту пришлось покинуть Тифлис и уехать на службу в азербайджанский город Гянджу.

Правда, стихотворение Полонского не дает еще достаточных оснований считать, что «Майко» в записи Лермонтова непременно Майко Орбелиани. Но в том, что здесь нет ошибки и что Лермонтов имел в виду именно ее, убеждает второе имя в записи. Мая — имя другой красавицы, Май Орбелиани.

«Кто перечтет всех красавиц-грузинок того времени?! — восклицал русский офицер Торнау, побывавший в Тифлисе в 1830-х годах. — Кто не любовался стройною княжной Еленой и ее смуглой тонколицею сестрою Майко... идеально прекрасной Майко Кайхосро... Кто не помнит Марию Ивановну Орбелиани?..»²

Елена и ее сестра Майко (или, как ее звали, в отличие от другой Майко, — Мая) — дочери Луарсаба Орбелиани, родные племянницы Саломе Чавчавадзе, жены поэта. Майко — дочь Кайхосро Орбелиани —

¹ Я. П. Полонский. Стихотворения и поэмы. Редакция и примечания Б. М. Эйхенбаума. («Библиотека поэта», большая серия.) Л., «Советский писатель», 1935, стр. 56, стихотворение «После праздника».

² Т[орнау], «Воспоминания о Кавказе и Грузии». «Русский вестник», 1869, № 79, стр. 434.

двоюродная племянница Саломе, другими словами, троюродная сестра Нины Грибоедовой¹.

В 1830-х годах поэт Соломон Размадзе, находясь в ссылке и вспоминая свою безмятежную жизнь в Тифлисе, воспел двенадцать самых красивых женщин своего круга: Нину и Екатерину Чавчавадзе, Манану, Маико и Софию Орбелиани, Анну Орбелиани, ее дочерей Елену и Маю, Варвару Туманишвили, Меланию и Дарью Эристави и неизвестную нам Иакону. Каждой из них он посвятил строфу стихотворения «Пир Дианы»².

В 1882 году, уже на склоне жизни, Григорий Орбелиани, сообщая приятельнице Анастасии Оклобжио о смерти Анны Орбелиани, пишет, что она была так же красива, как дочери Александра Чавчавадзе как Елена, как Манана, как Маико и Мая Орбелиани³.

Важным доводом в пользу того, что Лермонтов записал имя Маико Кайхосровны Орбелиани, может, наконец, послужить письмо родственника и друга Лермонтова — Монго Столыпина, который в 1840 году писал из Тифлиса о красавицах, «каких не найти в Петербурге». Его тифлисскими знакомыми были: «маленькая княжна Аргутинская», а также Маико и Като Орбелиани — «две нежные жемчужины из тифлисского ожерелья». «И масса других, — продолжает Столыпин, — которых я не заметил, после того, как увидел этих трех женщин»⁴.

Столыпин находился в Тифлисе одновременно с Григорием Гагариным, который тогда же сделал два портрета Маико Орбелиани: один из них хранится в

¹ Это помогли мне установить Н. Г. Тарсандзе и Г. П. Моздокели.

² Соломон Размадзе, «Дианас меджлиси». «Цискари», 1858, № 12, стр. 205. Более точный текст — рукопись в Государственном музее Грузии. Шифр А. 1284. С этой рукописью познакомила меня Христина Шарашидзе.

³ Григорий Орбелиани. Письма, под редакцией А. Гацерелия, т. 1, Тбилиси, 1936, стр. 239 (на грузинском языке).

⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, д. № 4517. Сообщено мне научным сотрудником Государственного музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске С. И. Недумовым.

отделе рисунков Государственного Русского музея, другой — в частном собрании в Тбилиси¹.

Была в Тифлисе в то время еще одна Маико Орбелиани — Мария Ивановна, которую вспоминает Харламова, рассказывая, как к ним для совместного учения приходили Нина Чавчавадзе и Мария Ивановна (Маико) Орбелиани. Но эта Маико в 1830-х годах была уже замужем, уже побывала в Калуге за участие ее мужа в заговоре 1832 года и, в отличие от Маико Кайхосровны, русские знакомые (Инсарский, Зиссерман, Торнау) и даже грузин Григорий Орбелиани в своих письмах вспоминают ее как Марию Ивановну.

В одном из писем 1838 года Лермонтов в шутку замечает, что женщины на Кавказе малоразговорчивы: «особенно грузинки, — добавляет он в скобках, — они не говорят по-русски, я — по-грузински»².

Хотя Маико и Мая Орбелиани, посещавшие официальные приемы и балы в доме главноуправляющего Грузией барона Розена, по-русски, конечно, объяснялись, все же у нас нет оснований считать, что Лермонтов вел с ними долгие беседы. Но в том, что Лермонтов встретил их в семье Чавчавадзе, — в этом мы совершенно уверены. «Двери дома Чавчавадзе, — вспоминает современник, — всегда были открыты для бесконечного множества родных, друзей, знакомых, которые в нем веселились, пировали, плясали досыта»³. «Каждый день с утра, — пишет другой очевидец, — собирались у него родственники и родственницы грузинские, потом приходили Русские, один за другим, кто как освобождался от службы. За стол садились иногда, кроме семейства, по двадцати неожиданных гостей»⁴.

Офицер Торнау, из воспоминаний которого взяты приведенные строки, рассказывает, что «своей добро-

¹ См. иллюстрацию на стр. 81.

² М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 396, 549.

³ «Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева». Одесса, 1897, III, стр. 116.

⁴ Т[орнау], «Воспоминания о Кавказе и Грузии». «Русский вестник», 1869, № 4, стр. 698.

душной встречей» на балу Александр Гарсеванович и его жена возбудили в нем «смелость на другой же день явиться к ним на поклон». «Не прошло и месяца, как я стал у них хотя и не домашним человеком, — пишет Торнау, — но таким, который бывал ежедневно, обедал очень часто и просиживал долгие зимние вечера, когда они сами не были приглашены в гости»¹.

Рассматривая и сопоставляя новые факты, мы снова убеждаемся в том, что у Лермонтова была полная возможность встретиться с Чавчавадзе в Тифлисе.

11 октября 1837 года, на четвертый день пребывания царя, главноуправляющий Грузией барон Розен устроил бал, на котором среди гостей современники отметили Нину Грибоедову и Маико Орбелиани². Английский путешественник капитан Ричард Уильбрехем познакомился на этом балу с Екатериной Чавчавадзе, которую именует в своих мемуарах «княжной Катенькой» (Princess Katinka) и рассказывает о ней, о ее сестре «мадам Гребайдов», и об их отце «князе***», которому он, вместе с адъютантом барона Розена князем К. А. Суворовым, нанес визит 13(25) октября 1837 года³. Итак, в то время, когда Лермонтов прибыл в Тифлис (а миновать Тифлиса он не мог), Чавчавадзе находились в городе.

Но когда же, в таком случае, могла состояться встреча в Цинандали?

Имеется точный ответ и на это! «В бытность барона Розена, — пишет Торнау, — Чавчавадзе провела в городе только одну зиму». С его же слов мы знаем, что это была зима 1831 — 1832 года⁴.

Значит, вскоре после отъезда царя Чавчавадзе

¹ [Торнау], «Воспоминания о Кавказе и Грузии». «Русский вестник», 1869, № 4, стр. 696—697.

² Б. Л. Модзалевский, «Кавказ николаевского времени в письмах его воинских деятелей (из архива Б. Г. Чилева)». «Русский архив», 1904, № 1, стр. 131.

³ «Travels in the transcaucasian provinces of Russia... in the autumn and winter of 1837, by captain Richard Wilbraham». Lond., 1839, p. 251, 259.

⁴ [Торнау], «Воспоминания о Кавказе и Грузии». «Русский вестник», 1869, № 4, стр. 698.

вернулись на зиму в Цинандали. Но, вероятно, Лермонтов познакомился с ними в Тифлисе, в их гостиной встретил красавиц Майко и Маю Орбелиани и записал на листке бумаги для памяти эти не встречавшиеся ему дотоле имена. А потом где-нибудь на станции Военно-Грузинской дороги, достав этот лист из своего чемодана, стал набрасывать на обратной стороне пришедшие в голову строки:

Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Так до сих пор не расшифровывавшаяся и не использованная запись Лермонтова подтверждает, что он был знаком с Чавчавадзе. А раз подтверждается это, то, следовательно, не исключена возможность знакомства Лермонтова с другим замечательным поэтом — Григорием Орбелиани. Участник грузинского противоправительственного заговора 1832 года, Орбелиани, как мы знаем, несколько лет находился в ссылке в России и служил на Балтийском побережье в Нарвском пехотном полку. Но как раз в 1837 году ему был разрешен годовой отпуск в Тифлис¹.

В доме Чавчавадзе Лермонтов мог видеть среди гостей Николая Бараташвили, в ту пору юношу двадцати одного года, уже писавшего замечательные стихи.

Может возникнуть законный вопрос: почему об этом никто из современников не помянул ни словом?

Ответить на этот вопрос нетрудно: представители грузинского общества, с которыми познакомился Лермонтов, виделись друг с другом постоянно, и события их повседневной жизни оставались не закрепленными на бумаге, не отразились в письмах. Даже Григорий Орбелиани, которому в ссылку сообщали все новости, как раз в это время находился в Тифлисе.

Встречался Лермонтов в Тифлисе с Владимиром Дмитриевичем Вольховским — «старинным приятелем

¹ Григорий Орбелиани. Письма, под редакцией А. Гадцелы, т. 1. Тбилиси, 1936, стр. 242 (на грузинском языке).

Чавчавадзе», как называет его Торнау. Лицейский товарищ Пушкина Вольховский за принадлежность к «Союзу благоденствия» был удален в 1826 году на Кавказ и с 1833 года до декабря 1837 года занимал в Тифлисе должность начальника штаба Кавказского корпуса. Вскоре после отъезда Николая I из Тифлиса последовал приказ о смещении Вольховского и командира Кавказского корпуса Розена, которыми царь остался недоволен. Впрочем, оба они исправляли свои должности до весны 1838 года¹.

Высказанное нами в 1939 году предположение о знакомстве Лермонтова с Вольховским не так давно подтвердилось. Обнаружено письмо Вольховского — ответ его Алексею Илларионовичу Философову, с которым он дружен был еще со времен турецкой кампании, что письмо его — Философова — с просьбой посодействовать сосланному на Кавказ Лермонтову получил и с самим Лермонтовым познакомился. «Постараюсь, — сообщал он Философову, — действовать на счет его в твоём смысле»².

Перечисленные здесь люди составляли небольшой круг тогдашней интеллигенции Тифлиса, все они чуть ли не каждый день встречались друг с другом, и если в Тифлис попадал новый человек, да еще поэт, такой, как Лермонтов, он должен был вскоре перезнакомиться со всем обществом. Вспомним, что не только Грибоедов, Кюхельбекер, Лев Пушкин, Полонский, Гагарин, но и многие другие — и офицеры и чиновники, приезжавшие из России, свободно посещали дом Чавчавадзе, и нужны были бы какие-то особые обстоятельства, чтобы Лермонтов не познакомился с тифлисским литературным кругом и не попал в гостеприимный дом грузинского поэта. Для нас очевидно, что это знакомство произошло.

¹ Л. С. Исарлов (Исарлишвили). Письма о Грузии. Тифлис, изд. З. Чичинадзе, 1899, стр. 185; А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб, 1907, стр. 235; 237.

² А. Н. Михайлова, «Лермонтов по документам архива Философовых». «Литературное наследство», № 45—46, М., Издательство Академии наук СССР, 1948, стр. 678—680. Ср., Ираклий Андроников (Андроникашвили), «Лермонтов в Грузии». «Красная новь», 1939, № 10—11, стр. 252.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК АЛЕКСАНДРА ЧАВЧАВАДЗЕ

Но при этом важно помнить, что сам Александр Чавчавадзе только в 1836 году вернулся в Грузию из России, куда был сослан по делу о противоправительственном заговоре 1832 года.

Этот заговор возник в 1830 году, когда видные представители грузинской феодальной знати — родовые аристократы, а также грузинские царевики — потомки династии Багратиони, еще в начале века высланные из Грузии в Россию, задумали путем вооруженного восстания свергнуть в Грузии власть российского самодержавия.

Однако они отнюдь не стремились при этом упразднить монархическое правление. Нет, они собирались лишь восстановить в Грузии старую феодальную монархию, вновь возвести на грузинский престол династию Багратиони.

В своей работе «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» И. В. Сталин так определяет эти стремления грузинского дворянства к «освобождению Грузии».

«Существовал, например, у нас так называемый дворянский «**национальный вопрос**», — пишет Сталин, — когда — после «присоединения Грузии к России» — грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический «**национализм**». Это «движение» не оставило никакого заметного следа в жизни грузин, не стяжало себе славы ни одним фактом, если не иметь в виду отдельные заговоры грузинских дворян против русских правителей на Кавказе»¹.

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 32—33.

Заговор 1832 года был наиболее ярким проявлением этого «феодално-монархического национализма».

Александр Чавчавадзе участия в заговоре не принял. Но при той популярности, какую он пользовался в грузинском обществе, молодым людям, строившим планы об отложении Грузии от Российской империи и часто встречавшимся в его доме, важно было вовлечь и его в свои замыслы. «Ваше единое слово может вооружить всю Грузию: все только и ждут вашего приказания и готовы подчиниться вам», — убеждал Чавчавадзе один из организаторов заговора. «Все, которые знали, никто не хотел участвовать без генерала Чавчавадзе», — подтверждал в своих показаниях другой¹. Известно также, что, строя свои планы на будущее, заговорщики намечали генерала Чавчавадзе на пост военного министра «независимой» Грузии.

Однако Чавчавадзе отверг предложения заговорщиков и горячо убеждал их самих «оставить во все свои замыслы», а одному заявил даже, что в случае восстания «лучше умрет за русских»².

Возникает вопрос: почему Чавчавадзе не принял участия в заговоре? Ведь он не был предан царизму и не испытывал чувств верноподданного по отношению к палачу декабристов императору Николаю. Нет! Эти чувства были чужды Чавчавадзе. Более того: друг декабристов, поэт-вольнодумец, один из передовых людей своего времени, он относился к царизму враждебно. А в заговоре 1832 года не принял участия совсем по другой причине: он не разделял замыслов заговорщиков.

Мы имеем все основания утверждать, что Чавчавадзе не хотел разрыва своей родины — Грузии — с Россией, огромной, могучей, идущей вперед страной, с будущим которой было слито будущее Грузии. Разрыв с Россией и ориентацию на помощь шахской

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1457, VII, 1156.

² Там же, ф. 1457, III, 407, I, 40; «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. VIII, стр. 406.

Персии, на которую рассчитывали грузинские царе-
вичи, Чавчавадзе считал для Грузии гибельными.
«После убийства персами зятя моего благородного
Грибоедова, — писал он в своих показаниях, — ниче-
го столько не желаю, как дожить до войны против
сих извергов... Желать персов для изгнания русских!
Откуда могла во мне родиться такая адская
мысль!..»¹

Искренность этих слов не вызывает сомнений. Тем
более, что в юности Чавчавадзе сам был замешан в
заговоре царевича Парнаоза, отдал тогда дань дво-
рянскому национализму и, осознав свою ошибку, не
мог не вспомнить при общении с заговорщиками это-
го своего горького опыта.

Он не примкнул к заговору. Но, зная о существо-
вании тайного общества и о его целях, он тем самым
оказался косвенно причастным к делу, ибо выдать
никалаевскому правительству тайное общество он не
мог. Отрицая потом перед следственной комиссией
свое участие в замыслах заговорщиков, он, между
прочим, писал, что «если бы даже и узнал то, что
ныне обнаружилось, и тогда бы не унизил себя до
того, чтобы сделаться доносчиком подобной безрас-
судной ветрености»².

Однако из показаний других арестованных комис-
сия заключила, что генерал-майор Чавчавадзе «с
давнего времени знал о преступных замыслах сво-
их родственников и единоплеменников и, скрыв оные от
правительства, нарушил одну из первых обязан-
ностей верноподданного»³. На этом основании он был
отнесен к категории лиц, «кои знали об умысле,
но с тем вместе не изъявили на оный согласия»⁴.
В начале 1834 года, после окончания дела, поэт
«по высочайшему повелению» был сослан в Там-
бов.

Что Чавчавадзе были чужды планы восстановле-

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. ОВД, д. 166, лл. 426—427.

² Там же.

³ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией». т. VIII, стр. 392—393.

⁴ ЦГИА Грузинской ССР, ф. ОВД, д. 166, л. 5259.

ния грузинского престола и «независимой» Грузии, доказывает его стихотворение «Кавказ», в котором он пишет:

И Армия Севера в славе железной
Шагнула на кряж и, не дрогнув над бездной,
Кремневую молнию сжала рукой
И склеп раскрошила солдатской киркой.
Гряда великанов на вызов металла
Рыдала отгулами и трепетала.
Но дети Иверии поняли: тут
В их светлое Завтра дороги ведут¹.

Дословно:

Путь открылся и родились у иверийцев надежды, вера,
Что оттуда <с Севера> войдет в их среду просвещение.

«Просвещение» здесь надо понимать, конечно, не как синоним культуры вообще: под словом «просвещение» здесь подразумевается деятельность русских «просветителей», передовые идеи русской общественной мысли конца XVIII века.

Даты написания стихов Чавчавадзе, в частности этого стихотворения, не установлены. Но несомненно, что он, сын Гарсевана Чавчавадзе, поборника сближения Грузии с Россией, и сам активный сторонник сближения грузинского общества с передовыми русскими людьми, выразил в этом стихотворении не временное, но постоянное, устойчивое свое отношение к вопросу о будущем Грузии. В его представлении это будущее было связано с развитием Грузии под защитой России.

Все это, разумеется, не исключало отрицательного отношения Чавчавадзе к политике российского самодержавия в Грузии. Наоборот! Установлено, что Чавчавадзе был автором анонимного «Краткого исторического очерка Грузии и положения ее с 1801 по 1831 год». Этот глубоко продуманный и очень резкий

¹ Перевод П. Антокольского. «Поэзия Грузии». М.—Л., Государственное издательство художественной литературы, 1949, стр. 209.

документ грузинский поэт адресовал самому императору¹.

Сопоставляя «Очерк» Чавчавадзе с грибоедовским проектом экономического и культурного преобразования Закавказья, исследователи отметили сходство во взглядах обоих авторов. Это сходство не ускользнуло уже и тогда от внимания командира Кавказского корпуса. В своем секретном донесении военному министру Чернышеву барон Розен сообщал, что Чавчавадзе, «будучи тестем покойного Грибоедова, имел в нем средство усовершенствоваться в правилах вольнодумства»².

В своих суждениях о «вольнодумстве» Чавчавадзе Розен не ошибался. И в заграничном походе 1813 — 1814 годов, и в период службы в Царском Селе в лейб-гусарах, и по возвращении в Грузию поэт постоянно находился в атмосфере передовых идей эпохи. Чаадаев, Пушкин, Кюхельбекер, Александр и Николай Раевские, кружок прогрессивно настроенных офицеров, служивших при А. П. Ермолове, а после 1825 года декабристы, сосланные в войска Кавказского корпуса, — вот та среда, с которой Чавчавадзе близко соприкасался в 1810 — 1820-х годах. И несомненно, что он воспринял при этом некоторые декабристские идеи. Вернее всего мы можем судить об этом по другому его стихотворению «Горе миру!», которое приводится здесь в прозаическом переводе:

Горе миру сему и его обитателям,
Этим сосудам зла и обмана, что без права хотят
Угнетать добронравие и жить, упиваясь,
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Коварные души гнусности похвалу здесь возносят,
На того, кто добро совершает, клеветуют,

¹ В. Шадури. Грибоедов и грузинская культура. Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1946, стр. 27—28.

² Елена Вирсаладзе, «Современники Н. Бараташвили», «Литератури дзиэбани» («Литературные разыскания»), III, 1946, стр. 127 (на грузинском языке; цитированный документ по-русски).

Исполнены зависти. Иные обогащаются и чем же, о братья?
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Властители царств друг другу стараются заговорить зубы,
Подобно зверям безжалостно терзают людей,
И тот богатеет, кто силой возьмет и живет, процветая,
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

С улыбкой смотрят на поверженных сильные,
Правда ими похищена и сокрыта,
Цветы ее увяли и попораны
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Но и победителю будет отмщенье!
Его злодеяния отольются ему.
Уйдет от него, исчезнет то, что неправо добыто
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Иные, чтобы стяжать больше,
Готовы преступить закон, не задумываясь,
Не щадят подобных себе, добывая сокровище
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Государи, участь которых вызывает в нас зависть,
У них много забот, все время их занято
Стремлением возвеличиться еще более
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Царедворцы, вокруг тронов стоящие,
С братьями враждуют, питают к ним зависть,
Друг друга уничтожают и славятся
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Вы, жизнь бедняков горечью наполняющие,
Вы, без права, без совести, сделавшие их своими рабами,
Ждите — вы угодите им!
Не вечно блаженствовать вам, не вечно вам жить
Ограблением народа, притеснением, разбоем.

Жаль, что мы не знаем, когда возникли и эти удивительные стихи. Но содержание их от того не меняется. Направленные против тиранов-царей и злодеев-царедворцев, полные угроз по адресу крепостников-феодалов и грабителей-купцов, живущих ограблением народа, они отчасти напоминают агитационные песни Рылеева и Бестужева, они сродни заключительной строфе лермонтовского стихотворения на смерть Пушкина. В них нельзя усмотреть никакого

намека на идеи грузинских феодалов, мечтавших отложиться от России и восстановить грузинский престол. Они противостоят националистическим идеям грузинских аристократов, направлены против них. Становится окончательно ясным, что Чавчавадзе не принял участия в заговоре 1832 года не потому, что решил остаться лойяльным по отношению к российскому самодержавию, а потому, что в присоединении к России видел единственное спасение грузинского народа от истребления его персидскими и турецкими захватчиками. Становится ясным, что он не сочувствовал и не мог сочувствовать замыслам заговорщиков и потому, что по своим политическим взглядам был гораздо ближе к республиканцам-декабристам, чем к грузинским царевичам и к их сторонникам.

Стоит обратить внимание на тот факт, что Николай I, крайне заинтересованный в умиротворении грузинского дворянства, отдавший специальный приказ «наказать одних виновнейших и не отягощать участи лиц, сделавшихся прикосновенными» к заговору, тем не менее сослал Чавчавадзе. Надо полагать, что главную роль в этом решении сыграла политическая репутация поэта: известно, что в 1829 году Чавчавадзе уклонился от выполнения приказа об аресте Николая Раевского, который вызвал гнев императора своим вольным, дружеским обращением с сосланными декабристами. Знал царь о дружеском обращении к декабристам и самого Чавчавадзе. Просматривая показания арестованных по делу о заговоре 1832 года, он должен был обратить внимание на смелое заявление Чавчавадзе о том, что он «если бы даже и знал» о заговоре, то никогда бы не довел до сведения царских властей о готовившемся на них покушении. Наконец, у Николая I могли быть подозрения, а может быть, точные сведения, что автором присланной ему анонимной истории Грузии за первые тридцать лет русского владычества на Кавказе был все тот же генерал Чавчавадзе. Во всяком случае показательно, что с некоторыми из самых активных заговорщиков, «злоумышлявших против правительства», он обошелся мягче, чем с Чавчавадзе, который, как считала

комиссия, «на умысел не соглашался, оный не одобрял... и убеждал покинуть столь безрассудное предприятие, — так что ему единогласно приписывают оставление заговорщиками своих пагубных намерений»¹.

Часть привлеченных к делу была оставлена под надзором полиции в Тифлисе, другие, подобно Чавчавадзе, высланы на жительство в разные города России или переведены в дальние гарнизоны. Seriously пострадал только учитель Соломон Додашвили, который, в отличие от других заговорщиков, мечтал об освобождении Грузии от власти российского самодержца «не для того, чтобы кто-нибудь из рода Багратионовых воцарился в оной, но чтобы из Грузии сделался род республики»². При аресте в его бумагах нашли копию предсмертного письма Рылеева к жене. Судя по всему, Додашвили были не чужды политические идеи декабристов. Он не вернулся на родину — умер в Вятке в 1836 году.

Но уже в следующем, 1837 году один из участников заговора, бывший лейб-гусар Георгий Романович Эристави, добился перевода в Грузию, в Нижегородский драгунский полк, где продолжал отбывать наказание одновременно с Лермонтовым³. В том же году возвратился в Грузию Григорий Орбелиани. Ссылка Чавчавадзе окончилась еще раньше. Но так как сведений об этом в биографической литературе о нем не имеется, следует, хотя бы коротко, рассказать здесь о том, сколько времени Чавчавадзе находился в ссылке и когда возвратился на родину.

Он был арестован по именному повелению царя 15 января 1833 года, 8 сентября освобожден и отпущен в имение свое Цинандали, где жил под секретным надзором. 18 января 1834 года отправлен на жительство в Тамбов⁴.

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. ОВД, д. № 166, лл. 504 об. — 505.

² ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1457, IX, 1567.

³ В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб, 1894, стр. 57.

⁴ ЦГИА Грузинской ССР, ф. ОВД, д. № 164, лл. 169, 442, 464—467; д. № 166, л. 482; д. № 167, л. 458.

Распространенное мнение, что он был выслан в Тамбов сроком на четыре года, ни на чем решительно не основано. И сейчас мы убедимся, что он провел в Тамбове отнюдь не четыре года, а всего лишь два с половиной месяца.

Прибыв в Тамбов 18 февраля, Чавчавадзе сразу же обратился с письмом к Паскевичу, под начальством которого воевал против турок. Поэт просил фельдмаршала выхлопотать для него разрешение приехать в Петербург для свидания с императором, которому он препровождал докладную записку¹.

Царь уважил ходатайство Паскевича (как это было и в случае с Грибоедовым, арестованным по делу декабристов). 22 апреля 1834 года Чавчавадзе был вызван из ссылки в Петербург. Об этом мы узнаем из неопубликованного документа, полученного из Тамбовского областного архивного управления. «Государь император высочайше соизволил разрешить находящемуся ныне на жительстве в г. Тамбове генерал-майору князю Чавчавадзе приехать в С.-Петербург», — сообщал военный министр тамбовскому гражданскому губернатору.

В первых числах мая Чавчавадзе выехал из Тамбова².

Вскоре до Тифлиса дошли слухи, что царь просил Чавчавадзе «позабыть все прошедшее»³.

Понятно, что «милостивое» обращение императора с опальным поэтом было вызвано не отношением к нему самому, а желанием сделать шаг к примирению с грузинским дворянством. Николая I привлекала огромная популярность Чавчавадзе среди грузин. И судьба его, по мысли царя, должна была послужить образцом «истинно отеческого снисхождения» к

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. ВУА, д. № 1121, лл. 1—4. Ср. С. Маглакелидзе, «Материалы к биографии Александра Чавчавадзе». «Саисторио моамбе», 1946, № 2, стр. 245—247 (на грузинском языке).

² Тамбовское областное архивное управление, ф. 4, д. 18, лл. 17, 21, 28 и 36.

³ «Акты Кавказской археографической комиссии», т. VIII, стр. 423.

Тамань.

Развалины близ селения Карагаач в Кахетии.

Работы Лермонтова.

Н. В. Маѣер.

«заблуждающейся части грузинского благородного сословия».

В Петербурге Чавчавадзе провел и следующие два года — 1835 и 1836-й. Григорий Орбелиани, находившийся тогда в Риге, сообщал в Тифлис последние петербургские новости: он видел барона Г. В. Розена. Тот рассказывал ему, как живет в Тифлисе семья Чавчавадзе, о самом «князе», которого встретил в столице, о приезде в Грузию дочери царя Ираклия II царевны Текле. «Я знаю, что князь очень хорошо принят в Петербурге», — писал с его слов Орбелиани об Александре Гарсевановиче Чавчавадзе.

Это письмо 1835 года. Царевна Текле вернулась из калужской ссылки в Тифлис в том же, 1835 году. Следовательно, сведения о Чавчавадзе относятся к этому времени¹.

В 1836 году — об этом уже говорилось — Чавчавадзе жил в Петербурге. 16 сентября датировано прошение, которое он подал Паскевичу и на котором помечено: «С.-Петербург»². Но уже в конце года Чавчавадзе возвратился на родину. Немецкий путешественник Карл Кох в декабре 1836 года встречал Чавчавадзе в Тифлисе и записал свое впечатление: «образованнейший из грузин, приобретший за время долгого пребывания в Петербурге и в Западной Европе такие познания, каких не ищут в далеком Закавказском крае»³.

Что Чавчавадзе находился в Тифлисе в то время, когда туда прибыл Лермонтов, подтверждается, как мы видели, мемуарами Ричарда Уильбрехема⁴. Английский капитан навестил Чавчавадзе 13 октября 1837 года.

¹ Григорий Орбелиани. Письма, под редакцией А. Гацерелия, т. 1, Тбилиси, 1936, стр. 33 (на грузинском языке).

² С. Маглакелидзе, «Материалы к биографии Александра Чавчавадзе». «Саисторио моамбе», 1946, № 2, стр. 247.

³ К. Кох. Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Jsthmuss in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart und Tübingen, 1843, B. II, ss. 314, 191.

⁴ «Travels in the transcaucasian provinces of Russia... in the autumn and winter of 1837, by captain Richard Wilbraham». Lond., 1839, p. 250.

„ЛЮДИ ОЧЕНЬ ПОРЯДОЧНЫЕ“

Итак, Чавчавадзе возвратился из ссылки. Выдающийся поэт, генерал, прославившийся в персидской и турецкой войнах, один из самых образованных грузин того времени, истинный патриот, человек передовых взглядов, гостеприимный хозяин, в доме которого находили радушный прием сосланные и разжалованные, он, несомненно, был в глазах Лермонтова необыкновенно привлекательной и благородной фигурой. Вот кого мог подразумевать Лермонтов, когда писал Святославу Раевскому о том, что в Тифлисе «есть люди очень порядочные».

Известно также, что Лермонтов встретился и подружился в Грузии с декабристом Александром Ивановичем Одоевским. В 1837 году Одоевский был переведен из Сибири солдатом в Грузию и «служил в Нижегородском драгунском полку в одно время с удаленным туда Лермонтовым»¹: он числился налицо в полку с 7 ноября 1837 года².

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах Востока... и тоску изгнанья
Делили дружно...

Так начинается написанное в 1839 году стихотворение Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского».

Несмотря на кратковременное знакомство, Лермонтов с полным правом мог сказать, что «знал его». Такой глубокой и верной характеристики Одоевского не оставил никто из его друзей³.

Через год после Лермонтова с ним познакомился Н. П. Огарев: это было в 1838 году, в Пятигорске. «Встреча с Одоевским и декабристами, — вспоминал Огарев многие годы спустя, — возбудила все мои сим-

¹ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб, 1907, стр. 243.

² «Восстание декабристов». Материалы, т. VIII, «Алфавит декабристов», стр. 367.

³ А. И. Одоевский. Полное собрание сочинений и писем. М.—Л., «Academia», 1934, стр. 97. (Статья И. А. Кубасова «А. И. Одоевский».)

пяти до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь... это чувство меня не покидало. Я написал в этом смысле стихи, которые, вероятно, были плохи по форме, потому что я тогда писал много и чересчур плохо, но которые по содержанию наверно были искренни до святости, потому что иначе не могло быть. Эти стихи я послал Одоевскому после долгих колебаний истинного чувства любви к *ним* и самолюбивой застенчивости. Часа через два я сам пошел к нему. Он стоял середь комнаты, мои стихи лежали перед ним на стуле. Он посмотрел на меня с глубоким, добрым участием и раскрыл объятия; я бросился к нему на шею и заплакал, как ребенок. Нет; и теперь не стыжусь я этих слез; в самом деле это не были слезы пустого самолюбия. В эту минуту я слишком любил его и их всех, слишком чисто был предан общему делу, чтоб какое-нибудь маленькое чувство могло иметь доступ до сердца. Они были чисты, эти минуты, как редко бывает в жизни. Дело было не в моих стихах, а в отношении к начавшему, к распятому поколению, — поколению, принявшего завет и продолжающего задачу...»¹

Это удивительное описание можно было бы и не приводить здесь, если бы в нем не выразилось отношение к декабристам целого поколения, к которому принадлежал и Лермонтов. Герцен имел в виду прежде всего преемственность революционных идей и общее отношение к подвигу декабристов, когда писал о Лермонтове: «Он принадлежит всецело к нашему поколению»². Как и для них, Одоевский был для Лермонтова живым символом декабризма, представителем всего декабристского поколения. «Самый замечательный из всех декабристов, бывших в то время на Кавказе» — это превосходство Одоевского над остальными его товарищами отметил Огарев и отметил именно потому, что ощутил в Одоевском постоян-

¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. [М.]. Госполитиздат, 1952, стр. 406.

² А. И. Герцен. Былое и думы. Государственное издательство художественной литературы, 1937, стр. 405.

ную готовность на мученичество за общее дело, не угасавшее в нем юношеское самоотвержение.

Эти же свойства Одоевского пленили Лермонтова: это видно из текста стихотворения.

Одоевский рассказывал ему, конечно, о дружбе своей с Рылеевым («по пылкости своей сошелся более с Рылеевым», — написано в его «Показаниях»), с Бестужевым, с которым вместе жил в Петербурге, в одной квартире. В этой квартире у Бестужева и Одоевского на Почтамтской, в доме Булатова, происходили совещания тайного общества, жил Грибоедов, в несколько рук переписывалось «Горе от ума». Рассказывал Одоевский Лермонтову о дружбе своей с Грибоедовым, с Кюхельбекером, который любил его «более, чем братской» любовью.

14 декабря Одоевский оказался в самом центре событий. Возвращаясь из караула в Зимнем дворце, он поспешил к своему полку — в казармы Конной гвардии и горячо агитировал солдат, пытаясь поднять их на восстание. Затем явился на Сенатскую площадь и был назначен начальником заградительной цепи. Недаром Николай I считал его в числе «самых сильных заговорщиков». Одоевский — не вовлеченный в заговор юноша, а пламенный революционный боец, глубоко убежденный в исторической правоте их дела. «Мы умрем! Ах, как мы славно умрем!» — в этих словах Одоевского, сказанных перед восстанием, не было веры в их победу на площади, но была глубокая вера в историческое значение их подвига. По словам Огарева, он, «несмотря на ранний возраст... принадлежал к числу тех из членов общества, которые шли на гибель сознательно, видя в этом первый вслух заявленный протест России против чуждого ей правительства и управления, первое вслух сказанное сознание, первое слово гражданской свободы; они шли на гибель, — говорит Огарев, — зная, что это слово именно потому и не умрет, что они вслух погибнут»¹. «...их дело не про-

¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, [М.], Госполитиздат, 1952, стр. 404—405.

пало. Декабристы разбудили Герцена», — писал В. И. Ленин¹. А строчка из ответа декабристов Пушкину, написанного Одоевским, стала эпиграфом ленинской «Искры».

Одоевский до конца оставался верным своим убеждениям. Достаточно перелистать томик его стихотворений:

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей, —
И радостно вздохнут народы.

(1827)

За святую Русь неволя и казни
Радость и слава...
Славим нашу Русь, в неволе поём
Вольность святую...

(1830)

Пять жертв встают пред нами; как венев
Вкруг выи вьется синий пламень.
Сей огонь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...

(1831)²

Из текста лермонтовского стихотворения видно, что в его беседах с Одоевским политическая тема занимала важное место. Одоевский говорил ему, что продолжает верить в русскую свободу — в «иную жизнь» — и в людей, которые придут, чтобы продолжить их дело:

Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную...

С горечью говорил Одоевский о гибели всех планов тайного общества, которые рухнули в то пасмурное декабрьское утро, говорил о крушении политических надежд своей молодости.

В могилу он унес летучий рой
Обманутых надежд и горьких сожалений.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 14.

² А. И. Одоевский. Полное собрание сочинений и писем. М.—Л., «Academia», 1934, стр. 116, 190—191, 200.

Он рассказывал Лермонтову о друзьях, оставленных им в Сибири:

...он погиб далеко от друзей... —

делился с Лермонтовым замыслами

еще незрелых темных вдохновений... —

читал стихи, большая часть которых так и осталась незаписанной:

...дела твои, и мненья,
и думы, все исчезло без следов...¹

Они были на «ты». Это не условное обращение к умершему, нет! Лермонтов звал его «Сашей». Оба — поэты, оба — изгнанники, они вместе мечтали о свободе, во имя которой боролись и творили. Это была настоящая дружба. В своем стихотворении Лермонтов создал портрет вдохновенного поэта и стойкого политического борца².

В Нижегородском полку Лермонтов встретился с Николаем Андреевичем Жерве и графом Андреем Павловичем Шуваловым, отправленными царем в войска Кавказского корпуса за проявление оппозиционного духа. Оба были сосланы еще в 1835 году³.

Штабс-капитан Жерве получил возможность вернуться в Россию одновременно с Лермонтовым, когда в Грузии был получен «высочайший» приказ о переводе их в гвардейские полки, подписанный в Тифлисе 11 октября 1837 года. Юнкер Шувалов провел в ссылке три года, несмотря на тяжелую рану, полученную им в экспедиции. Он возвратился в столицу только весной 1838 года, дослужившись до чина поручика.

¹ М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 53—55.

² В осмыслении политического облика А. Чавчавадзе и подтекста стихотворения Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского» я многим обязан беседам с М. В. Нечкиной.

³ Э. Герштейн, «Лермонтов и кружок шестнадцати». В книге: «Лермонтов. Исследования и материалы». М., Издательство Академии наук СССР, 1941, стр. 88.

Эта встреча положила начало тем приятельским отношениям, которые впоследствии привели всех троих — Лермонтова, Жерве и Шувалова — в «кружок 16-ти» — группу оппозиционно настроенных молодых людей, возникшую в столице осенью 1839 года. Известно, что участников этого кружка объединяла ненависть к николаевскому режиму, а также интерес к историческим судьбам России. Эта общность интересов, не означавшая, впрочем, общности идейных воззрений, не могла не выявиться в то время, когда все трое сосланных оказались в одном — Нижегородском — полку.

Итак, в письме к Раевскому речь шла о декабристах — об Одоевском, о Вольховском — и о представителях грузинского культурного общества, которых связывала с декабристами многолетняя дружба. Речь шла о молодых людях, выражавших оппозиционное отношение к николаевской деспотии.

Теперь становится понятным, почему Лермонтов предпочел отделаться в письме скупой фразой: «хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные». Теперь мы понимаем, кто был «порядочным» в его глазах, и можем предполагать, кого он имел в виду. Особенно очевидным становится это, если вспомнить, что и в «Герое нашего времени» Лермонтов, глухо упоминая об «истинно порядочных людях», подразумевал, как это теперь уже выяснено, сосланных на Кавказ декабристов. Подробнее мы еще скажем об этом. Вспомним, наконец, что и Грибоедов в своих письмах из Грузии в начале 1820-х годов точно так же, не называя имен, писал иносказательно о «порядочных людях». М. В. Нечкина установила, что он разумел при этом «ермоловцев» — русских офицеров, группировавшихся в Грузии вокруг Ермолова и разделявших взгляды декабристов¹.

Терминология Лермонтова совпала с декабристской терминологией.

¹ М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., ГИХЛ, 1947, стр. 190.

ПЕРЕДОВЫЕ ПОЭТЫ О СОЮЗЕ ГРУЗИИ И РОССИИ

Теперь становится понятным и другое: с кем мог обсуждать Лермонтов политическую историю Грузии и вопрос о выгодах присоединения ее к России. Мы находим теперь объяснение тому, как возникли в рукописи «Мцыри» строки о Грузии, которая

...цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.

Вспомним заключительные строки стихотворения Чавчавадзе «Кавказ», касающиеся проблемы присоединения Грузии к России:

- Путь открылся, и родились у иверийцев надежда, вера,
Что оттуда <с Севера> войдет в их среду просвещение.

Так думал не один Чавчавадзе.

В 1839 году, тогда же, когда была закончена работа над «Мцыри», Николай Бараташвили написал свою историческую поэму «Судьба Грузии».

Эта небольшая поэма начинается, как известно, изображением Крцанисской битвы и оставления Тбилиси, разграбленного и сожженного кровавым персидским захватчиком Ага Магомет Шахом. Далее Бараташвили показывает, как созревала у царя Ираклия мысль вручить судьбу Грузии покровительству могучего соседа — России, как решается он высказать эту мысль советнику своему Соломону Леонидзе.

«Что стряслось такого до сих пор,
Чтоб отказываться от свободы? —

спрашивает царя пораженный Соломон. —

Кто тебе сказал, что русский двор
Счастье даст грузинскому народу?
Что единство веры, если нрав
Так различен в навыках обоих?
Русским в подчинение попав,
Как мы будем жить в своих устоях?
Сколько пропадет людей в тени

От разлада с чувствами своими?
Не спеши, Ираклий, сохрани
По себе нетронутое имя.
Жизнь, пока ты жив, идет на лад,
А умрешь — тебе какое дело,
Как поправит рухнувший уклад
Будущий правитель неумелый?» —
«Это мне известно самому, —
Отвечал Ираклий, — в том нет спору.
И, однако, что я предприму?
Где народу отыщу опору?
Я сужу ведь не как властелин,
Льющий кровь, чтоб дни свои прославить.
Я хочу, как добрый семьянин,
Дом с детьми устроенный оставить.
Для страны задача тяжела —
День за днем всегда вести сраженья,
Сам ты убедился, сколько зла
Принесло нам это поражение.
Хорошо еще, что Мамед хан
Только главный город наш разграбил
И по деревням среди поселян
Меру зверства своего ослабил.

Требуется некий перелом.
Надо дать грузинам отдышаться.
Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.
Лишь под покровительством у ней
Кончатся гоненья и обиды
И за упокой родных теней
Будут совершаться панихиды.
Не стерпел советник. «Господин, —
Молвил он, — твой план ни с чем не сходен.
Презирает трудности грузин
До тех пор, покамест он свободен».
«Верно, Соломон. Но сам скажи:
Много ли поможет это свойство,
Если под угрозой рубежи
В эту пору общего расстройства?
Я готов молчать, но не забудь,
Я предсказываю, в дни лихие
Сам повторишь ты когда-нибудь:
Будущее Грузии в России»¹.

¹ Перевод Б. Пастернака. «Поэзия Грузии». М.—Л., Государственное издательство художественной литературы, 1949, стр. 222 — 223.

Дословно:

Но не забудь мои слова, —
Это будет сегодня или завтра —
Грузию защитит государство русских.

Прочтите после этого пять строк из «Мцыри»:

И божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.

Эти строки кажутся следствием разговора Ираклия со своим советником: это воплощение той же темы, которая волновала Бараташвили.

После одного из посещений Мцхетского собора Бараташвили написал стихотворение «Могила царя Ираклия», в котором, обращаясь к «святой тени прославленного героя», говорит о том, что Грузия постигла его завет и преклоняется перед его гробницей, «возведенной из слез».

Таким образом размышления Лермонтова об исторических судьбах Грузии совпадают с тем, что думали, что чувствовали в ту пору лучшие люди Грузии — Александр Чавчавадзе и Николай Бараташвили.

Но не только Лермонтов касался этой темы в своих беседах с грузинами. Ближайший друг Грибоедова, поэт-декабрист Александр Одоевский тоже, вскоре по приезде в Тифлис, познакомился с Ниной Александровной и с Чавчавадзе и стал бывать в их доме. Тогда, очевидно, и перевел Чавчавадзе стихотворение Одоевского «Роза и соловей» на грузинский язык.

В апреле 1838 года, то есть через несколько месяцев после отъезда Лермонтова в Россию, Одоевский, находясь в Тифлисе, написал стихотворение, в котором аллегорически изобразил Грузию черноглазой, чернобровой красавицей невестой, а Россию женихом — светлорусым прекрасным витязем:

Не томит тебя кручина
Прежних пасмурных годов.

Много было женихов —
Ты избрала исполина.

.....

Прошлых веков не тревожась печалью,
Вечно к России любовью горя,
Слитая с нею, как с бранною сталью,
Пурпур-заря¹.

Рукопись Одоевского сохранилась. Первоначально он озаглавил стихотворение «Брак Грузии с Россией». Потом переправил: «Брак Грузии с Русским царством»². Переправил потому, очевидно, что слова Грузия и Россия — женского рода, а в стихотворении речь идет о браке. Понятно, что слово «царство» никак не синоним Российской империи. Исполин у Одоевского — это сказочный русский витязь, олицетворение русского народа-богатыря, гиперболический образ которого встречается и у Лермонтова, скажем, в «Двух великанах». Читая это стихотворение, важно помнить, что «декабристы видели будущее Кавказа в объединении со свободной, революционной Россией» (М. В. Нечкина).

Таким образом, четыре современника — Бараташвили, Александр Чавчавадзе, Лермонтов и Одоевский — одновременно задумываются над историческим смыслом союза Грузии и России и приходят к одному и тому же выводу: в этом союзе заключено единственное спасение грузинского народа от истребления, это объединение — залог будущего процветания Грузии.

Единомыслие грузинских и русских поэтов в этом вопросе объясняется прежде всего общим направлением, общей прогрессивностью их взглядов: все четверо принадлежали к числу самых передовых людей своего времени. Но, кроме того, становится понятным и то, что думали они об этом не порознь, а вместе, что Лермонтов, так же как и Одоевский, обсуждал эту тему со своими грузинскими друзьями. Это не могли

¹ А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М. — Л., «Academia», 1934, стр. 225 — 226.

² ЦГАЛИ, ф. 368, ед. хр. 9456/2.

быть участники заговора 1832 года — мы знаем, что они держались других взглядов. Все данные подводят нас к единственно вероятному выводу: в число этих друзей входил Александр Гарсеванович Чавчавадзе.

ТИФЛИС ТОГО ВРЕМЕНИ

Внимание русского, приехавшего в ту пору в Тифлис, всего более привлекала восточная часть города. Нынешняя центральная часть носившая тогда название Гаретубани, еще только начинала застраиваться новыми домами и административными зданиями, да и те были расположены на большом расстоянии друг от друга и разделены густыми садами.

За Эриванской площадью, ныне площадью Ленина, где в то время находились самые большие здания: штаб Кавказского корпуса, дом полицейского управления, гимназия, ресторация и духовная семинария, начинался Армянский базар — лабиринт узких и кривых переулков и тупиков, там жили тифлисские ремесленники. За Армянским базаром, за Сионской улицей шли Темные ряды — «Базаз-хана», а за ними татарский Майдан — торговая площадь с прилегающими к ней подворьями, «караван-сараями».

В этой восточной части Тбилиси, в Старом городе, целый день двигалась густая толпа. Здесь прямо под открытым небом чеканили серебро, жарили шашлыки, ковали лошадей, брили головы, шили бурки и сапоги, щупали разноцветные шелка, приценивались к дорогим персидским коврам, опиливали пистолеты, играли в нарды. С утра до ночи раздавался здесь грохот молотов, дыхание кузнечных мехов, стук игральных костей, песни ашугов, крики погонщиков, клейкий писк зурны, рокочущий, веселый грохот барабана, выбивающего такт лекури. И все это тонуло, пропадало, растворялось в общем гомоне, в шумном кипении толпы, в смешении слов грузинских, армянских, русских, азербайджанских с персидскими и турецкими словами. На прилавках и прямо на земле лежали горы сладкого винограда, розовая редиска, янтарные

початки кукурузы, рыжие помидоры, белели круги овечьих сыров. Валил чад от жаровен, пахло кожей, свежей рыбой, пряными травами, терпкой прохладой тянуло из винных погребков. Бежали ослы с перекидными корзинами; изнемогая от непосильной тяжести, блестящий от пота, в лохмотьях, носильщик тащил на спине кованный железом сундук. За ним поспешал купец с огненной бородой и крашеными ногтями, в чалме и халате, в маленьких зеленых туфлях. Вот, грубо оттолкнув ремесленника азербайджанца, он почтительно уступил дорогу русскому чиновнику в казенном вицмундире, смерил взглядом стройную девушку, окутанную до самых глаз белой чадрой; — девушку провожает «бичо» — босоногий слуга-мальчуган. Навстречу денщик идет за модно одетою дамой, щеголь в черкеске сторонится, чтобы пропустить дрожки, и испуганные кони, косясь, объезжают верблюда. Едет арба, запряженная четверкой волов, покрытая полосатым ковром, под которым уместилось большое семейство, и дети таращат глаза на кивер драгуна.

С базара можно было подняться по выющимся переулочкам к развалинам Нарикала — крепости, выстроенной во времена турецких и персидских нашествий, пройти по темным переходам, по изломанным закоулкам, пересечь площадь величиною в небольшую комнату, — и чем выше в гору, тем шире раздвигались зубчатые края образованной горами чаши, в которой лежит город, и становился виден весь «многобалконный Тифлис», с длинными открытыми галереями вторых этажей, с их кружевными решетками, с крохотными двориками, с гладкими кровлями, сбегавшими, подобно ступеням, к яркоголубой мечети, к зеленым стремительным водам Куры. За Курой, на скалистом обрыве, виднелись, как и сейчас, замок Метехи и церковь св. Шушаны, а вправо, на сколько глаз хватал, по самому карнизу этой отвесной стены лепились деревянные домики. И балконы, балкончики, лестничные переходы висели на огромной высоте над самой стремниной реки.

Внизу, под горой, где находятся знаменитые тби-

лиские бани и дымятся горячие серные ключи, вытекающие из расщелин горы, женщины полоскали яркие тряпки; старухи, стоя на плоских кровлях, вели громкий разговор через улицу. За банями простирались тенистые Сеид-абадские сады, где по праздникам отдыхали и пировали тифлисцы. «Что здесь истинное наслаждение, — писал восторженно Лермонтов, — так это татарские бани!»

Не так давно обнаружен его рисунок, изображающий старинный Метехский замок на отвесной скале, и церковь св. Шушаны, и домики над обрывом, и узкий Авлабарский мост, в то время единственный, и строения Старого города, избегающие на правый берег. На переднем плане верблюды, погонщики. Толстый человек ведет коня в поводу, собачонка бросается под ноги верблюдов; навстречу этой группе едет всадник на горячем коне; за невысокой глинобитной оградой виднеются домики с плоскими крышами, с галереями, висящими на косых упорах, утопающие в зелени сада. Караван движется от «Сумбатовских бань» по направлению к Майдану. «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, — сообщал Лермонтов Раевскому, — и везу с собою порядочную коллекцию». Рисунок, о котором мы говорим, — из этой самой коллекции¹.

С наступлением темноты лавочки и растворы ремесленников в караван-сараях запирались и жизнь на торговой площади и в кривых переулках замирала. Зато оживали плоские кровли тифлиских домов. Под стук бубна и живые напевы мелькали в полусвете силуэты пляшущих девушек. «В то время дома Старого города, — говорит современник, — были устроены так, что, не касаясь мостовой, а поднимаясь только и опускаясь с одной крыши на другую, можно было обойти целый квартал и открыть себе вход в любой дом»².

На другом сохранившемся рисунке Лермонтова изображена характерная сцена: лезгинка на плоской

¹ См. верхнюю иллюстрацию на стр. 64.

² Т[орнау Ф.]. «Воспоминания о Кавказе и Грузии». «Русский вестник», 1869, № 2, стр. 426.

кровле тифлисского дома; за домом пирамидальные тополя и остроконечный купол грузинской церкви¹.

Но вот кончались и танцы, затихали звуки песен, и Тифлис погружался в сон. Изредка проскачут всадники, залают собаки или проскрипят порожние арбы. Потом умолкало все. Луна наводила черноту теней на окрестные горы, на сонные башни, да Кура крутилась и буйно плескалась у скалистых берегов и мчала мутные воды под высоким мостом².

Даже через четыре года, когда было написано «Свиданье», в памяти Лермонтова все еще были свежи впечатления тех дней, когда, стоя на мосту над Курой, он наблюдал, как утекает вода, как засыпает город, убаяюканный шумом реки.

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханнем
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.

.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелую
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белую
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинную
Тебя узнать нельзя!

Несколько лет назад в художественной галерее г. Иваново была обнаружена картина Лермонтова, написанная маслом с натуры и представляющая собою общий вид Тифлиса из Авлабара — городского пред-

¹ См. нижнюю иллюстрацию на стр. 64.

² См. письмо А. А. Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым из Тифлиса от 3 мая 1834 г. «Русский вестник», 1861, т. 32, стр. 456.

местья, расположенного на левом, высоком берегу Куры¹. Там начиналась слободка Мирзаабат, которая потом называлась «Собачьей». Лермонтов писал картину, установив мольберт на самом краю обрывистого берега, где река делает поворот, чуть выше бани «Гогило». Это нетрудно проверить: стоит только выйти с улицы Шаумяна на берег Куры и, встав на пригорок возле бани «Гогило», сличить репродукцию картины с открывающейся оттуда панорамой. Недалеко от этого места находились выстроенные при Ермолове офицерские казармы, получившие потом название Покровских. Многие офицеры жили около казармы на частных квартирах². Вероятно, Лермонтов побывал у кого-то из живших на Авлабаре военных, его восхитила открывавшаяся оттуда панорама Тифлиса, и в один или в два сеанса (работал он необыкновенно быстро) была закончена одна из его лучших живописных работ.

Вообще эта картина — отличный образец романтической живописи. Справа, на отвесной золотисто-желтой скале, высится Метехский замок. На противоположном берегу, на переднем плане, зеленые кудрявые Орточальские сады, голубовато-зеленая, как стекло, вода бурно огибает пологий берег, на котором изображены две фигурки. В центре картины коричнево-серая остроконечная гора, с которой уступами сбегает старая стена Нарикала. А там, за этой «твердыней старою на сумрачной горе» (она упомянута в стихотворении «Свиданье»), утопающие в прозрачном, напоенном светом воздухе кровли и островерхие купола Тифлиса и, наконец, на заднем плане, трактованная в нежнолиловом цвете, господствующая над городом Мтацминда, на склоне которой, у подножия монастыря св. Давида, находится могила Грибоедова. Это место Грибоедов называл «самой пиетическою принадлежностью Тифлиса» и выражал желание быть похороненным возле стены этого древнего храма.

В бумагах Лермонтова нет записи, которая гово-

¹ См. нижнюю иллюстрацию на стр. 48.

² «О размещении гг. офицеров на Авлабаре» — отношение Х. Х. фон дер Ховена к О. С. Осипову от апреля 1834 г. ЦГИА Грузии, ф. 6, № 4753, л. 21.

рила бы нам о том, что он побывал на могиле Грибоедова. Возможно, что он и писал об этом кому-нибудь, но такое письмо до нас не дошло: из автографов 1837 года сохранилось всего лишь несколько разрозненных листков. Нет также и среди уцелевших рисунков таких, которые подтвердили бы нам, что он побывал в храме св. Давида. Но дошло-то до нас всего четыре рисунка из целой коллекции, остальные безвозвратно пропали.

Впрочем, теперь и без этих прямых доказательств ясно, что Лермонтов побывал, не мог не побывать у могилы, которая была местом паломничества передовых русских людей — и, прежде всего, русских писателей.

Находясь в Тифлисе, на обратном пути из Арзрума, накануне отъезда своего в Россию, Пушкин, как пишет очевидец, посетил еще свежую тогда могилу Грибоедова, «перед коей... преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы»¹.

Это было в августе 1829 года.

Через восемь лет, в феврале 1837 года, Бестужев-Марлинский, получив известие о гибели Пушкина, которое застало его в Тифлисе, на рассвете следующего дня поспешил на гору св. Давида, к могиле Грибоедова, чтобы отслужить панихиду. «Когда священник запел: «за убиенных бояр Александра и Александра», я чуть не задохся от рыданий, — писал Бестужев родным, — этот возглас показался мне не только поминовением, но и предсказанием... Да, я сам предчувствую, что смерть моя будет также насильственна и необычайна, и она не далека от меня»².

Ему почудилось в ту минуту, что, заказав панихиду по Александру Грибоедову и Александру Пушкину, он, Александр Бестужев, отслужил ее и по себе.

Предчувствие не обмануло его. Через три месяца, 7 июня 1837 года, он был изрублен в куски в сражении

¹ Н. Б. Потокский, «Встречи с Александром Сергеевичем Пушкиным в 1829 г.». «Русская старина», 1881, т. 28, стр. 582.

² А. А. Бестужев. «Письма к Павлу Бестужеву из Тифлиса» (письмо от 23 февраля 1837 г.) «Отечественные записки», 1860, кн. 4-я, стр. 71 (оригинал по-французски).

с цебельдинцами у мыса Адлер. Предчувствие его не заключало в себе ничего необычного. Это был почти неизбежный конец для него, писателя-декабриста, которому Николай I «милостиво» продолжил сибирскую ссылку солдатской службой в «теплой Сибири», как называли в ту пору Кавказ ссыльные декабристы.

Через несколько месяцев после гибели Бестужева в Тифлис, проездом из Сибири в Нижегородский драгунский полк, прибыл другой декабрист — поэт Александр Одоевский — и поспешил на могилу Грибоедова. «Одоевского застал я в Тифлисе, — вспоминал декабрист Розен. — Часто он хаживал на могилу своего друга Грибоедова, воспел его память, воспел Грузию звучными стихами...»¹

Через два года, 15 августа 1839 года, не стало и Александра Одоевского. Он погиб в экспедиции на берегу Черного моря от лихорадки, и Лермонтов посвятил ему тогда одно из самых задушевных своих стихотворений.

Когда мы будем говорить о том, что Лермонтов задумал в ту пору роман, который собирался завершить описанием гибели Грибоедова, у нас уже не будет сомнений, что и он стоял возле грибоедовской могилы, размышляя о его трагической судьбе и пробегающая глазами надпись над входом в могильный грот:

«Здесь покоится прах Грибоедова. Супруга его Нина, дочь князя Александра Чавчавадзе, воздвигла над ним этот памятник в 1832 году».

Но Лермонтов погиб, так и не осуществив своего смелого замысла.

Это был неизбежный, неотвратимый конец для него, наследника Пушкина и Грибоедова, преемника мятежных традиций декабристской поэзии.

¹ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб, 1907, стр. 222.

•

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАГАДОЧНАЯ ЗАПИСЬ

В Историческом музее в Москве, в тетради «Черковской библиотеки», на листе 45, имеется запись Лермонтова, содержание которой до последнего времени оставалось невыясненным. Передаю ее в точности, заключая вычеркнутые слова в ломаные скобки.

«Я в Тифлисе у Петр: Г:— ученый татар. Али и Ахмет:—иду за груз. в бани; она делает знак: но мы не входим ибо суббота: выходя она опять делает знак: я рисовал углем на стене для забавы татар и делаю ей черту на спине; следую за ней: она соглашается <....> только чтобы я поклялся сделать что она велит; надо вынести труп. Я выношу и бросаю в Куру. Мне делается дурно. <Я за> меня нашли и отнесли на гауптвахту: Я забыл ее дом наверное. Мы решаемся отыскать; я снял с мертвого кинжал для доказательства. Несем его к Геургу. Он говорит что делал его русскому офицеру. Мы говорим Ахмету чтоб он узнал кого имел етот офицер. Узнают от деньщика что етот офицер долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью; но дочь вышла замуж; а через неделю он пропал: Наконец узнаем за кого ета дочь вышла замуж, находим дом но ее не видать: Ахмет бродит кругом и узнает что муж приехал и кто-то ему сказал что видели как из окошка вылез человек наемни, и

Что муж допрашивал и вся семья. — Раз мы идем по караван-сараяю <ночью> — видим идет мужчина с это[й] женой; они остановились и посмотрели на нас. Мы прошли и видим она показала на меня пальцем, а он кивнул головой; — После ночью <двое> один на меня напали на мосту <но я с> <как> схватили меня и как зовут: я сказал: — он: Я муж такой-то и хотел меня сбросить, но я его предупредил и сбросил»¹.

Запись эта уже семьдесят пять лет перепечатывается во всех полных собраниях сочинений Лермонтова, но только нами была сделана попытка истолковать ее смысл². А то не было выяснено даже, является ли этот набросок автобиографической записью или планом какого-то неосуществленного замысла.

Читая эту запись, мы очень реально представляем себе старый Тбилиси: и Метехский подъем, где находились лавки знаменитых тифлиссских оружейников, «делателей клинков для шашек и кинжалов», и где, следовательно, была лавка оружейника Геурга, и узкий деревянный мост через Куру, возле Метехского замка, и главную гауптвахту на Майдане. Представляем себе и баню с плоской крышей под скалистой горой, и обширный караван-сарай за мостом, возле Метехи, — подворье, вроде пассажа; в нижнем этаже караван-сарая находились лавки и растворы, а наверху жили купцы.

Итак, в этой записи все очень реально. И, тем не менее, нет никаких оснований относить описанные в этом наброске события к самому Лермонтову. В таком случае надо было бы допустить, что, находясь в Тифлисе, он невольно оказался соучастником какого-то таинственного преступления, вынес из бани и бросил в Куру труп русского офицера, а потом, защищаясь от нападения на мосту, сбросил в Куру и другого неизвестного ему человека. Помимо того, что история эта применительно к Лермонтову кажется совершен-

¹ Тетрадь автографов Лермонтова («Чертковской библиотеки») в Рукописном отделении Гос. Исторического музея в Москве, ф. 445, № 227а, л. 45. См. воспроизведение на стр. 225.

² «Красная новь», 1939, № 10—11, стр. 252.

но неправдоподобной, она не могла пройти без последствий для ссыльного офицера. Кроме того, в описи дел «О происшествиях по Грузии за III треть 1837 года» в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР вообще нет ничего похожего на эту историю.

Наоборот, как раз сугубо драматический конец этого приключения — борьба на мосту и гибель противника — заставляет думать, что здесь мы имеем дело с первоначальным планом какого-то произведения, задуманного как повесть от первого лица.

«Я», герой этого наброска, увлеченный женщиной, случайно оказывается в роли свидетеля чужой тайны. Вторгнувшись в чуждый ему уклад жизни, он не понимает законов этой жизни и, спасаясь от гибели, сбрасывает в воду одного из участников этой таинственной истории.

Очевидно, в записи намечен сюжет, использованный потом в «Тамани». Действующие лица этой повести находятся в таких же взаимоотношениях. Недаром и в наброске и в «Тамани» фигурируют старуха с дочерью («офицер долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью»); и в наброске и в «Тамани» в конце появляется человек, за которого эта дочь выходит замуж.

В том, что набросок «Я в Тифлисе...» действительно представляет собою план повести, а не автобиографическую запись, свидетельствует характер поправок в автографе. Излагая ночное столкновение, Лермонтов написал: «ночью двое напали на меня на мосту». Потом исправил: «один». Совершенно ясно, что когда он писал эту фразу, то еще не обдумал, сколько должно быть нападающих. Этого не могло быть, если бы Лермонтов описывал действительный случай.

После слов «напали на меня на мосту» Лермонтов начал: «но я с» (хотел написать: «но я сбросил») и вычеркнул: начал «как» (хотел написать: «как зовут») и снова вычеркнул. Вслед за тем написал, уже не оставившаяся: «схватили меня и как зовут: я сказал: — он: Я муж такой-то и хотел меня сбросить, но я его предупредил и сбросил». Отсюда видно, что Лермон-

тов придумал короткий разговор на мосту, пока писал эту фразу.

В другом месте, после слов: «Мне делается дурно», он начал: «Я забыл ее дом», — написал: «Я за», остановился, переправил «я за» на «меня» и продолжал: «Меня нашли и отнесли на гауптвахту». А затем, снова вернулся к «Я за»: «Я забыл ее дом наверное». Значит, про гауптвахту он раньше не думал, эта важная деталь сюжета пришла ему в голову в процессе писания¹.

В этих «описках» лермонтовского автографа отражен процесс возникновения нового замысла: мы словно видим, «как волнуются в отваге» его мысли, как слова, толпясь и тесня друг друга, торопят перо, и перо иногда забегают вперед, опережая рождение целой фразы. Ни в одном письме Лермонтова мы не встречаем этого, — только в черновиках прозы.

В пользу того, что набросок «Я в Тифлисе» имеет отношение к запискам Печорина, могли бы, пожалуй, послужить доводом и слова Максима Максимыча о том, что месяца через три после смерти Бэлы Печорин был назначен в е...й полк и уехал в Грузию.

Возможно, что Лермонтов собирался начать его записки эпизодом, действие которого происходит в Тифлисе — в татарских банях, в караван-сараях, на мосту возле Метехи, в лавке оружейных дел мастера, в кривых переулках и тупиках восточного города, где, остановившись у своего знакомого, герой встречается с ученым татаринцем Али, случайно знакомится потом с загадочной грузинкой и невольно оказывается втянутым в какую-то таинственную историю. Сохранились свидетельства современников о том, что случай, подобный описанному в повести «Тамань», произошел в Тамани с самим Лермонтовым². Тем больше оснований считать запись «Я в Тифлисе» планом повести, а

¹ Зачеркнутые и исправленные места помог мне прочесть С. М. Бонди.

² М. Цейдлер. «На Кавказе в 1830-х годах». «Русский вестник», 1888, № 9, стр. 139. Ср. С. Н. Мартынов, «История дуэли Н. С. Мартынова с М. Ю. Лермонтовым». «Русское обозрение», 1898, № 1, стр. 317.

не автобиографическим документом. Ведь если Лермонтова приняли за тайного соглядатая в Тамани, вряд ли такая же история могла повториться и в Тифлисе.

В Тамани Лермонтов был раньше, чем в Тифлисе. Очевидно, сюжет, подсказанный ему действительным происшествием в Тамани, стал потом обрастать новыми впечатлениями и превратился в замысел «тифлисской повести», более сложной по фабуле, чем «Тамань». Недаром кажется, что в набросках «Я в Тифлисе» заключен сюжет не одной, а целых двух повестей — и «Тамани» и «Фаталиста». Ведь история убитого офицера — это как бы неблагоприятная судьба Вулича. Такая же история повторяется и с рассказчиком, но из столкновения с теми же людьми он выходит победителем. На таком же противопоставлении судеб двух офицеров — судьбы с концом «плохим» и с концом «хорошим» при одинаковых обстоятельствах — построен и «Фаталист». Вулич, которому предназначено умереть, погибает. Печорин, дерзко испытывающий судьбу, бросается в хату, где заперся убийца Вулича, и, тем не менее, остается жив. И после короткой схватки с ним оказывается победителем. Мне кажется, что из записи «Я в Тифлисе» родились сюжеты обеих повестей — и «Тамани» и «Фаталиста» — и что эта запись представляет собою самый первоначальный план записок Печорина.

Может возникнуть совершенно законный вопрос: почему Лермонтов связал действие «Тамани» и «Фаталиста» с Северным Кавказом?

Да потому, что в обстановке Кавказской войны оба случая становились обыкновенными, с них снимался экзотический колорит.

Сюжет наброска «Я в Тифлисе» с офицером, бросающим в воду по приказанию коварной красавицы труп другого, убитого ею, офицера, с финалом, в котором таинственный преследователь падает с высокого моста в бурную реку, — этот замысел имел больше общего с кавказскими повестями Марлинского и с юношеской прозой самого Лермонтова, чем с будущим журналом Печорина. Работая над «Героем нашего

времени», Лермонтов не только освободил этот первоначальный замысел от густоты романтических красок, но и пересказал это приключение с иронией по адресу романтических повестей. Заменяв столкновение на мосту борьбой в лодке, он подчеркнул необычность этой борьбы иронически: Печорина хочет утопить девушка. Гибель противника и победа офицера оказываются мнимыми: девушка выплывает на берег, а Печорин ограблен. Недаром в «Герое нашего времени» Печорин замечает по адресу Грушницкого, что он из тех людей, «которых просто прекрасное не трогает, и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение»¹. В безлюдном приморском городке «на Линии» приключение офицера, «странствующего с дорожной да еще по казенной надобности», становилось будничным эпизодом кавказской войны, а основной конфликт повести приобретал иной смысл.

Люди, жившие над морским обрывом в Тамани, тайно доставляли оружие горцам. Наблюдательный Печорин казался им опасным врагом, от которого следовало избавиться любой ценою. Лермонтов сумел показать повседневную жизнь этих людей, олицетворенную в типических образах. Получилась повесть, к которой в полной мере можно отнести слова Белинского, сказанные по поводу «Бэлы»: «...чтение прекрасной повести г. Лермонтова может быть полезно еще и как противоядие чтению повестей Марлинского»².

Но существовала, очевидно, еще и другая причина, которая побудила Лермонтова вернуться в «Тамани» к обстановке, связанной с истинным происшествием. В письме к Святославу Раевскому, написанном уже по возвращении с Кавказа в Петербург, летом 1838 года, Лермонтов объяснил причину, заставившую его отказаться от мысли продолжать работу над «Княги-

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 242.

² В. Г. Белинский, «Литературная хроника». «Московский наблюдатель», 1839, II, № 4, отд. 4, стр. 131.

ней Лиговской». «Роман, который мы с тобой начали, затянулся, — писал Лермонтов, — и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины»¹.

Эти слова часто цитируются как неоспоримое указание самого Лермонтова, что первый — петербургский — роман о Печорине «Княгиня Лиговская» был задуман им вместе с Раевским. Но почему-то никогда не обращают при этом внимания на продолжение фразы, заключающей важнейшее высказывание Лермонтова о своем творческом методе. А между тем, совершенно ясно, что в пору, когда вынашивался замысел «Героя нашего времени», Лермонтов отчетливо сознавал, что художественная истина неотъемлема для него от жизненных обстоятельств, составлявших основу его романа.

Вот почему действие «Тамани» оказалось связанным с Таманью, а не с Тифлисом. Вот почему на материале «тифлисского сюжета» через несколько лет возникло стихотворение «Свиданье». В обоих случаях Лермонтов не захотел отступить от «истины» — обстоятельств, с которыми были связаны замыслы этих произведений.

ОРИГИНАЛ И ПОРТРЕТ

Но если запись «Я в Тифлисе» — план повести, то кого же имеет в виду Лермонтов в первой строке? Кто эти «Петр:», «Г:», «ученый татар. Али», Ахмет, Геург, который делал кинжал убитому офицеру? Почему имена их обозначены сокращенно?

Нет сомнения, что эти имена Лермонтов зашифровал по тем же причинам, по которым не назвал тифлисских знакомых в письме к Раевскому. В наброске записаны реальные имена: это тифлисские знакомые Лермонтова, прототипы будущей повести. Даже и то немногое, что мы знаем о творческой истории «Героя

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 397.

нашего времени», позволяет нам высказать это с полной уверенностью.

Мы знаем, например, что летние месяцы 1837 года Лермонтов, в ожидании военной экспедиции, проводил в Пятигорске, где в ту пору находились Белинский и Сатин. Годом позже на Минеральных водах лечился Н. П. Огарев. «Бывшие там, — писал Белинский об изображенных в «Княжне Мери» посетителях кавказских вод, — удивляются непостижимой верности, с какою обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности»¹.

«Те, которые были в Пятигорске в 1837 году, — подтверждает Сатин, — вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера»².

Не только Сатин: Огарев, Миклашевский, Торнау, декабристы Розен и Лорер, встречавшие на Кавказе доктора Майера, отмечают высокое искусство, с каким воспроизвел Лермонтов в «Герое нашего времени» черты и характер доктора Майера в образе доктора Вернера.

«Его некрасивое лицо было невыразимо привлекательно, — писал о Майере Огарев. — Волосы, стриженные под гребенку, голова широкая, так что лоб составлял тупой угол, небольшие глубокие глаза, бледный цвет лица, толстые губы, мундирный сюртук на дурно сложенном теле, одна нога короче другой, что заставляло его носить один сапог на толстой пробке и хромать... кажется, все это очень некрасиво, а между тем нельзя было не любить этого лица. Толстые губы дышали добротой, глубокие карие глаза смотрели живо и умно, но в них скоро можно было отыскать след той внутренней человеческой печали, которая не отталкивает, а привязывает к человеку; широкий лоб склонялся задумчиво; хромая походка

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, редакция и примечания В. С. Спиридонова, т. XIII. Л., Гослитиздат, 1948, стр. 50.

² «Из воспоминаний Н. М. Сатина», с предисловием Е. С. Некрасовой. «Почин» — сборник Общества любителей русской словесности на 1895 г., стр. 239.

придавала всему человеку особенность, с которою глаз не только свыкался, но дружился»¹.

Неправильные черты лица, «огромную угловатую голову, на которой волосы стриг под гребенку», хромоту, худощавость и небольшой рост Майера отмечает и Филипсон, рассказывая об этой личности, «далеко выступающей из толпы». Он встречал Майера в Ставрополе, в обществе декабристов, которых пересылали из Сибири в войска Кавказского корпуса. «В его добрых и светлых глазах было столько симпатичного, — говорит Филипсон, — в его разговоре было столько ума и души, что становится понятным сильное и глубокое чувство, которое он внушал к себе некоторым замечательным женщинам»².

Эти мемуарные характеристики можно дополнить репродукцией с автопортрета Николая Васильевича Майера, предоставленного мне его правнуком — профессором Горьковского государственного университета А. Г. Майером, и сравнить словесное и графическое изображение друга Лермонтова с описанием доктора Вернера в «Герое нашего времени»³.

«Его наружность была из тех, — читаем мы в дневнике Печорина, — которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой... Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов. Надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной; оттого-то, может быть, люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин».

«Вернер был мал ростом, и худ и слаб, как ребенок, — продолжает Лермонтов, — одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна; он стриг воло-

¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, [М.], Госполитиздат, 1952, стр. 403.

² «Воспоминания Григория Ивановича Филипсона». М., 1885, стр. 106—107.

³ См. иллюстрацию на стр. 97.

сы под гребенку, и неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей. Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли. В его одежде заметны были вкус и опрятность; его худощавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сюртук, галстук и жилет были постоянно черного цвета».

Кроме глаз Вернера, которым Лермонтов сообщил черный цвет, в остальных деталях его наружность совершенно совпадает с автопортретом Майера и впечатлениями очевидцев. Но за этими внешними чертами под пером Лермонтова возникает характеристика еще более тонкая и глубокая, чем у Огарева, и уже обобщенная, позволяющая Лермонтову говорить не об одном человеке, но о «людях, подобных Вернеру».

Лермонтов не ограничился описанием внешности Майера, позволяющей угадывать за нею и духовный облик этого человека. Хоть и глухо, он все же упомянул о том, что в его собственных глазах возвышалось доктора Майера больше всего, — о дружбе его с декабристами. «Его приятели, — написал Лермонтов о людях, составлявших окружение доктора Вернера, — то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе». А несколькими строками ниже в дневник Печорина сказано: «Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи».

Известно, — об этом писал еще П. А. Висковатов, — что под «истинно порядочными людьми», жившими в С., Лермонтов разумел декабристов, живших в Ставрополе.

Но стоит только сопоставить эту фформулу с фразой из письма Лермонтова: «В Тифлисе есть люди очень порядочные», чтобы еще раз убедиться в многозначительности этой фразы и важности заключенного в ней смысла.

Конечно, в образе доктора Вернера интересно не то, что он похож на ставропольского врача 30-х годов прошлого века. Важнее другое: Лермонтов создал обобщенный образ скептика и материалиста. И, тем

не менее, говоря о творческом методе Лермонтова, мы не можем не отметить, что типизировал он образ человека реально существовавшего: проводя характер сквозь сюжет, он «наращивал» его, сообщал ему новые черты, представлявшие органическое его продолжение, показывал характер в развитии, обобщал.

Хотя в предисловии ко второму изданию «Героя нашего времени» Лермонтов счел нужным возразить тем читателям и журналам, которые увидели в романе портрет автора и портреты его знакомых, однако сделал он это для того, чтобы избежать новых упреков «в покушении на оскорбление личности» со стороны людей, узнавших себя в романе, а, прежде всего, конечно, потому, что после рецензии мракобеса Бурачка ему было важно отвести от себя политические обвинения, предъявленные реакционной критикой «безнравственному» Печорину. Как мы видели на примере с доктором Майером, читатели «Княжны Мери» имели все основания отыскивать в персонажах повести сходство их с реальными прототипами. Впрочем, это касается не одной «Княжны Мери».

Офицер М. И. Цейдлер, тот самый, которому посвящен чудесный лермонтовский экспромт «Русский немец белокурый едет в дальнюю страну...», был в 1838 году командирован на Кавказ и побывал в Тамани. Полвека спустя он описал свое путешествие в очерке «На Кавказе в 1830-х годах», в котором упомянул и о соседях своих, живших в маленьком домике на обрывистом морском берегу. Восторженно рассказывает он о красоте молодой своей соседки, описывая ее «античный профиль, большие голубые, с черными ресницами глаза, роскошные косы», спадавшие на плечи из-под черной бархатной шапочки. Одета была красавица в шелковый татарский бешмет и в широкие шелковые шальвары. «Вообще вся она была изяшна, — пишет Цейдлер, — лицо ее выражало затаенную грусть».

Другой сосед был мальчик с бельмами на глазах, в сермяге, босой, без шапки. «Лицо его выражало сметливость, лукавство и смелость, — говорит о нем Цейдлер. — Несмотря на бельма, ходил он бойко по

у тесистому берегу». Из расспросов заинтересовавшийся офицер выяснил, что красавица была женой старого крымского татарина, золотых дел мастера, который торговал оружием; сам он не жил в Тамани, а только приезжал туда по делам.

«Сходство моего описания с поэтическим рассказом о Тамани в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, — замечает в заключение Цейдлер, — заставляет меня сделать оговорку: по всей вероятности, мне суждено было жить в том же домике, где жил и он; тот же слепой мальчик и загадочный татарин послужили сюжетом к его повести. Мне даже помнится, что, когда я, возвратясь, рассказывал в кругу товарищей о моем увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертил на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вел речь»¹.

Впечатления Цейдлера записаны в 1880-х годах: рассказ его мог испытать на себе влияние лермонтовской «Тамани». Но помимо того, что краеведы уже установили, что над обрывом в Тамани стояла хата казака Федора Мисника, дочь которого в 1830-х годах действительно вышла замуж за татарина², имеется еще одно, весьма убедительное подтверждение не только правдивости, но и, очевидно, большой точности цейдлеровского рассказа.

В 1919 году в Уфе, среди остатков разгромленного и брошенного белогвардейцами имущества, был подобран рисунок, изображавший скалистый берег, на берегу — белую мазанку, а в море — небольшой кораблик и накренившийся парус рыбацкой лодки. В углу рисунка стояла подпись: «Рисовал М. Лермонтов»³. Очевидно, это и есть тот рисунок, который Лермонтов набросал во время беседы с Цейдлером.

Словом, персонажи лермонтовской прозы сохра-

¹ М. Ц[ейдле]р, «На Кавказе в 1830-х годах». «Русский вестник», 1888, № 9, стр. 139.

² В. В. Соколов, «Лермонтов и Тамань». «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1928, II, стр. 127—128; Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 86—87.

³ См. верхнюю иллюстрацию на стр. 96.

няют сходство со своими реальными прототипами. Здесь уместно вспомнить, что и Пушкин, записывая первоначальные планы своих будущих сочинений в прозе, также вносил в них подлинные имена тех лиц, судьбы или характеры которых должны были послужит для него исходным материалом в развитии замысла. Не говоря уже о начальном плане «Дубровского», где стоит подлинная фамилия белорусского дворянина Островского, или о «Капитанской дочке», в планах которой будущий Швабрин носит имя исторического лица — подпоручика Шванвича, перешедшего из императорской гвардии в штаб Пугачева, вспомним «Роман на Кавказских водах». Среди будущих персонажей мы встречаем декабриста Якубовича (который впоследствии получает имя «Кубович»), представительниц московской знати М. И. Римскую-Корсакову и ее дочь — Алину, пятигорскую генеральшу Мерлину и других. А в плане романа, условно названного исследователями «Русский Пелам», под собственными, невымышленными именами проходит уже целая галерея реальных исторических лиц. Вот один из первоначальных планов «Русского Пелама»:

«Характеры. Отец и его любовница. — (Дв. брат) В (.) Фрол — Фед. Орлов. — Ал. Орлов. — Кочубей, дочь его; кн. Шаховской, Ежова, — Истомина, Грибоедов, Завадовский — Дом Всеволожских — Котляревский — Мордвинов и его общество — Хрущев — Общество *умных* (И. Долгорукий, С. Трубецкой, Никита Муравьев etc.)... Похороны отца etc. Привычка к роскоши. Обеды, литераторы — Ив. Козлов»¹.

Рядом с именами литераторов — Шаховского, Грибоедова, Ивана Козлова, танцовщицы Истоминой, приятеля Грибоедова — графа А. П. Завадовского, председателя комитета министров князя В. П. Кочубея и дочери его Натальи Викторовны (к ней обращены лицейские послания Пушкина), игрока и кутилы Ф. Ф. Орлова, Пушкин упоминает «Дом Всеволож-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8, полутом 2. М., Издательство Академии наук СССР, 1940, стр. 974.

ского», где встречались члены «Зеленой лампы», и собрания декабристского «Союза Благоденствия» на квартире Ильи Долгорукова.

Итак, сохранение в начальных планах подлинных имен знакомых — прототипов будущего повествования — способ, характерный не только для Лермонтова, но и для Пушкина.

В отношении Лермонтова эту манеру — «писать с натуры» — можно продемонстрировать еще раз — и, пожалуй, наиболее убедительно — на рукописи «Фаталиста». Выясняется, что не только в первоначальных набросках, но и в процессе работы над вещью Лермонтов сохранял реальные имена.

Филипсон, из воспоминаний которого мы приводили характеристику доктора Майера, описывает в другом месте своего товарища по Военной академии, поручика лейб-гвардии Конного полка, прикомандированного к Гвардейскому генеральному штабу, — Ивана Васильевича Вуича. «Вуич был идеальный юноша, — пишет о нем Филипсон. — Красавец, строго греческого или сербского типа, с изящными светскими манерами, умный, скромный, добрый и услужливый — Вуич был такою личностью, которой нельзя было не заметить»¹.

«Он был родом серб, как видно было из его имени, — пишет Лермонтов в «Фаталисте». — Наружность поручика Вуича отвечала вполне его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные пронизательные глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его, — все это будто согласовалось для того, чтоб придать ему вид существа особенного...»²

В черновике «Фаталиста» Лермонтов так и пишет: «Вуич». Фамилия Вулич появляется уже в белой рукописи. Вряд ли можно сомневаться после этого, что Филипсон и Лермонтов имели в виду одного чело-

¹ «Воспоминания Григория Ивановича Филипсона». М., 1885, стр. 85.

² Автограф в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Мирза Фатали Ахундов.

И. В. Вунч.

века. Если же при этом взглянуть в портрет поручика Вуича, обнаруженный нами в Ленинграде, в Артиллерийском музее, это становится очевидным¹.

Таким образом, выяснив, что Лермонтов сохранял даже в рукописях своих подлинные фамилии прототипов, мы вправе видеть в беглой записи «Я в Тифлисе» реальные имена лермонтовских знакомых.

И в самом деле, нетрудно установить, что Геург, о котором говорит в своем наброске Лермонтов, — человек, существовавший в действительности: тифлисский оружейный мастер Геург, или Георг (а правильное всего — Геворк), армянин по национальности, который «имел от правительства привилегию» и славился изготовлением клинков «превосходного булата и отличной закалки, не уступавших дамасским»². Имя этого Геурга Лермонтов повторяет в черновиках стихотворения «Поэт»:

В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
Геурга старого изделие.
Булат его хранит таинственный закал,
Для нас давно утраченное зелье.

Исходя из этого, надо попытаться расшифровать имена в «тифлисской записи» и расширить наши представления о закавказских связях Лермонтова.

ЗАШИФРОВАННЫЕ ИМЕНА

Прежде всего: кто такой «Петр:»?

Биограф Лермонтова В. А. Мануйлов убежден, что это Павел Иванович Петров, генерал-майор, начальник штаба войск на Кавказской линии и в Черномории. «Он приходился Лермонтову свойственником, — пишет Мануйлов, — его покойная жена Анна Акимовна Хастатова была двоюродной теткой поэта. Лермонтов останавливался у него в Ставрополе. В Тифлисе

¹ См. иллюстрацию на стр. 129.

² «Письма Х... Ш... к Ф. Булгарину, или поездка на Кавказ». «Северный архив», 1828, ч. 10-я, стр. 233.

Петров по службе бывал часто, и Лермонтов мог воспользоваться его гостеприимством и в Тифлисе»¹.

До нас дошло письмо Лермонтова к Петрову. До нас дошла картина Лермонтова, подаренная им Петрову. Дошли стихи Лермонтова, посвященные сыну Петрова, и заметка этого сына о том, как, находясь в Ставрополе, Лермонтов ежедневно навещал П. И. Петрова. Но о том, что Лермонтов жил у Петрова в Тифлисе, до нас не дошло ничего. О том, что Петров по делам службы осенью 1837 года находился в Тифлисе, — об этом тоже не имеется никаких решительно сведений. Известно, что царя в Тифлис Петров не сопровождал. Следовательно, в середине октября 1837 года он встречал царя в Ставрополе и никуда отлучиться не мог. Так что ездить в это время по делам службы в Тифлис ему было, пожалуй, незачем². Кроме того, фраза: «Я в Тифлисе у Петр:» отнюдь не обозначает, что Лермонтов останавливался у Петрова и пользовался его гостеприимством. Остановиться он мог и в другом месте. Тем более сложно было ему воспользоваться гостеприимством ставропольского генерала Петрова и остановиться у него, тогда как он, если бы даже и приезжал на несколько дней в Тифлис, должен был сам останавливаться у кого-то другого... «Это была личность довольно ничтожная, несимпатичная и с дурной славою, — писал о Павле Ивановиче Петрове один из его сослуживцев. — На дела, и в особенности военные, он не имел никакого влияния. Вельяминов его не жаловал. Петров почти ничего не делал и только щеголял мундиром генерального штаба, который не имел права носить»³.

¹ В. А. Мануйлов, «М. Ю. Лермонтов и его запись сказки «Ашик-Кериб». Сборник «Ашик-Кериб». Л., 1941, стр. 24.

² А. П. Берже, «Николай I на Кавказе в 1837 году». «Русская старина», 1884, № 8, стр. 381; Статья Б. Гарского (Б. Л. Модзалевского) в «Русском биографическом словаре» — «Петров Павел Иванович». Ср. письмо Лермонтова к Петрову (Лермонтов, т. V, стр. 384) и заметку И. Власова «Лермонтов в семье П. И. Петрова» («Литературный сборник». Кострома, 1938, стр. 3 — 10).

³ «Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона». М., 1885, стр. 92.

Если уж высказывать гипотезы, то для этого необходимо, чтобы речь шла о человеке, которого Лермонтов действительно мог встретить в Тифлисе.

Нам точно известно, что в это время в Тифлисе находился другой Петров — не Павел Иванович, а Павел Ефимович Петров 4-й, дежурный штаб-офицер штаба Отдельного Кавказского корпуса, «начавший долговременную службу свою с юнкерского чина в Закавказском крае» и прослуживший в Тифлисе «до самой смерти»¹.

Этого Петрова Лермонтов скорее мог подразумевать в своей записи. И вот почему:

Если «Петр:» — начальник штаба на «Линии», генерал-майор Петров, «любезный дядюшка», который покровительствует Лермонтову, то для чего Лермонтову сокращать его имя?

Если же «Петр:» — это кавказский офицер, с которым Лермонтов впервые встретился в Грузии, то умолчание становится более понятным: имена новых знакомцев он не называет умышленно.

Если «Петр:» — начальник, прибывший на несколько дней из Ставрополя, то в какой связи с ним Лермонтов упоминает и ученого татарина Али, и Ахмета, и оружейного мастера Геурга? И почему в наброске «Я в Тифлисе» все время пишет «мы»: «мы решаемся отыскать», «несем», «мы говорим Ахмету», «узнаем», «находим дом», «мы идем по караван-сараяу — видим», «он посмотрел на нас», «мы прошли и видим», а потом: «она показала на *меня* пальцем».

Кто это «мы»? Рассказчик и действующее лицо, прототипом которого был генерал-майор из Ставрополя? Вряд ли!

Но если «Петр:» — офицер, проведенный полжизни в Грузии, «старый кавказец», то тогда все становится сразу понятным: Лермонтов встречался у него с местными жителями — с ученым Али и с Ахметом, он водил поэта к старому оружейному мастеру, показывая ему достопримечательности Старого города. Та-

¹ «Кавказ», 1846, № 19, стр. 4. (Пав. Ефим. Петров умер в чине полковника, а в 1837 году был подполковником).

кой офицер скорее мог послужить прототипом для будущей повести Лермонтова и получить в ней заметную роль, чем ставропольский генерал, муж тетки. «Старый кавказец», служивший в Грузии еще во времена Ермолова (а иначе быть не могло, если Петров начал службу в Закавказье в юнкерском чине), — такой офицер мог рассказать и показать Лермонтову много для него интересного. Весь вопрос в том: встречался ли Лермонтов с ним?

На этот вопрос можно ответить почти с полной уверенностью: встречался. Должен был встретиться!

К нему, дежурному офицеру штаба, Лермонтов и должен был явиться с предписанием отправиться дальше в полк и с подорожной, выписанной ему до Тифлиса.

Этого мало, — Петров служил при начальнике штаба Вольховском. С Вольховским же, как мы знаем, Лермонтов познакомился летом 1837 года на Северном Кавказе, еще до приезда в Тифлис, и знаем, что Вольховский, по просьбе Философова, ему протезировал. Поэтому надо думать: Вольховский просто поручил ссыльного поэта заботам дежурного офицера.

«Прописное «Г» расшифровывается как Геург», — заявляет В. А. Мануйлов¹. Он не объясняет при этом, зачем было Лермонтову сокращать имя Геурга, когда дальше в этой же записи имя его названо полностью.

Совершенно ясно, что за буквою «Г» скрыто имя другого лица.

Попробуем назвать его.

Это Франц Петрович Герарди, штаб-лекарь Тифлисского военного госпиталя, занимавший в ту пору должность старшего медика войск, расположенных в Грузии.

«Увлечшись романтическим представлением о Кавказе» (так именно и сказано о нем в «Русском биографическом словаре»), он в 1818 году, по собственной просьбе, был определен на Кавказ младшим лекарем в Ширванский пехотный полк. Потом переве-

¹ В. А. Мануйлов, «М. Ю. Лермонтов и его запись сказки «Ашик-Кериб». Сборник «Ашик-Кериб». Л., 1941, стр. 24.

ден штаб-лекарем в Навагинский пехотный. Оба полка принимали участие в жарких делах против горцев.

В конце 1820-х годов Герарди перешел на службу в Тифлисский военный госпиталь и остальные тридцать лет своей жизни прожил в Тифлисе¹. Разумеется, весь город знал старшего лекаря, так же как и он, конечно, знал в Тифлисе решительно всех. Такой человек должен был являться украшением небольшого кружка русских офицеров, которых судьба на долгие годы свела за Кавказом.

Жил Герарди в предместье Навтлуги. Один современник пишет, что по приезде в Тифлис в 1828 году тотчас отправился в «старшему лекарю Г., жившему в военном госпитале в Атлуге»².

28 ноября 1837 года Герарди был уволен в отпуск в Воронежскую губернию и, следовательно, выехал из Тифлиса в Россию в те же дни, что и Лермонтов³.

Я не берусь доказать, что Лермонтов знал Герарди. Для этого недостаточно данных. Но надо вспомнить, что в очерке «Кавказец» сказано, что настоящего кавказца из статских можно встретить в Грузии только между полковых медиков⁴ и что Лермонтов не мог бы написать этого, если бы не встречал в Грузии настоящих кавказцев именно из этой среды. Когда мы будем говорить о намерении Лермонтова писать роман о кавказской войне «с Тифлисом при Ермолове», окончательно станет ясным, что Лермонтов встречался в Тифлисе со старыми кавказцами, служившими еще в ермоловские времена.

И, право, нет ничего невозможного в предположении, что в доме старого кавказца Петрова 4-го Лермонтов встретил военного лекаря Герарди и «ученого

¹ «Протоколы заседаний Общества русских врачей в С.-Петербурге, 1857—1858 года», год 24-й, № 8, стр. 205—207. Ср. «Русский биографический словарь», т. Гаак — Гербель, стр. 466.

² «Из воспоминаний и впечатлений покойника». «Библиотека для чтения», 1848, т. 86, отд. III, стр. 47.

³ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 548, оп. 2, № 104 — Приказы по Отдельному Кавказскому корпусу, № 100, стр. 260—261.

⁴ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 322.

татарина Али», который, как мы увидим, был сослуживцем Петрова.

Впрочем, прежде надо сказать несколько слов о сказке «Ашик-Кериб».

СКАЗКА ПРО АШИК-КЕРИБА

После смерти Лермонтова среди его бумаг, оставшихся в Петербурге, была обнаружена сказка про странствующего певца Ашик-Кериба. В 1846 она появилась в литературном альманахе В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня», под заглавием: «Ашик Кериб. Турецкая сказка».

В продолжении девяноста лет рукопись, которой располагал Соллогуб, оставалась неизвестной исследователям и сказка воспроизводилась во всех изданиях по тексту альманаха «Вчера и сегодня».

В 1936 году автограф Лермонтова поступил из частного собрания А. С. Голицыной в Институт мировой литературы им. А. М. Горького (ныне он передан в Пушкинский дом Академии наук СССР) и стал, наконец, доступен для изучения.

Но займемся пока изучением самой сказки.

В 1892 году, почти полвека спустя после опубликования сказки Лермонтова, учитель Махмудбеков записал в Азербайджане, в районе Шемахи, со слов народного певца Оруджа историю странствий Ашик-Кериба¹. После этого стало ясным, что лермонтовский текст очень близок к азербайджанской народной сказке.

Уже в наше время азербайджанский исследователь М. Рафили обратил внимание на то, что в тексте своего «Ашик-Кериба» Лермонтов сохранил азербайджанские слова, в скобках пояснив их значение: ага (господин), ана (мать), оглан (юноша), рашид (храбрый),

¹ Махмудбеков, учитель Кельвинского земского училища, «Ашик-Кериб». Сказка с приложением татарского текста песни «Ашик-Кериба». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII. Тифлис, 1892, стр. 173 — 229.

сааз (балалайка), гёрурсез (узнаете), мисирское (т. е. египетское) вино, — а в наименовании Тифлиса воспроизвел азербайджанское произношение: Тифлиз¹. «Ашик» по-азербайджански значит «влюбленный», в переносном смысле: «певец», «поэт», а «кериб» значит «странник», «скиталец», «бедняк». Но в то же время это и собственное имя. На этой игре слов построен разговор Ашик-Кериба со слепой матерью: он называет ей свое имя, а она думает, что у нее просят ночлега странник.

Тюрколог М. С. Михайлов в специальной статье «К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтова «татарским» языком» тоже приходит к выводу, что все восточные слова, встречающиеся в сказке «Ашик-Кериб», «могут быть отнесены к азербайджанскому языку», а форма слова «гёрурсез» (точнее «гёрюрсюз») наблюдается только в диалектах Азербайджана².

Итак, нет никаких сомнений, что сказку эту Лермонтов слышал из уст азербайджанца (в ту пору их называли «закавказскими татарами»).

За последние пятнадцать лет исследователи уделили немало внимания сказке «Ашик-Кериб». Появились работы Л. П. Семенова, М. Рафили, В. А. Мануйлова, И. К. Ениколопова, С. А. Андреева-Кривича, М. С. Михайлова, А. В. Попова. В этих работах лермонтовский текст рассматривается в связи с фольклором народов Закавказья и прежде всего, конечно, с азербайджанским «Ашик-Керибом»³.

¹ М. Рафили, «Лермонтов и азербайджанская литература». «Бакинский рабочий», 1939, № 237.

² М. С. Михайлов, «К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтова «татарским» языком». «Тюркологический сборник» 1. М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1951, стр. 127—135.

³ Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 81—82; И. Андроников. «Лермонтов в Грузии». «Красная новь», 1939, № 10—11, стр. 254; М. Рафили, «Лермонтов и азербайджанская литература». «Бакинский рабочий», 1939, № 237; В. А. Мануйлов, «Лермонтов и его запись сказки об Ашик-Керибе». В сборнике «Ашик-Кериб», Л., 1941; И. К. Ениколопов, «К сказке «Ашик-Кериб» Лермонтова». В книге: М. Ю. Лермонтов. Ашик-Кериб. Турецкая сказка. Тбилиси, 1941, стр. 11—17; Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, стр. 75—78; С. А. Андреев-Кривич, «Кабар-

Но первый, кто обратил внимание на близость лермонтовского текста к азербайджанской народной сказке, был учитель А. Богоявленский, писавший еще в 1892 году о шемахинской сказке, опубликованной учителем Махмудбековым: «Справедливо сказать, что она отчасти известна уже русской читающей публике по пересказу ее, сделанному покойным поэтом М. Ю. Лермонтовым»¹.

Это очень точное замечание. Действительно, по лермонтовскому пересказу читатели знали эту сказку только отчасти, ибо лермонтовское изложение значительно отличается от текста сказки, записанной в Шемахинском районе.

Прежде всего лермонтовская сказка гораздо короче шемахинского варианта. В шемахинском варианте повествовательная форма чередуется с поэтическими импровизациями и включает в себе 87 песен. Ашик-Кериб поет, приближаясь к Тифлису, поет, покидая Тифлис, поет, прощаясь с матерью и сестрой, поет, прощаясь с возлюбленной. И возлюбленная, и мать, и сестра отвечают ему песнями.

«Если господь продлит мою жизнь, — поет Кериб, — не плачь, возлюбленная! — я приду. Если предназначенный мне смертный час повременит, — не плачь, возлюбленная! — я приду».

«Чужеземец (Кериб) проживает на чужбине, — отвечает ему Шах-Санам. — Дикий олень остается в

дино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова». «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. I. Нальчик, 1946, стр. 269—275. Ираклий Андроников. Лермонтов. Новые разыскания. М., 1948, стр. 145—146; А. В. Попов. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь. 1949, стр. 70—79; Ираклий Андроников. Лермонтов. М., 1951, стр. 221—237; Ираклий Андроников, «Лермонтов и его сказка «Ашик-Кериб». «Пионер», 1951, № 7, стр. 38—43; М. С. Михайлов. «К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтова «татарским» языком». «Тюркологический сборник» 1, 1951, стр. 127—135; С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, стр. 97—117; А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 89—97.

¹ А. Богоявленский, предисловие к XIII выпуску «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», стр. XXIV.

полях. Ты уходишь, а я буду терпеливо ждать тебя. Отправляйся, мой Кериб, и возвратись благополучно!»

«О, розолицая Санам! — поет мать. — Плачь, Санам! Умер Кериб, больше не придет... Кериб, над горем которого дни и ночи горела я, умер, больше не придет...»

Всех этих лирических отступлений в сказке Лермонтова нет.

Совершенно иное, чем у Лермонтова, и начало народной сказки, в котором сообщается история того, как собственно Ашик-Кериб стал ашиком. Действие ее начинается не в Тифлисе, а в Тавризе. Сын богатого купца Расул промотал в короткий срок все наследство и решает пойти в обучение к ашикам. Те прогоняют его — у юноши нет музыкальных способностей. И вот во сне является ему пророк Хидир-Ильяс, покровитель ашиков; и говорит: «Отныне ты ашик и должен называться Керибом (чужеземцем)». И он показывает ему во сне образ его будущей возлюбленной — голубоглазой красавицы Шах-Санам, дочери Бахрам-бека тифлисского, назначенной ашику предопределением.

Взяв с собой мать и сестру, Ашик-Кериб отправляется с попутным караваном в Тифлис. Долго бродят они в Тифлисе в поисках пристанища, пока богатый купец не соглашается приютить их. Это оказывается Бахрам-бек, отец красавицы Шах-Санам, предназначенной ашику волей пророка. Он приводит странников в свой дом. Шах-Санам сквозь дверную щель видит Ашик-Кериба и узнает в нем того юношу, которого показал ей во сне Хадир-Ильяс.

С тех пор, поселившись возле дома Бахрам-бека, Ашик-Кериб каждый день начинает встречаться в саду с Шах-Санам, а купцу и в голову не приходит, что его дочь — невеста богатого и знатного Шах-Веледа — могла полюбить бесприютного странника.

Ашик посылает мать сватать Шах-Санам, но купец требует большого калыма. Тогда Ашик-Кериб дает зарок семь лет странствовать по свету и заработать деньги в далеких странах¹.

¹ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, стр. 173 — 192.

Всех этих событий, занимающих двадцать страниц, в сказке Лермонтова нет. Действие ее начинается прямо в Тифлисе. Бедняк Ашик-Кериб встретил Магуль-Мегери на одной свадьбе и полюбил ее. Девушка советует ему просить у отца ее руки, но Кериб сообщает ей о своем намерении семь лет странствовать по свету, чтобы нажить состояние или погибнуть: «кто знает, — говорит он, — что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан»¹.

Далее в сказке Лермонтова в основном сохраняется та же последовательность, что и в шемахинском варианте, но целый ряд эпизодов передан в ней по-другому. В лермонтовской сказке соперник Кериба — Куршуд-бек — крадет его одежду в то время, когда ашик вплавь переправляется через реку, а прискакав в Тифлис, несет платье к его матери и говорит, что ее сын утонул. В шемахинском варианте Ашик-Кериб встречает в Алеппо соперника своего Шах-Веледа и просит его отвезти в Тифлис письмо к родным. Шах-Велед поручает своему слуге Кель-Оглану убить зайца, смочить в его крови рубаху и сказать матери Ашик-Кериба, что ее сына убили дорогой разбойники.

В сказке Лермонтова нет состязания ашиков, нет тех вопросов, которые предлагает разгадать им Ашик-Кериб, нет у него соперницы Шах-Санам — юной Агджа-кыз, которая тайно любит Кериба. Отсутствуют и другие подробности. Вполне совпадает у Лермонтова с известным нам шемахинским вариантом только один эпизод — возвращение Ашик-Кериба в Тифлис, от встречи с чудесным всадником до разговора со слепой матерью.

Не совпадают в сказках и имена. В шемахинском варианте возлюбленную Ашик-Кериба зовут Шах-Санам, у Лермонтова — Магуль-Мегери. В шемахинской сказке соперник носит имя Шах-Велед, у Лермонтова — Куршуд-бек. В шемахинской версии отец — Бахрам-бек, у Лермонтова — Аяк-ага. В шемахинской сказке подлинное имя Ашик-Кериба — Расул, у Лер-

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 177 — 178.

монтова — Рашид. «Как тебя зовут?» — спрашивает Ашик-Кериба ослепшая мать. «Рашид», — отвечает он, называя свое подлинное имя. Но старуха воспринимает его в его нарицательном значении: «храбрый»¹.

Все эти имена Лермонтов, конечно, не сочинил: этими именами назывались персонажи той сказки, которую Лермонтов слышал и записал. Следовательно, ему был известен другой вариант народной сказки, не тот, который был записан в шемахинском районе в 1892 году. Какой же вариант слышал Лермонтов?

В 1911 году выходящая в Елизаветполе (нынешнем Кировабаде) газета «Южный Кавказ» поместила начало сказки про Ашик-Кериба — «вольную переделку любимой песни ашиков, записанной в Шемахинском уезде». Но оказывается, что эта публикация представляет собой пересказ все того же, известного нам шемахинского варианта².

Имеется третья запись народной сказки про Ашик-Кериба, напечатанная в «Антологии азербайджанской поэзии». Но и в этом, сокращенном варианте фабула совершенно совпадает с известной нам сказкой, а действующие лица носят те же самые имена — Ашуг, Гариб, Шах-Сенем, Шах-Велед, Гюль-Оглан³. Заметим, кстати, что весьма распространенная в Турции повесть о «всеизвестном и знаменитом Ашик-Гарибе» ни по сюжету, ни по именам персонажей (исключая самого «Кериба») с лермонтовской сказкой не совпадает⁴.

Между тем не может быть никаких сомнений, что Лермонтов, записав слышанную им сказку, только бережно отредактировал ее, а кое-где даже оставил неисправленными некоторые сюжетные несоответствия и шероховатости. Так, например, он пишет по-разному: «Кариб», «Кериб» и «Керим». «Хадерилиаз», «Хаде-

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 178.

² «Южный Кавказ», 1911, №№ 26, 27 и 30.

³ «Антология азербайджанской поэзии». Редактор В. Луговой. Баку, 1938, стр. 346—349.

⁴ «Геватур илэ мешгур вэ араф олан Чашик-Гариб хикий-еси». Константинополь. 1880, С текстом этой книги меня познакомил В. И. Аристова.

рилиаз» и «Хадрилиаз», «Арзерум» и «Арзрум», «шинды-гёрурсез» и «шинди-гёрузез». Слово «сааз» у него то мужского, то женского рода: «его сладкозвучный сааз», «моя семиструнная сааз», то есть как слышал так и записал, а потом не мог самостоятельно решить, какую предпочесть форму. Не объяснено, на каком основании Ашик-Кериб объявляет себя владельцем золотого блюда, которое выставлено в лавке тифлиского купца. Неподготовленным и немотивированным остается путешествие Ашика на белом коне за спиной чудесного всадника. Ведь в лермонтовском варианте ни слова не говорится о том, что Хадрилиаз — покровитель ашиков, что он наделил Кериба даром песен, что он предназначил ему в жены красавицу Магуль-Мегери. В конце сказки Ашик-Кериб заявляет, что сабля его перерубит камень, но ничем не доказывает этого. Кстати, ни о сабле Кериба, ни о том, что Хадрилиаз дал ему еще этот новый знак своего могущества — способность перерубать камни, до этого не говорится ни слова. Ясно, что если бы Лермонтов занялся обработкой народной сказки, то устранил бы все эти шероховатости и мотивировал бы слова и поступки Ашик-Кериба. Из этого следует, что он записал ее именно так, как услышал.

Недавно удалось выяснить, что в Лачинском районе, Азербайджанской ССР, рассказывается другой вариант этой сказки, в котором героиню зовут не Шах-Санам, а Магу-Мехр, а соперник называется Рашид-бек. К сожалению, этот вариант пока еще не записан¹. Еще ближе к лермонтовской сказке оказывается вариант, записанный в 1935 году со слов восьмидесятилетнего ашуга Адама Суджаяна в Зангезурском районе Армении фольклористкой Р. Р. Орбели. В этой сказке, как и у Лермонтова, невесту Ашуг-Кериба зовут Мауль-Меери, так же, как и у Лермонтова, она посылает с купцом на чужбину не кольцо и не чашу, как в других вариантах, а блюдо.

Ашуг Суджаян исполнял эту сказку только в от-

¹ Эти сведения получены мною от Института литературы имени Низами в Баку.

рывках. Поэтому трудно судить, насколько она совпадает в целом с фабулой лермонтовской записи. Отметим только, что соперника он называл Шах-Валат. Остальные армянские варианты существенно отличаются от лермонтовской сказки и в основном совпадают с шемахинской версией. События начинаются в них задолго до прибытия Гариба в Тифлис, в них содержится эпизод с чудесным превращением юноши в ашуга, наделенного даром песен свыше, все они повествуют о том, как Ашуг-Гариб и его будущая возлюбленная узнают друг о друге во сне¹.

Но имеется еще одна запись, фабула которой в точности совпадает с фабулой лермонтовской сказки. Это грузинский вариант азербайджанской сказки, записанный в 1930 году в Грузии, в селении Талиси, недалеко от Ахалцихе. Рассказывал этот вариант семидесятилетний грузин-магометанин, крестьянин Аслан Блиадзе, причем повествовательную часть передавал по-грузински, а песни исполнял по-турецки. Это не должно удивлять: Месхет-Джаваheti, где находится Ахалцихе, как известно, долгое время находилась под турецкой пятой.

Действие этой сказки начинается, как и у Лермонтова, прямо в Тифлисе. Мотивировка разлуки такая же, как и у Лермонтова: «Мне твоих денег не надо, — говорит Ашик-Кериб своей возлюбленной. — Боюсь, не было бы потом упреков».

После этого ашуг уходит в город Алаф (у Лермонтова — Халаф, во всех остальных вариантах — Алеппо). Перед разлукой ашуг дарит своей возлюбленной золотую чашу. Когда настает срок ему возвратиться, возлюбленная отдает эту чашу чалагадару и просит передать ее поручение тому, кто назовет себя хозяином чаши. Чалагадар встречает Кериба в Алафе. «Вот как поется об их встрече в татарской песне», — сказано в сказке (разрядка моя. — И. А.). Далее в записи следуют тексты песен на турецком языке, записанные грузинскими буквами и потому не вполне

¹ Сведения об армянских вариантах «Ашуг-Гариба» сообщила мне Р. Р. Орбели.

поддающиеся расшифровке. Но прочтенные тексты полностью совпадают с пересказом этих песен у Лермонтова.

Вчера ночью, вчера ночью
В городе Алафе
Бог дал мне крылья,
И я прилетел сюда.
Утренний намаз
Творил я в Арзруме,
Полдневный намаз —
В полях Карса,
К вечернему намазу
Был уже в Тифлизе.

«В городе Халафе, — читаем записи Лермонтова, — я пил мисирское вино, но бог дал мне крылья и я прилетел сюда... Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда...»

Эти песни, вкрапленные в текст грузинского варианта, оказываются гораздо ближе к лермонтовской записи, чем песни шемахинского варианта. Очень близко к лермонтовской сказке передается в грузинской записи эпизод встречи с Хадрилиазом, полет на крупе его коня и беседа сестры Кариба со слепой матерью. И кончается сказка так же, как у Лермонтова.

«Не прерывайте свадьбу, — говорит Кариб, — я отдам Шах-Валату в жены мою сестру». «И вправду, — заключает рассказчик, — Шах-Валат женился на сестре Кариба, а Кариб — на своей возлюбленной Шах-Санам»¹.

Но, может быть, этот вариант — вернувшаяся в фольклор лермонтовская сказка? Такую мысль печатно высказал недавно А. В. Попов, автор вышедшей в Ставрополе книги о Лермонтове².

¹ Текст грузинского варианта «Ашуг-Кариба» сообщила мне Елена Вирсаладзе.

² А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь. 1954, стр. 94.

Нет, как мы видели, собственные имена в грузинской сказке другие: Шах-Санам, Шах-Валат... Уже по одному этому нельзя принять наивное утверждение Попова, что «лермонтовский текст, известный сказителям в устной передаче, лег в основу армянского и грузинского варианта народного сказа». По А. В. Попову выходит, что без Лермонтова грузины и армяне не знали бы народной сказки про Ашик-Кериба, распространенной в Закавказье с древних времен! С удивительной легкостью решает Попов все вопросы!

По мусульманскому преданию, душа пророка Хидра переселилась в пророка Илью. Поэтому в этих двух пророках мусульмане видят одно лицо. Однако Лермонтов разъясняет, что Хадерилиаз — «святой Георгий». Между тем уже выяснено, что смешение имен Хидир-Илиаза и святого Георгия встречается постоянно, но не в азербайджанском, а в армянском и грузинском фольклоре¹. В том грузинском варианте, который был записан в 1930 году близ Ахалцихе, в точности повторяется то же, что и у Лермонтова. О чудесном всаднике сказано, что это был «Хидриэл, или святой Георгий».

Таким образом, становится совершенно ясным, что Лермонтов записал тот вариант сказки про Ашик-Кериба, в котором заметно отразились элементы не только армянского, но и грузинского фольклора.

Взаимопроникновение грузинских, армянских и азербайджанских элементов в закавказском фольклоре очень значительно. Но сильнее всего оно всегда было там, где с давних времен наряду с грузинским языком широко была распространена армянская и азербайджанская речь, — в Тифлисе, в кварталах Старого города. Поэтому надо думать, что в Тифлисе Лермонтов и услышал эту сказку. А в том, что Лермонтов записал сказку со слов азербайджанца, нет никаких

¹ В. А. Мануйлов, «М. Ю. Лермонтов и его запись сказки «Ашик-Кериб». В сборнике «Ашик-Кериб», стр. 28; Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1 кн. 2-я. СПб., 1871, стр. 25; И. К. Ениколопов, «К сказке «Ашик-Кериб» Лермонтова». В книге: М. Ю. Лермонтов. «Ашик-Кериб. Турецкая сказка». Тбилиси, 1941, стр. 16.

сомнений: по-турецки и ашика должны были бы звать не Кериб, а Гариб, и Куршуд-бек назывался бы Куршуд-беем, не было бы в тексте слова «гёрурсез» (турецкая форма «герурсунуз»), ни слова «сааз» (по-турецки «саз») ¹.

Между тем, основываясь на том, что версия ашика Оруджа была записана в Шемахинском районе, авторы последних работ о Лермонтове считают что он слышал сказку про ашика Кероба в Шемахе и записал ее там со слов ашика. «Именно здесь, в Шемахе или в ее окрестностях, поэт и записал и впоследствии обработал эту чудесную сказку, услышав ее из уст бродячего певца-ашуга», — с совершенно необоснованной уверенностью заявляет уже упомянутый нами А. В. Попов ².

Действительно, в 1837 году Лермонтов побывал в Шемахе. Но Попов торопится с выводами. Лермонтов не мог записать сказку со слов ашуга: он не знал азербайджанского языка. Следовательно, и узнал он сказку не в форме «дестана» — повествования, чередующегося с песнями, — а слышал ее по-русски, в прозаическом пересказе. Недаром он изложил ее в повествовательной форме. Если бы Лермонтов располагал развернутой записью с полным текстом песен Ашик-Кериба, надо думать, он и в переводе передал бы песни стихами. Ведь даже в «Бэле», где повествование ведется от лица Максима Максимыча, он не удержался и песню Казбича переложил в стихи, пояснив, что для него «привычка — вторая натура». У него поет и пугачевский казак в «Вадиме», и Селим в «Измаил-бее», и девушка в «Беглеце», поют гуслияры в «Песне про царя Ивана Васильевича...», поет даже рыбка, убаюкивая Мцыри. А в сказке про певца певец не поет песен: они изложены прозой. Поэтому можно не сомневаться, что историю странствований Ашик-Кериба Лермонтов слышал не в исполнении ашиков и даже слышал не перевод их текста, а пересказ.

¹ И. К. Ениколопов, «К сказке «Ашик-Кериб» Лермонтова», стр. 15.

² А. В. Попов. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь, 1949, стр. 73.

Правда, есть сведения, что в Шемахе нижегородские драгуны пользовались гостеприимством азербайджанских беков и агаларов — своих боевых товарищей по турецкой войне¹. Конечно, эти люди могли пересказать поэту популярную народную сказку. Но мы как раз выяснили, что лермонтовская транскрипция расходится со всеми распространенными азербайджанскими вариантами, в том числе и с шемахинским, и оказывается ближе к грузинским и армянским вариантам. Отождествление Хидрилиза с христианским «святым» Георгием, совершенно естественное в фольклоре грузин и армян, связанных с христианской церковью, было бы менее понятным в фольклоре мусульманского Азербайджана. Поэтому предположение, что Лермонтов слышал и записал эту сказку в Тифлисе, не ослабляется, а, наоборот, подкрепляется этими новыми соображениями.

Но почему же сказку, услышанную в Тифлисе из уст азербайджанца, Лермонтов назвал турецкой?

Предположение мое, что название «турецкая сказка» дано не самим Лермонтовым², не подтверждается. Хотя на первой странице лермонтовского автографа никакого названия нет, тем не менее слова на обороте последней страницы (в сложенном виде она служила как бы обложкой рукописи), написанные быстрым и крупным почерком, не похожим на почерк Лермонтова, принадлежат, очевидно, все-таки ему самому: «Ашик-Кериб. Турецкая сказка». С этим мнением В. А. Мануйлова и С. А. Андреева-Кривича я уже согласился³.

Итак, почему же «турецкая»?

Прежде всего потому, очевидно, что это происходит из ее содержания. В сказке про Ашик-Кериба, пришедшей в Закавказье из Турции и до сих пор распеваемой ашугами в кофейнях Румелии и Анатолии, речь идет о Турции и о турках. Об отце Магуль-Мегери Лермонтов пишет: «богатый турок». Следова-

¹ В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб, 1895, стр. 77.

² См. мою книгу «Лермонтов». М., 1951, стр. 222—223.

³ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 4. М., Библиотека «Огонек», 1953, стр. 458.

тельно, и сама Магуль-Мегери — турчанка. Путешествует Ашик-Кериб через турецкие города — Арзиньян, Арзрум, Карс. Через Турцию попадает он в Сирию — в Халаф, или, как называли его итальянцы, Алеппо. Играет Кериб на саазе — Лермонтов добавляет: «балалайка турецк<ая>». На свадьбах в Тифлисе Ашик-Кериб прославляет «древних витязей Туркестана»...

С. А. Андреев-Кривич, посвятивший специальную главу своей книги о Лермонтове сказке «Ашик-Кериб», полагает, что под Туркестаном следует разуметь здесь Туркмению¹. Стремясь найти объяснение слову «Туркестан» в тексте лермонтовской сказки, он привлекает книгу Н. Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах...» (М., 1822). В этой книге кратко передано содержание туркменского варианта сказки о любви Шах-Санам и Кариба. «Таким образом, — пишет Андреев-Кривич, сближая текст лермонтовской сказки с изложением Н. Муравьева, — слова Лермонтова о том, что Ашик-Кериб прославлял древних витязей Туркестана, перестают казаться простой случайностью»².

Автор полагает доказанным, что слово «Туркестан» в лермонтовской записи восходит к туркменскому варианту.

Но такой выдающийся тюрколог, как академик В. А. Гордлевский, считает, что у Лермонтова идет речь не о Туркмении, а о Турции. Форма «Туркестан» в применении к Турции, — указывает он, — встречается у турецких народных поэтов, а в литературе — у Намыка Кемалы. Того же мнения известные тюркологи А. Н. Кононов и М. С. Михайлов. По их мнению, «Туркестан» в данном тексте следует понимать, как «страна турок», по аналогии с «Дагестан», «Гюрджистан» (Грузия), «Айастан» (Армения) и т. д. («стан» — в буквальном смысле — «стоянка»).

Таким образом, интересное наблюдение С. А. Андреева-Кривича, свидетельствующее о широком распро-

¹ С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., Издательство Академии наук СССР, 1954, стр. 107 — 108.

² Там же, стр. 107.

странении сказки про Ашик-Кериба на Ближнем Востоке и в Средней Азии, к изучению лермонтовского текста ничего добавить не может. Нет сомнения, что сказка Лермонтова, заключающая ряд азербайджанских слов и сохранившая следы азербайджанского произношения, записана в Закавказье и не находится ни в какой связи с туркменским вариантом. При этом напомним, что, указывая в скобках значение слова «сааз» («балалайка турецк<ая>»), Лермонтов приводит слово азербайджанское — не турецкое: по-турецки не «сааз», а «саз».

Итак, Лермонтов называет турецкой сказку, записанную со слов азербайджанца. Видимо, тот, кто рассказывал Лермонтову историю любви и скитаний Ашик-Кериба, знал о ее турецком происхождении.

Но прежде, чем решать вопрос о том, кто мог пересказать эту сказку Лермонтову, следует обратить внимание на маленькую неточность, вкраившуюся в лермонтовский автограф.

В лермонтовской сказке соперника Ашик-Кериба зовут, как известно, Куршуд-бек. Но в самом конце, описывая появление Ашик-Кериба на свадьбе Магуль-Мегери, Лермонтов допустил удивительную опisku:

«Селям алейкюм, — говорит Ашик-Кериб, вступая на свадьбу, — вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню».

«Почему же нет, сказал Шах-Валат (хозяин свадьбы)...» — написал Лермонтов. И, заметив ошибку, исправил: «Почему же нет, сказал Куршуд-бек»¹.

Откуда взялось это второе имя? Ведь Шах-Валат — это тот же Шах-Велед, который упоминается во всех других вариантах сказки. Как попало его имя в лермонтовский автограф? Может быть, как полагает Мануйлов, Лермонтов знал разные варианты?²

Нет, для этого заключения не имеется никаких осно-

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 182 и 458. См. мою статью «Лермонтов в Грузии». «Красная новь», 1939, № 10—11, стр. 254.

² В. А. Мануйлов, «М. Ю. Лермонтов и его запись сказки «Ашик-Кериб». В сборнике «Ашик-Кериб». Л., 1941, стр. 27.

ваний. Более того: оно кажется совершенно невероятным. Изучать и сводить вместе разные варианты азербайджанской сказки Лермонтов не мог, прежде всего потому, что для этого надо было знать азербайджанский язык.

Поэтому «Шах-Валат» в лермонтовской рукописи — это не описка Лермонтова, а обмолвка рассказчика. Отсюда снова можно сделать вывод, что Лермонтов знал сказку не от профессионального исполнителя, а от какого-то образованного азербайджанца, которому она была известна в нескольких вариантах.

Но от кого же мог Лермонтов услышать азербайджанскую сказку про странствующего певца?

„УЧЕНЫЙ ТАТАРИН АЛИ“

В Тифлисе Лермонтов встречался не только с грузинами. Интерес к новой стране не ограничился для него домом Чавчавадзе. «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — писал он Раевскому, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться».

Отсюда следует, что Лермонтов встречался с жившими в Тифлисе азербайджанцами и у кого-то брал уроки азербайджанского языка.

Итак, у Лермонтова был учитель. Но для того, чтобы преподавать ему, сам учитель, кроме азербайджанского языка, должен был хорошо знать и русский. Русский язык в ту пору знали очень немногие образованные азербайджанцы. Судя уже по одному этому, учитель Лермонтова был образованным человеком. В то время образованных азербайджанцев в Тифлисе было совсем мало. Мы знаем, что Лермонтов встречался в Тифлисе с ученым татаринном Али. Ученых азербайджанцев, которых звали Али, было в Тифлисе еще меньше. В начале 1837 года Бестужев-Марлинский, живший в Тифлисе у штаб-ротмистра Потоцкого, брал уроки азербайджанского и персидского языков у высокообразованного азербайджанца. При этом его учителя звали тоже Али: Мирза Фет Али, или просто Мирза Али. Это

был замечательный азербайджанский поэт Мирза Фатали Ахундов (1812—1878), в ту пору только еще начинавший свою литературную деятельность. Может возникнуть вопрос: к чему было Лермонтову расчленять его имя и писать отдельно: «Али»? Однако и сам Ахундов так писал свое имя по-русски. Сохранился его русский автограф, на котором имеется подпись: «Мирза Фет Али Ахундов»¹.

«Хорошо обученный языкам арабскому, персидскому, турецкому и татарскому» (как сказано в его служебном формуляре), Мирза Фет Али с 1834 года жил в Тифлисе и состоял в должности переводчика с восточных языков при канцелярии главноуправляющего Грузией барона Розена².

Первые стихи, благодаря которым имя Ахундова стало известно за пределами Кавказа, были написаны им в 1837 году. Известие о гибели Пушкина вдохновило Ахундова на создание большой элегической поэмы. Сделав с нее подстрочный перевод, молодой азербайджанский поэт отослал его в Москву, в редакцию «Московского наблюдателя», и она появилась на русском языке в апрельском номере журнала. «Мы от души желаем успеха замечательному таланту, — говорилось в примечании редакции, — тем более, что видим в нем такое сочувствие образованности русской»³.

Действительно, выдающийся знаток восточных языков и литератур, Ахундов великолепно знал и русскую литературу. В своей поэме он упоминает имена Ломоносова, Державина и Карамзина, предшественников «главы собора поэтов» — Пушкина. В целом поэма представляет собою замечательное произведение, которое справедливо считают, после стихотворения Лермон-

¹ Автограф Мирза Фатали Ахундова на книге, подаренной им Я. П. Полонскому. Воспроизведен в книге: Микаэль Рафили. Мирза Фатали Ахундов. Баку, изд. «Азернешр», 1939, стр. 96—97. Ср. написание имени в статье: Г. Миназасов, «Мирза Али Ахундов». «Тифлисский листок», 1903, № 249.

² А. П. Берже, «Восточная поэма на смерть А. С. Пушкина». «Русская старина», 1874, № 9, стр. 76.

³ М. Рафили, «Пушкин и Мирза Фатали Ахундов». «Пушкин». Временник Пушкинской комиссии. М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1936, 2, стр. 248—250.

това, самым значительным из поэтических откликов на смерть Пушкина, принадлежавших перу его современников.

«Разве ты, чуждый миру, не слыхал о Пушкине, о главе собора поэтов? — вопрошает Ахундов. — О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех концов света за его игриво текущие песнопения! О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять свою белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице ее!..

Ломоносов красотами гения украсил обитель поэзии. Мечта Пушкина водворилась в ней. Державин завоевал державу поэзии, но властелином ее Пушкин был избран свыше.

Карамзин наполнил чашу вином знания — Пушкин выпил вино этой полной чаши.

Разошлась слава его по Европе...

Светлотою ума был он любимцем Севера так, как взор молодой луны драгоценен Востоку...

Будто птица из гнезда, упорхнула душа его — и все, стар и млад, сдружились с горестью. Россия в скорби и воздыхании восклицает по нем: «Убитый злодейской рукой разбойника мира!»

В рукописи Ахундова, не изуродованной царской цензурой, сказано: «Русская земля стонет в трауре и скорби: о, великая жертва безжалостных убийц-палачей»¹.

«Итак, не спас тебя от оков колдовства этой старой волшебницы-судьбы — талисман твой. Удалился ты от земных друзей своих... Бахчисарайский фонтан шлет тебе, с весенним зephyром, благоухание двух роз твоих. Седовласый старец Кавказ отвечает на песнопения твои стоном в стихах Сабухия»². (Сабухия — литературный псевдоним Ахундова.)

Мы привели здесь перевод, сделанный при содействии автора Бестужевым-Марлинским.

Бестужев относился к занятиям с Ахундовым очень

¹ А. Григорян, З. Бунятов, «Слово о великой дружбе (судьба одной поэмы)». «Литературная газета», 1953, № 45(3074).

² А. П. Берже, «Восточная поэма на смерть А. С. Пушкина». «Русская старина», 1874, № 9, стр. 76.

серьезно. Он считал, что писатель должен изучить «татарский язык Закавказского края», с которым, «как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию»¹.

Фраза эта поразительно напоминает то, что писал о «татарском» языке Лермонтов: («язык, который здесь и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе»). И вряд ли здесь можно говорить о случайном совпадении.

Естественным кажется, что Лермонтов услышал эту фразу Марлинского в Тифлисе из уст ученого азербайджанца Али.

Не один Бестужев брал уроки у Мирзы Фет Али Ахундова. Яков Петрович Полонский, поселившись с 1846 года в Тифлисе, тоже вскоре познакомился с Ахундовым и начал изучать азербайджанский фольклор, записывая народные песни, пословицы, поговорки, отдельные выражения и слова. В архиве Полонского сохранились и подстрочные переводы и азербайджанский текст, записанные по-русски и в арабской транскрипции. Азербайджанский литературовед М. Рафили считает, что в этой работе ему помогал Мирза Фатали Ахундов².

Вот почему мы думаем, что Мирза Фатали Ахундов обучал азербайджанскому языку и Лермонтова, что именно он был тем человеком, который помог Лермонтову записать сказку про Ашик-Кериба.

Известие об убийстве Пушкина было встречено в Тифлисе с огромным волнением и негодованием. «Когда я прочел твое письмо Мамуке Орбелианову, — писал Бестужев-Марлинский брату, — он разразился проклятиями. «Я убью этого Дантеса, если когда-нибудь увижу его, — сказал он». Я, — продолжает Бестужев, — заметил ему, что в России найдется достаточно русских, чтобы отомстить за бесценную кровь»³.

¹ А. Б[естужев], «Красное покрывало». «Тифлиссские ведомости». 1831, №№ 6 и 7, стр. 45.

² Микаэль Рафили. Мирза Фатали Ахундов. Баку, изд. «Азернешр», 1939, стр. 101 — 103.

³ Письмо А. А. Бестужева к брату П. А. Бестужеву. «Отечественные записки», 1860, VII, стр. 71 — 72.

Мамука Орбелиани, «пылкий, храбрый и благородный», — как пишет о нем современник, — друг и родственник Николая Бараташвили и Александра Чавчавадзе, выразил то, что думали и чувствовали все передовые люди Кавказа. Поэтому появление в Тифлисе Лермонтова не могло пройти незамеченным, особенно если вспомнить, что в 1837 году Тифлис насчитывал всего лишь 25 тысяч жителей и был не больше нынешнего районного центра¹. Весь город в ту пору знал в лицо каждого заметного человека. Как же мог поэт, сосланный за стихи на смерть Пушкина, не встретиться в этом городе с другим молодым поэтом, откликнувшимся на это же событие замечательными стихами?!

Мне думается, что это знакомство произошло, что великий русский поэт Лермонтов и великий азербайджанец Ахундов протянули друг другу руки и одними из первых положили начало дружбе и культурной связи двух народов.

Доказательством этому служит запись Лермонтова, в которой упомянут «ученый татарин Али».

НЕВЕРНАЯ ГИПОТЕЗА

Между тем тбилисский исследователь И. К. Ениколопов в своей книге «Лермонтов на Кавказе» предложил совсем иное истолкование упомянутых Лермонтовым имен.

«В ту пору, — пишет Ениколопов, — среди мусульманского населения Тифлиса наиболее образованным человеком был Мамед-Али — тифлисский ахунд, уроженец Сальян. У него был племянник Ахмет, занявший в 1852 году его должность... В вышедшей в Тифлисе газете «Закавказский вестник» мы встречаем сообщения Мамеда-Али: «Мудрая царевна, восточная сказка», «Встреча казиза с ученым вором» и много других»².

¹ Акад. С. Джанашиа, «Тбилиси. Краткий исторический очерк». В книге: «1500 лет Тбилиси». Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1946, стр. 28.

² И. Ениколопов, «Лермонтов на Кавказе». Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1940, стр. 30 — 31.

К сожалению, все эти факты не подтверждаются. Ни одно из сенсационных сообщений в книге Ениколопова (а их много!) не имеет ссылок на какие-либо источники. Потому и это его открытие вызывает невольные недоумения. Означает ли «в ту пору» — «в 1837 году»? Откуда почерпнул Ениколопов свои сведения о Мамеде-Али и об Ахмете? Где доказательства того, что оба они в том году находились в Тифлисе? Можно ли принять на веру, что из всех мусульман, живших в Тифлисе, самым образованным следует считать Мамеда-Али, в то время, как ни у кого не возникнет сомнений в том, что Мирза Фатали Ахундов принадлежал к самым образованным людям своего времени?

Хотя Ениколопов не указал ни года, ни номера газеты, откуда добывал сообщенные им факты, тем не менее нам удалось выяснить, что автором сказок, о которых он говорит, был Мирза Мамед-Али Сафиев, фельетонист газеты «Закавказский вестник». Причем сказки его печатались совсем не «в ту пору», когда Лермонтов находился в Тифлисе, и даже не в 1830-х годах, а гораздо позже — в 1853—1855 годах¹.

Что же касается тифлисского ахунда, то это совершенно другое лицо — молла Мамад-Али-Ахунд Калбалай-Усейн-оглу.

В книге своей Ениколопов и в этом случае не ссылается на источник, из которого почерпнул свои сведения, но сообщил нам, что в его руках было дело, хранящееся в Центральном историческом архиве Грузии, — «Об избрании шейх-уль-ислама на место уволен-

¹ Мирза Мамед-Али Сафиев. 1. «Мудрая царевна». Восточная сказка. Фельетон. «Закавказский вестник» (далее — «ЗКВ»), 1853, № 38; 2. «Встреча казняя с ученым вором». «ЗКВ», 1853, № 44; 3. «Мечеть Баба-Самеда». Фельетон. «ЗКВ», 1853, № 19; 4. «Нечто о шахе Гюджаче». «ЗКВ», 1853, № 28; 5. «Предрассудок». «ЗКВ», 1853, № 10; 6. «Мусульманская свадьба в Ленкорани». «ЗКВ», 1854, № 12; 7. «Исповедь пилигримки». Восточное сказание. «ЗКВ», 1854, № 10; 8. «Щедрый инкогнито». «ЗКВ», 1854, № 31; 9. «Восточные любовники». «ЗКВ», 1855, № 19 и т. д.

ного в отставку от этой должности Мамада Али»¹. Перелистаем дело. Оно относится к 1846—1852 годам. Из документов, его составляющих, видно, что тифлисский ахунд Мамад-Али, прослужив более двадцати лет и будучи в преклонных летах, подал в отставку. В своем прошении он сообщает, что намерен вернуться на родину — в город Сальяны (Азербайджан). На свое место рекомендует племянника — ахунда молла Ахмеда Гусейнова, отправляющего должность сальянского главного кадия.

В результате долгих проволочек, вызванных проверкой личности и политической ориентации моллы Ахмеда, которого, как видно из имеющихся в деле прошений правоверных магометан, никто в Тифлисе не знал, молла Мамад-Али оставался на своем посту еще шесть лет — до 1852 года, когда, наконец, его сменил упомянутый молла Ахмед.

Как сказано в одном документе, молла Ахмед состоял главным кадием в сальянском участке «с давнего времени», был членом тамошнего суда — шаро — и смотрителем магометанского училища. Следовательно, он жил в Сальянах, а не в Тифлисе, и потому стремление Ениколопова видеть в нем одного из лермонтовских знакомцев крайне неубедительно. У нас нет никаких данных считать, что в 1837 году молла Ахмед находился в Тифлисе и принадлежал к числу знакомых поэта. Данных же о том, что он жил в это время в Сальянах, достаточно. Что же касается молла Мамада-Али, то знакомству его с Лермонтовым препятствовало немало-важное обстоятельство: он не знал русского языка. Прощения его, сохранившиеся в архивном деле, переводил не кто иной, как... Мирза Фатали Ахундов. Следовательно, Мамад-Али не мог помочь Лермонтову перевести на русский язык азербайджанскую сказку и давать ему уроки азербайджанского языка. И вообще трудно допустить, что Лермонтову давало уроки лицо

¹ «Дело об избрании шейх-уль-ислама на место уволенного в отставку от этой должности Мамада Али». ЦГИА Грузинской ССР, ф. 4/30, оп. 5, № 61. «Дело о представленной тифлисским ахундом алиевой секты Мамед Али книге шарията под названием Шарауль-ислам». Там же, ф. 4/30, оп. 8, № 117.

духовное. И что тифлисский ахунд рассказывал поэту любовную сказку. Ениколопов, очевидно, даже и не задумался над тем, почему бы Лермонтов стал называть магометанского священника — ахунда — «ученым», а не «ахундом». По его, Ениколопова, версии, другой священнослужитель — Ахмет — выполняет в записи Лермонтова обязанности слуги («Мы говорим Ахмету, чтобы он узнал, кого имел этот офицер...» и т. д.). Ахмет бродит вокруг дома и выясняет, что приехал муж таинственной грузинки.

Итак, гипотеза о знакомстве Лермонтова с тифлисским ахундом, а тем более с его сальянским племянником, лишена оснований. Поэтому мы попрежнему остаемся в убеждении, что «ученый татарин Али» — это великий демократ, просветитель Азербайджана Ахундов.

ТИФЛИССКИЙ АДРЕС ЛЕРМОНТОВА

В 1923 году проживавший в Париже Вл. Ник. Аргутинский-Долгоруков через искусствоведа С. Н. Тройницкого переслал в Пушкинский дом Академии наук СССР в Петрограде принадлежавшие ему рисунки Лермонтова «Развалины на берегу Арагвы в Грузии» и «Лезгинка». До 1918 года В. Н. Аргутинский-Долгоруков жил в Петрограде и принадлежал к числу известных столичных коллекционеров. Впрочем, исследователям Лермонтова эти факты в то время ничего сказать не могли.

В 1950. году, в надежде обнаружить материалы о том, когда и при каких обстоятельствах была наименована Лермонтовской одна из улиц Тифлиса, и пересматривая с этой целью описи дел и протоколы тифлисской городской думы в Центральном государственном историческом архиве Грузии в Тбилиси, я извлек из них некоторые неизвестные данные.

Оказалось, что в 1891 году, собираясь отметить 50 лет со дня смерти Лермонтова, тифлисская городская дума поручила городскому секретарю «произвести дознание, как в архивах штаба, так и опросом старо-

жилов», чтобы выяснить, на какой улице Лермонтов останавливался, а если возможно, найти и дом, в котором он проживал»¹.

Через восемь лет — в 1898 году — один из членов думской исполнительной комиссии по наименованию улиц г. Тифлиса, некий Н. З. Туманов, подал председателю этой комиссии заявление, в котором докладывал, что «многие были заняты изысканием сведений о том, в каком именно доме проживал поэт Лермонтов», и что «собранные данные свидетельствуют, что Лермонтов жил у родственника своего в 4-м участке по Садовой улице». «Подробные сведения о проживании поэта Лермонтова на Садовой улице, — заключал свое заявление Туманов, — имеются у гласного князя Ник. Вас. Аргутинского-Долгорукова». В связи с этим, подаватель заявления просил отсрочить переименование Садовой улицы в Бебутовскую и разобраться в материалах, которыми располагал Аргутинский-Долгоруков².

Однако, ссылаясь на то, что Садовая улица составляет продолжение Бебутовской (так называлась нижняя часть нынешней улицы Энгельса до угла улицы Ильи Чавчавадзе), комиссия, после восьмилетнего бездействия, поспешила перенумеровать дома на Садовой улице и прибить дощечки с надписью «Бебутовская». А через два года переименовала в Лермонтовскую Нагорную улицу, исторически с именем Лермонтова никак не связанную.

Какими «подробными данными» о проживании Лермонтова на Садовой улице располагал гласный Аргутинский-Долгоруков — этого мы не знаем. Дела о переименовании тифлиских улиц в архиве не сохранились: из старых описей и канцелярских помет на думских протоколах видно, что все материалы, о которых писал Туманов, остались тогда на руках у Аргутинского-Долгорукова.

Но эта думская переписка приобретает иное значение, если учесть, что гласный тифлиской городской думы Ник. Вас. Аргутинский-Долгоруков был отцом

¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 192, оп. 5/1898, лл. 35—36.

² ЦГИА Грузинской ССР, ф. 192, оп. 4, № 61.

того самого Вл. Ник. Аргутинского-Долгорукова, который переслал из Парижа в Пушкинский дом лермонтовские рисунки, изображающие лезгинку на плоской кровле тифлисской сакли и развалины на берегу Арагвы. Таким образом, у думского гласного имелись вещественные доказательства, подтверждавшие достоверность собранных сведений¹.

От кого могли быть получены эти сведения?

Выяснить это теперь уже невозможно. Аргутинский-отец умер в 1907 году. Аргутинский-сын в 1940-м. Но вернее всего, что сведения были получены от старожилов. Семидесятилетние тифлисцы в 1890-х годах могли хорошо помнить Лермонтова. Могли быть получены эти сведения и от тех, у кого в семье хранились лермонтовские рисунки. Не надо забывать, что к кругу людей, с которыми Лермонтов мог встречаться в Тифлисе, принадлежала «маленькая княжна Аргутинская», о которой упоминал в своем письме друг поэта Монго Столыпин. Рисунки, изображавшие ущелье Арагвы и пляшущих грузинок, Лермонтов мог подарить ей: эти реликвии могли храниться в семье Аргутинских. Во всяком случае, к сообщению комиссии Тифлисской городской думы следует отнестись с полным доверием. Тем более, что речь идет о Садовой улице, где, как мы знаем, жили Ахвердовы.

Правда, в 1837 году Прасковья Николаевна находилась в Петербурге. Но в Тифлисе оставался ее пасынок — подпоручик Егор Ахвердов². В представлении тифлисских старожилов пасынок тетки, хотя бы тетки и не родной, — это, конечно, родственник. Зная при этом, что офицеры в то время в Тифлисе жили на частных квартирах, можно не сомневаться, что Лермонтов останавливался у Ахвердова.

В 1831 году большой каменный дом Ахвердовых и примыкавший к нему обширный фруктовый и виноград-

¹ Родство Н. В. и В. Н. Аргутинских, а также годы их смерти установлены мною в Тбилиси через Соф. Вас. Аргутинскую-Долгорукову.

² «Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го Гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка». Составил штабс-капитан Махлаюк. Тифлис, 1900. Приложение, стр. 21.

ный сад были разыграны в лотерею и достались некоей мадам Каstellла (знакомой Грибоедова), разместившей в доме частный пансион для девиц¹. В 1840 году этот пансион перешел в казну². Но, кроме дома, был, как мы знаем, и флигель, который прежде занимала семья Чавчавадзе. «В смежности с означенным имением находится одноэтажный дом со службами, — читаем в деле «О разыгании в лотерею дома и сада... Ахвердова». «Тут же, — сказано дальше, — находится пустопорожнее место, принадлежащее наследникам его, Ахвердова, но не входившее в состав лотереи, как и упомянутый выше дом...»³

Этот флигель остался собственностью Егора Ахвердова, который к этому времени «достиг совершенных лет» и служил в Грузинском гренадерском полку, квартировавшем в Тифлисе.

В 1833 году имя Егора Ахвердова было внесено в алфавит лиц, прикосновенных к заговору 1832 года. Его называли на допросах в числе тех, на кого, по словам заговорщиков, можно было положиться в момент восстания. Следствие не подтвердило этих предположений, и комиссия оставила Егора Ахвердова «без последствий». Все эти годы он, как свой, попрежнему гостил в Цинандали и проводил досуг в семье Чавчавадзе⁴.

Итак, Лермонтов останавливался на Садовой.

Остается выяснить, что представляла собою в ту пору Садовая улица.

Правильнее будет, если мы скажем, что в 1830-х годах она только еще возникала. Как сказано в документе 1831 года, дом и флигель покойного генерал-майора Ахвердова расположены были «в предместьи Тифлиса»

¹ «Тифлиские ведомости», 1831, №№ 2 и 3, стр. 16, 24; «Из записок Н. Н. Муравьева». «Русский архив», 1894, I, стр. 39.

² Я. П. П[олонск]ий. Статистический очерк г. Тифлиса. Без года издания, стр. 23.

³ «Дело о разыгании в лотерею дома и сада, принадлежащего детям умершего генерал-майора Ахвердова». На 305 листах. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, оп. 1, № 854, л. 42 об. Указано мне И. К. Ениколоповым.

⁴ ЦГИА Грузинской ССР, ф. ОВД, д. № 166, л. 61; д. № 167, лл. 454 — 457.

и «не имели поблизости никаких зданий»¹. В 1850 году — тринадцать лет спустя после отъезда Лермонтова — на всей Садовой улице значатся только шесть домиков. Вряд ли на этой улице в 1837 году мог занимать дом еще и другой родственник Лермонтова!

Поэт жил у Егора Ахвердова. В этом можно не сомневаться.

Может, правда, возникнуть законное недоумение: почему деятели Тифлисской городской думы не назвали фамилию родственника, у которого Лермонтов жил на Садовой?

Хотя у нас в руках нет ни одного документа, кроме упомянутого заявления думского гласного Туманова, понятно, что городская дума не решилась без дополнительных изысканий объявить родственником Лермонтова человека с нерусской фамилией. Потому-то думская комиссия и оставила этот вопрос открытым «впредь до наведения справок»². Теперь можно считать, что эти справки наведены: родственные связи Лермонтова с Ахвердовыми установлены.

Выяснен адрес. А главное — найдена еще одна нить, ведущая к Чавчавадзе.

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ 1837 ГОДА

В начале 1838 года Лермонтов вернулся в Россию. Кавказская ссылка окончилась. Но скитания по Кавказу и Грузии начали оживать в стихах и поэмах, в прозе «Героя нашего времени». Восьмым сентября помечена шестая — «кавказская» — редакция «Демона». Через три месяца — 4 декабря 1838 года — работа над «Демоном» завершена окончательно³. В этой, седьмой редакции поэма разошлась по России в сотнях списков и стала известна современникам. По существу, это и есть окончательная редакция «Демона», потому что

¹ «Дело о разыгрании в лотерею...», л. 86. План г. Тифлиса с окрестностью. Приложение к «Кавказскому календарю на 1851 год».

² «Кавказ», 1898, № 143.

³ А. Михайлова, «Последняя редакция «Демона». «Литературное наследство», № 45—46. М., Издательство Академии наук СССР, 1948, стр. 13.

новые исправления, внесенные в этот текст и превратившие его в восьмую редакцию 1841 года, сделаны были из цензурных соображений. Однако, как и всегда, учитывая требования цензуры, Лермонтов не ограничился одними переделками, а внес существенные художественные дополнения. Поэтому напечатать «доцензурный» текст — это значило бы не только отказаться от изменения первоначального идейного замысла, но и от художественных усовершенствований последней переработки. Тем не менее, датируя окончательный текст «Демона» 1841 годом, мы в то же время не должны забывать, что седьмая редакция, в которой Лермонтов хотел печатать поэму, была написана в 1838 году, по возвращении из Грузии.

В 1838—1839 годах начата и закончена работа над «Героем нашего времени». Одновременно, в августе 1839 года, написана поэма о Мцыри. В это же время созданы стихотворения «Поэт», «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского», «Казачья колыбельная песня», очевидно, «Не плачь, не плачь, мое дитя», темы и образы которых зародились тогда, в путешествиях 1837 года. Но настоящего творческого итога мы представить себе все же не можем, потому что почти все стихотворения, написанные в том году на Кавказе, погибли. «По мере того как он оканчивал, пересмотрев и исправив, тетрадку своих стихотворений, он отсылал ее к своим друзьям в Петербург, — писала в 1858 году поэтесса Ростопчина, отправляя гостившему в то время в России Александру Дюма составленную для него записку о Лермонтове.— Эти отправки причиной того, что мы должны оплакивать утрату нескольких из лучших его произведений. Курьеры, отправляемые из Тифлиса, бывают часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть в горные потоки или пропасти, через которые они переправляются на досках или переходят вброд, где иногда, чтобы спасти себя, они бросают доверенные им пакеты, и таким образом, пропали две-три тетради Лермонтова»¹.

Рассказанная Ростопчиной история гибели лермон-

¹ Е. П. Ростопчина, «Записка о Лермонтове». В книге: Е. Сушкова. Записки. «Academia», 1928, стр. 349.

товских тетрадей не вызывает сомнений. Тем более что из стихотворений, написанных на Кавказе в 1837 году, до нас дошло только одно: «Спеша на север из далека». В пользу датировки этого стихотворения 1837 годом говорит не только самый текст, в котором поэт старается предугадать, что ожидает его на родине, но и записанные на обороте листа имена Майко и Маи. Правда, к стихотворениям 1837 года относят «Кинжал», но «Кинжал» написан, видимо, в следующем, 1838 году: черновой автограф его находится на обороте листа с посвящением к «Тамбовской казначейше», а «Посвящение» к этой поэме написано, безусловно, в 1838 году.

«Если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь», — писал Лермонтов из Грузии Святославу Раевскому.

Это — очень важное признание. Значит, еще не выехав из Грузии, Лермонтов уже хорошо представлял себе, как много дал ему этот год, как он расширил его кругозор, как способствовал его созреванию и росту.

Год спустя он уверял того же Раевского: «если поедешь на Кавказ — вернешься поэтом...»

Это желание снова побывать на Кавказе не оставляло Лермонтова. «Просился на Кавказ, — жаловался он в 1838 году М. А. Лопухиной, — отказали...»

Кавказский материал в произведениях Лермонтова был результатом не случайных наблюдений ссыльного офицера, а результатом никогда не ослабевавшего интереса Лермонтова к Кавказу, к его поэзии, его истории, к судьбам кавказских народов.

Поэтому сообщение поэта о том, что он начал учиться по-татарски, заключало в себе важный смысл.

В условиях кавказской войны это был язык, связующий многие национальности («как французский в Европе»). Писателю, собиравшемуся работать над кавказскими темами, чтобы не ограничиваться внешними наблюдениями, было важно знать именно этот язык. Слова Лермонтова: «жаль сейчас не доучусь, впоследствии могло бы пригодиться» доказывают, что еще в 1837 году у него возник какой-то замысел, для которого могло пригодиться знание азербайджанского языка.

Это был замысел романа о кавказской войне.

ЗАМЫСЕЛ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЙ ТРИЛОГИИ

Во второй статье о «Герое нашего времени», явившейся в то же время и некрологом Лермонтова, Белинский с грустью сообщал:

«Он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собой связь и некоторое единство...»¹

Об этих планах Лермонтов рассказывал Белинскому в последний приезд в Петербург.

Продолжал он обдумывать их и в Пятигорске. И по дороге к месту дуэли с Мартыновым с увлечением рассказывал секунданту, корнету Глебову, планы двух задуманных им романов: «одного из времени смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене, и другого — из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой среди которой погиб Грибоедов в Тегеране»².

Планы, которыми Лермонтов поделился с Глебовым, — это замыслы второго и заключительного романа той самой трилогии, о которой пишет Белинский.

Через несколько минут после разговора с Глебовым эти замыслы были убиты. Не осуществилась замечательная эпопея, ибо план только одного из трех романов «из времени смертельного боя двух великих наций» уже в какой-то мере предвосхищал тему «Войны и мира».

Замысел заключительного романа связан с Тифлисом, с имением Чавчавадзе «Цинандали», с Нижегородским полком. Тифлис при Ермолове был бы воссоздан по рассказам Ахвердовой, Чавчавадзе, старых кавказцев, встреченных в Грузии; персидская война — по

¹ В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов. Статьи и рецензии. Л., ГИХЛ, 1940, стр. 210.

² П. К. Мартыанов, «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова». «Исторический вестник», 1892, № 4, стр. 90.

рассказам однополчан: нижегородцы отличились в этой войне.

О Грибоедове Лермонтов беседовал, конечно, с Александром Одоевским, которого с автором «Горя от ума» связывала жаркая дружба. Слышал он рассказы о Грибоедове от Нины и от отца ее, многое знал от Ахвердовой. От них же были известны ему подробности тегеранской катастрофы. Да и вообще Грибоедова многие помнили в Тифлисе в ту пору, когда туда прибыл Лермонтов. Словом, материал для этого заключительного романа — воспоминания современников, очевидцев — был в его распоряжении огромный.

Можно без преувеличения сказать, что если бы Лермонтов успел осуществить эту трилогию, то не только обогатил бы русскую литературу замечательным произведением, но оказал бы еще более значительное влияние на все дальнейшее развитие русской литературы. Трудно назвать другую эпопею, столь обширную по охвату исторического материала.

В первой части трилогии («века Екатерины II») Лермонтов изобразил бы, вероятно, походы Суворова или вернулся бы к теме пугачевского восстания, над которой работал в юношеском «Вадиме». Вторая часть трилогии была бы романом об Отечественной войне: Лермонтов, видимо, хотел воплотить в ней события, связанные с Бородинским сражением и оставлением Москвы («действия в сердце России»), взятием Парижа и заключил бы ее, очевидно, Венским конгрессом («развязкою в Вене»). Третий роман должен был охватывать события кавказской войны в эпоху, последовавшую за восстанием 14 декабря 1825 года (Ермолов, персидская война, гибель Грибоедова). «Три романа из трех эпох русского общества», о которых Лермонтов говорил Белинскому, были, таким образом, приурочены ко временам пугачевского восстания, Отечественной войны и восстания декабристов. Судя по этому, можно предполагать, что трилогия была задумана как эпопея о трех поколениях, принимавших участие в великих событиях, знаменовавших собою три эпохи.

На Кавказе служили многие участники Отечественной войны и заграничных походов, тянули солдатскую

лямку разжалованные декабристы-офицеры; служили сотни рядовых — участников декабрьского восстания — матросы гвардейского экипажа, солдаты полков, вышедших на Сенатскую площадь, и Черниговского полка, поднявшего восстание на Украине; прогнанные сквозь строй, они были отправлены в Кавказский корпус. В Кавказской армии хранились живые предания о славных победах русских войск и о трагедии, разыгравшейся на Сенатской площади в Петербурге. В Кавказской армии не умирали суворовские традиции, имя Ермолова произносилось в армии с уважением, как символ демократизма и свободомыслия.

Работа Лермонтова над кавказским фольклором и кавказской темой связывалась с работой над темой исторической. Кавказ оказывался для него неисчерпаемым источником и вдохновения и материала. Лермонтов совершал путь к историческому повествованию, в котором кавказская тема ложилась в основу большого исторического романа о событиях едва минувшего времени. Вероятно, в свете исторического сопоставления и современность в романе о кавказской войне оказалась бы осмысленной исторически.

Теперь мы понимаем, как значителен был этот замысел и какую большую роль в его зарождении сыграло пребывание Лермонтова в Грузии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

„ШЕЛКОВОЕ“

То, о чем сейчас пойдет речь, прямого отношения к пребыванию Лермонтова в Грузии не имеет. Тем не менее без этого не будет вполне понятно, как использовал Лермонтов кавказские народные предания, песни, легенды, в какой мере преображал он фольклорный источник, что оставлял неприкосновенным.

На материале этой главы мы показываем, что фольклор был для Лермонтова объектом не подражания, не стилизации, а мерилom в отборе явлений жизни. И не только в таком произведении, как «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», связь которой с фольклором была очевидна и прежде, но и в «Дарах Терека», и в «Казачьей колыбельной песне», и в «Демоне», и в балладе «Тамара», и в «Бородине»... Находятся все новые доказательства «факта о кровном родстве духа поэта с народным духом» (Белинский).

Среди документов, поступивших в Тбилисский исторический архив из Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа, хранится неизданная рукопись старинных казачьих преданий, проливающая свет на возникновение одного из лучших стихотворений Лермонтова — «Дары Терека».

Но прежде чем перейти к содержанию рукописи, следует рассказать в связи с ней о гребенских казаках, об их песнях и о знакомстве Лермонтова с гребенским казачьим фольклором. Но еще раньше для этого следует заняться некоторыми неизученными эпизодами из жизни самого Лермонтова.

...Впервые Лермонтов увидел Кавказ в раннем детстве, когда бабушка Елизавета Алексеевна возила его на Кавказские воды и в имение своей сестры Екатерины Алексеевны Хастатовой.

Он побывал тогда на Кавказе трижды — в 1818, 1820 и 1825 годах. Везде стояли казачьи пикеты, переезды совершались не иначе, как под охраною пушки. Мальчик видел черкесов в мохнатых шапках и бурках, скачки джигитов, огненные пляски, хоро-воды, видел праздник байрама, слышал горские песни, легенды, предания.

О том, что представляли собою в ту пору Кавказские воды, мы имеем достаточно ясное представление. Можно считать, что круг первых впечатлений Лермонтова, полученных во время нахождения на Водах, выяснен довольно подробно. Но о поездках в имение Хастатовой и о самом имении не известно почти ничего.

Имение генеральши Хастатовой находилось на границе Чечни, на левом берегу Терека, выше станицы Червленной, и называлось Шелкозаводск, Шелководск, а еще чаще: «Шелковое».

В первой половине XVIII века Сафар Васильев, армянский купец из Кизляра, выстроил на этом месте шелковый завод для переработки шелка-сырца. «К работе из доброй воли» на заводе поселились и построили вокруг него слободу кизлярские грузины и армяне, томившиеся в иранском плену, выведенные оттуда Петром I во время Персидского похода и поселенные им на Тереке. С 1764 года завод стал собственностью обер-директора армянина Хастатова, потом взят в казну. Впоследствии работавшие на заводе грузины и армяне были причислены к государственным крестьянам, а сын обер-директора, Яким Васильевич Хаста-

тов, стал шелкозаводским помещиком¹. В последние годы царствования Екатерины II он женился в Москве на дочери богатого симбирского помещика Екатерине Алексеевне Столыпиной. Умер он в 1809 году в Петербурге². Известно, что Хастатов участвовал в штурме Измаила, в сражениях при Кинбурне, Фокшанах и Рымнике и удостоивался похвал самого Суворова³. В измаильском штурме вместе с Хастатовым участвовал Н. Д. Арсеньев — отец Ахвердовой. И почти наверное можно сказать, что Арсеньевы познакомились с Ахвердовыми через Хастатовых.

При Ермолове Шелкозаводское поселение было причислено к казачьим станицам, а жители его обращены в казачье сословие⁴.

Но даже и по прошествии полутора веков шелководские грузины не забыли свой родной язык и свои песни. В 1904 году композитор Д. И. Аракишвили, предпринявший специальную поездку на Терек, в станицы грузин казаков, записал в станице Шелковской, или Сарапани, как называли ее сами жители грузины, несколько кахетинских мелодий: «Алило» (рождественский гимн), «Перхули» (свадебную), «Супрули» (застольную), «Сатамашо» (плясовую), «Шавлего» (героическую), «Автандил гадвинадире...» («Автандил поохотился...») и любовную «Тетро кало, тетро мтредо» («Белая девица, белая голубка»).

Композитор обратил внимание, что в Шелковской грузины, кроме грузинского и русского языка, знали еще армянский и ногайский.

Станица Александроневская (или Аневская) близ Кизляра называлась вначале Сасоплы, или Саплы (от грузинского слова «сопели» — «селение»), и точно

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, т. I. СПб, 1869, стр. 159 — 160. Ср. В. А. Мануйлов, «Семья и детские годы Лермонтова», «Звезда», 1939, № 9, стр. 123.

² Записки А. М. Тургенева. «Русская старина», 1885, № 11, стр. 297. «Петербургский Некрополь», т. IV.

³ С. А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1949, стр. 76—78.

⁴ Г. А. Ткачев. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911.

так же была населена грузинами, сохранившими родной язык¹. Жили грузины и в Новогладковской станице².

Теперь понятно, почему пятнадцатилетний Лермонтов, написавший «Грузинскую песню» задолго до того, как в первый раз побывал в Грузии, сделал на полях примечание: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе». Он слышал подобное в Шелковской станице, где в те времена, кроме русских казаков, жили около 200 грузин и более 500 армян³.

В 1830-х годах военный топограф, обследуя гребенский участок кордонной линии, записал, что в станице Шелковской имеются одна греко-российская и одна армяно-григорианская церкви и спиртокурительный завод помещицы Хастатовой. Занимаясь виноделием и сельским хозяйством на землях, смежных с владениями Гребенского казачьего полка соседней станицы Червленной, генерал-майорша Хастатова получала ежегодно более 6000 ведер вина и 700 ведер виноградной водки. Она владела полуторатысячами десятин удобной земли, на которой работали 200 крепостных душ⁴.

Небольшой дом Хастатовых стоял возле самой станицы и был укреплен, наподобие казачьих постов, воротами, вышками и малым орудием, направленным в сторону Терека, на противоположном берегу которого виднелся чеченский аул Акбулат-Юрт.

Жители гребенских казачьих станиц, ожидая нападений, день и ночь стояли дозором на своем берегу и

¹ Д. Аракчиев (Аракишвили), «Поездка к казакам грузинам в Терскую область». «Этнографическое обозрение», 1904, № 4, стр. 164 — 168; М. А. Караулов. Говор гребенских казаков. СПб, 1902, стр. 2.

² «Терские казаки со стародавних времен». Исторический очерк. Сочинение Ивана Попко. Вып. I. Гребенское войско. СПб, 1880, стр. 419. прим. 209.

³ Г. А. Ткачев. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911, стр. 229 — 230.

⁴ «Описание Гребенского участка Кордонной линии, сделанное штабс-капитаном Калмбергом в 1834 году». В книге: И. Д. Попко. Терские казаки со стародавних времен. Вып. I; «Сборник общества любителей казачьей старины». Владикавказ, 1912, № 4, стр. 33 и 50.

часто отражали набеги больших и малых партий «абреков». «Особенно трудно, — пишет историк гребенского казачества, — было трем гребенским станицам: Червленной, Щедринской и Шелковской»¹.

Но Екатерину Алексеевну Хастатову это ничуть не смущало, к ночным вылазкам горцев она относилась с большим спокойствием. Родные рассказывали, что если ее пробуждал ночной набат, она спрашивала только: «Не пожар ли?» И если ей отвечали, что не пожар, а набег, она поворачивалась на другой бок и продолжала прерванный сон. По всей кордонной линии она была известна под названием «авангардной помещицы» и очень гордилась этим титулом².

Чтобы ясно представить себе быт гребенской казачьей станицы, надо только вспомнить повесть Л. Н. Толстого «Казачьи», в которой воспроизведена жизнь станицы Старогладковской в начале 1850-х годов. Но при этом следует иметь в виду, что Лермонтов впервые увидел все это на тридцать лет раньше, во времена Ермолова, когда линия крепостей на Тереке только закладывалась и казачьи станицы, выполняя роль передовых постов на Тереке, принимали на себя гораздо более сильные удары.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал.

В «Казачьей колыбельной песне» Лермонтов воплотил образы, усвоенные им самим с детства. Но выразить это просто и сдержанно, без излишней романтической приподнятости, он сумел только тогда, когда стал зрелым поэтом.

Возле станицы Шелковской, на месте обнесенного рвами старинного укрепления, виднелись валы с отверстиями четырех ворот, с остатками тридцати двух больших и двенадцати малых башен и следами водо-

¹ Г. А. Ткачев. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911, стр. 9 и 14—15.

² Из рассказов А. Д. Столыпина, записанных П. А. Висковатовым.

проводной канавы. Казаки именовали это место «Некрасовской крепостью» или «Мамаевым городищем», ногайцы называли его «Чигим-кала» — «брошенной крепостью» — и уверяли, что в иные ночи, припавши ухом к земле, можно слышать подземный гул¹.

Подальше, за станицей Старошедринской, находилось «Суншино городище», выстроенное на том месте, где в старину шел торговый путь, проходивший через Кумыкскую плоскость и хазарское поселение Маджары (где стоит ныне г. Буденновск), связывавший Персию с Крымом.

«Суншино городище» — это развалины первой русской крепости «Терки».

В 1559 году, приняв под свою руку «пятигорских черкасов», Иван Грозный послал на Терек, для помощи кабардинскому князю Темрюку, царское войско. Воеводы смирили шахмала тарковского и покорили тюменского князя Агиша.

Женившись на дочери Темрюка Идаровича, княжне Гуаше, в крещении Марии Темрюковне, царь Иван снова послал войско — на этот раз, чтобы защищать Темрюка от его подданных. Вот тогда-то русские люди и построили на Тереке, на правом берегу его, против самого устья Сунжи, первый царский городок «во владениях государева тестя».

За два с половиной столетия на крутых скатах валов выросли могучие дубы. Но, забравшись на гребень ската, верст на сорок по течению Терека, описывающего в этом месте крутую дугу, можно было видеть гребенские казачьи станицы.

Еще в 1555 году гребенские казаки послали в Москву, к Ивану Грозному, своих выборных. Царь простил казакам уход из новгородской и рязанской земли и пожаловал им терские земли навечно, подарил их, как поется в казачьей песне, «быстрым Терекком со притоками до синя моря до Каспицкого». И повсюду в станицах пелись и до сих пор поются

¹ Г. А. Ткачев. Гребенские, терские и кизлярские казаки, стр. 14 — 15.

старинные песни про Ивана Грозного, про Ермака, про Степана Разина, про «каменну Москву».

И в пензенском имении Арсеньевой, и на Тереке у Хастатовых, и в «Середникове» под Москвой Лермонтов с детства слышал народные песни — колыбельные и хороводные, любовные и величальные, ямщицкие, солдатские, «разбойничьи». Знал исторические песни. Восприняв эту живую историю народа вместе с первыми представлениями об окружающей жизни, сроднившись с ними, он потом с какою-то непостижимой легкостью воспроизвел не только стиль, но и самый дух народных песен в своей «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Но теперь уже незачем удивляться тому, что Лермонтов знал различные варианты исторических песен про царского шурина Матрьюка Темрюковича, когда, можно сказать, жил в его прежних владениях.

С малых лет воображение Лермонтова поражали рассказы о нравах и обычаях горцев, о кровной мести, о кровопролитных сражениях и схватках, о засадах, подстерегавших казаков на каждом шагу, о жителях ближайших за Терекком аулов — Акбулат-Юрта, Нового Юрта, Азамат-Юрта. Не потому ли Лермонтов назвал потом Азаматом брата Бэлы, который похитил ее для Печорина, и Акбулатом — одного из героев своей юношеской поэмы «Аул Бастунджи»?

В основу всех юношеских кавказских поэм и стихотворений Лермонтова легли эти первые, неизгладимые впечатления, этот виденный им в детстве край войны и свободы, этот подлинный сражающийся Кавказ.

Рассказы о войне, о горцах, об их нравах и быте Лермонтов слышал и от жителей станицы Шелковской, и от Хастатовых — от самой Екатерины Алексеевны, от ее сына Акима Акимовича, приходившегося ему двоюродным дядей, и от двоюродных теток. Одна из них, Анна Акимовна, была замужем за командиром Моздокского казачьего полка Павлом Ивановичем Петровым — тем самым, который до-

служился потом до должности начальника штаба войск на Кавказской линии и в Черномории и покровительствовал поэту в дни его первой ссылки. Другая дочь Хастатовой, Мария Акимовна, вышла замуж за «отставного штабс-капитана Павла Петровича Шенгеря из Кизляра». Кстати сказать, и сам генерал Хастатов происходил из Кизляра. И снова мы утверждаемся в том, что знакомство с «кизлярскими» Ахвердовыми пошло у Столыпиных и Арсеньевых через Хастатовых.

Впечатления, полученные Лермонтовым в ту пору, когда он маленьким мальчиком гостил в Шелкозаводском, пополнялись рассказами Хастатовых потом, когда они приезжали в Москву и в Петербург (Аким Акимович с 1828 года служил в столице, в лейб-гвардии Семеновском полку) и навещали бабушкины «Тарханы», саратовскую «Нееловку» Афанасия Алексеевича Столыпина, подмосковное столыпинское «Середниково», а позже пензенское имение Шан-Гиреев «Апалиху»; Елизавета Алексеевна Арсеньева уговорила племянницу Марию Акимовну переехать с Кавказа в Россию и поселиться с ней по соседству.

Теперь уже становится окончательно ясным, откуда было у Лермонтова такое изобилие кавказского материала в юношеских произведениях и такое точное знание кавказской войны. С. А. Андреев-Кривич на текстах «Измаил-бея» и «Аула Бастунджи» показал, что Лермонтов располагал богатым фактическим материалом. Но при этом не надо забывать, что горцев, их жизнь и нравы Лермонтов описывал не по собственным наблюдениям, а с чужих слов — по рассказам людей, весьма осведомленных, но смотревших на все это разными глазами. И сколько же нужно было воображения, как сильно должна была работать творческая мысль поэта, совсем еще юного, чтобы сплавить воедино все эти впечатления и дать кавказской войне новую, совершенно самостоятельную трактовку! В этой связи можно вспомнить слова Пушкина, сказанные им по поводу своего «Кавказского пленника», случайно попавшего ему в руки на

станции Военно-Грузинской дороги, по пути в Арзрум. «Признаюсь, перечел его с удовольствием, — отметил Пушкин. — Все это молодо, многое неполно, но многое угадано». И дальше в рукописи вычеркнутые слова: «Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо изобразить нравы и природу виденного мною издали»¹.

Если это удивляло самого Пушкина в его «Кавказском пленнике», то еще более должно удивлять нас в юношеских кавказских поэмах Лермонтова. В своих юношеских поэмах он изобразил Кавказ конкретнее, чем Пушкин в «Кавказском пленнике». Даже трудно себе представить, как сумел он с таким правдоподобием, с такой точностью изобразить и природу, и нравы, и историю виденного им издали, да еще детскими глазами. Ведь жизнь по ту сторону Терека была известна ему только со слов других! Это, понятно, не означает, что по художественным своим достоинствам ранние поэмы Лермонтова могут идти в сравнение с пушкинским «Пленником». Нет, хотя многое в «Ауле Бастунджи», в «Хаджи Абреке» и особенно в «Измаил-бее» прекрасно, тем не менее они очень еще далеки от совершенств пушкинской поэмы и зрелых вещей самого Лермонтова.

Но вот в 1837 году Лермонтов снова попадает на Кавказ и уже возмужавшим человеком, со сложившимися общественно-политическими взглядами, наблюдает быт и нравы кавказских народов, находясь в их среде, из первых рук знакомится с их историей и поэзией и, как поэт и как участник войны, постигает Кавказ во всей совокупности и прежних и новых впечатлений. Он снова побывал там, где, по словам Огарева, «со времени Ермолова не исчезал приют русского свободомыслия, где, по воле правительства, собирались изгнанники, а генералы, по преданию, оставались их друзьями»². Он соприкоснулся на Кавказе с народом. В казачьих станицах, в провинциаль-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8, полнотом 2. М., Издательство Академии наук СССР, 1940, стр. 1040.

² Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, [М.], Госполитиздат, 1952, стр. 403.

ных кавказских городишках, в укреплениях на Линии, в поездках от Кизляра до Тамани, «то на перекладной, то верхом», потом — в Закавказье он видел людей совсем иного социального круга, чем тот, в котором прошли в Москве и в Петербурге его юные годы. Ведь наблюдения последних лет ограничивались для него казармами лейб-гусарского полка и светскими гостиницами Петербурга. От этого зависели, в известной степени, и выразительные средства его поэзии. И если, скажем, Лермонтов был очень конкретен в изображении светской жизни в «Маскараде» или в «Княгине Лиговской», то в «Боярине Орше» условно все — и нравы, и костюмы, и гримы, и XVI век, и русско-литовская граница.

Кавказ помог Лермонтову связать с живой действительностью замыслы «Демона» и «Мцыри», вдохновил его на создание «Героя нашего времени», стал важной ступенью на пути его к реализму, определил темы многих будущих сочинений. Вот одна из причин, почему с 1837 года начинается творческая зрелость Лермонтова. Конечно, прежде всего, зрелость была следствием необычайно возросшего общественно-политического сознания, причем огромную роль сыграли в этом и гибель Пушкина, и смелое решение выступить с протестом против его убийства, и ссылка, и окончательное решение печататься, то есть перейти от борьбы внутренней к активной борьбе на литературно-общественном поприще. Мы часто говорим о людях нашего времени, что они «растут на работе». Пожалуй, ни на ком из писателей прошлого так ясно не видно это, как на творчестве Лермонтова. Как возрос, и возмужал, и окреп он, когда его поэзия стала общественным событием, когда его голос зазвучал на всю Россию, а мерилom в оценке его творений стало для него мнение широких кругов читателей, а не только свое собственное и узкого круга друзей!

Но кроме того, зрелость пришла и потому, что Лермонтов вернулся с Кавказа с запасом новых, богатейших впечатлений. Потому-то Белинский и писал, что Кавказ сделался «его поэтической родиной, пламенно любимую им», что «на недоступных вершинах

Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнасс; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену»¹.

Белинский имел при этом в виду зрелые, а не юношеские произведения Лермонтова, которых в ту пору не знал. Для него было ясно, что Кавказ сделался «колыбелью поэзии» Лермонтова после ссылки за стихи на смерть Пушкина.

Читая статью Белинского, мы должны помнить что, говоря о Кавказе, ставшем колыбелью лермонтовской поэзии, великий критик имел в виду не одни «Дары Терека», но прежде всего «Мцыри» и «Демона», по поводу которых он и писал это. Отсюда видно, какое значение придавал Белинский кавказским впечатлениям Лермонтова, а тем самым — можем мы сделать вывод — его пребыванию в Грузии.

НА ТЕРЕКЕ В 1837 ГОДУ

В 1837 году Аким Акимович Хастатов в чине поручика лейб-гвардии Семеновского полка состоял адъютантом при начальнике штаба войск Кавказской линии в Ставрополе. Там, значит, Лермонтов и встретился с ним, когда следовал через Ставрополь в Нижегородский драгунский полк.

Прослужив несколько лет в Семеновском полку, в Петербурге, Хастатов с 1832 по 1835 год находился в отставке, жил в своем Шелкозаводском и, выезжая на Линию вместе с казаками на все тревоги, прослыл отчаянным храбрецом. Гарцевал он под пулями в штатском платье, в круглой соломенной шляпе, без оружия, с одним хлыстиком, немало удивляя своим видом казаков и, очевидно, еще более удивляя чеченцев, для которых он служил отличной мишенью. На своих визитных карточках, гордясь тем, что живет на «переднем крае», Хастатов писал вместо звания:

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под редакцией С. А. Венгерова. т. VI. СПб, 1903, стр. 60.

«Передовой помещик Российской империи». Вообще о нем ходило множество анекдотов.

В 1835 году он снова определился в Семеновский полк, но с назначением состоять адъютантом начальника штаба линейных войск в Ставрополе¹. Эту должность, как мы знаем, занимал в то время генерал-майор Павел Иванович Петров, женатый на сестре Хастатова.

А. П. Шан-Гирей, приходившийся Хастатову родным племянником, рассказывал П. А. Висковатову, что во время первой ссылки Лермонтов гостил у Хастатова в Шелкозаводском. Значит, в 1837 году поэт снова побывал в тех местах, которые видел в детстве. Передавал Шан-Гирей также, что в основу рассказа «Бэла» положено «происшествие, бывшее с Хастатовым, у которого действительно жила татарка этого имени». Говорил, будто бы в «Фаталисте» Лермонтов описал случай, происшедший с Хастатовым в станице Червленной, когда тот ворвался в хату, в которой заперся пьяный казак, вооруженный пистолетом и шашкой².

Но даже и без этого ясно, что поэт не мог не побывать в Червленной и Шелковской, раз он начал свое путешествие «вдоль Линии» от Кизляра. «Линия», как известно, проходила по Тереку. От Кизляра до Шелковской считалось 58 верст. Путешествуя от Кизляра, Лермонтов неизбежно должен был проезжать через станицы. Мы же знаем, что он там гостил у Хастатова, — очевидно, просто поехал туда вместе с ним.

Эта поездка обогатила русскую литературу «Казачьей колыбельной песней» и «Дарами Терека», а кроме того, дала Лермонтову богатый материал для «Бэлы» и «Фаталиста».

¹ П. Дирин. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб, 1883, т. II, Приложения, стр. 173; А. М. Дондуков-Корсаков, «Воспоминания». «Старина и новизна», VI, стр. 90; Г. А. Ткачев. Гребенские, терские и кизлярские казаки. стр. 69.

² М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, под редакцией П. Висковатова, т. VI. М., 1891. Биография, стр. 263.

«Мне как-то случилось прожить две недели в казачьей станице, на левом фланге. Тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты».

Так начинается «Фаталист»¹.

Пребыванию Лермонтова в Червленной и Шелковской мы обязаны упоминанием в этой повести о казачках, «прелесть которых трудно постигнуть, не видав их», и описанием ночной станицы, когда Печорин возвращается домой пустыми переулками после пари с Вуличем и месяц, «полный и красный, как зарево пожара», показывается «из-за зубчатого горизонта домов».

Казачья станица описана в «Фаталисте» необычайно скупно, а между тем лермонтовское изображение остается в памяти на всю жизнь и другими описаниями не вытесняется.

«Убийца заперся в пустой хате, на конце станицы, — пишет Лермонтов в «Фаталисте». — Мы шли туда. Множество женщин бежало с плачем в ту же сторону; по временам опоздавший казак выскакивал на улицу, второпях пристегивая кинжал, и бегом опережал нас»².

Действие «Бэлы» происходит за Терекон, на левом фланге кордонной линии «в крепости у Каменного брода».

Это не выдуманно: Лермонтов называет конкретное место. Крепость находилась на Аксае, в 18 верстах от Шелковской станицы, за переправой, и называлась «Таш-кичу», или «Каменный брод». Выстроена она была при Ермолове, одновременно с крепостью «Внезапной», и обеспечивала линию, шедшую по рекам Аксай и Акташ, от набегов чеченцев.

Все это хорошо известный Лермонтову район гребенских станиц. Недаром Печорин посылает нарочного за подарками в Кизляр («Бэла»), а потом отлучается в казачью станицу («Фаталист»).

Из книг и рукописей по истории гребенского ка-

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 312.

² Там же, стр. 319.

зачества, из воспоминаний участников кавказской войны можно почерпнуть богатый материал, но даже и приблизительно нельзя себе представить, как близко все это одно от другого — Кизляр, Шелковская, Червленая, крепость за Каменным бродом, долины Аргуна и Ассы, описанные в «Измаил-бее», Грозная, откуда Лермонтов в 1840 году отлучался в казачьи станицы. От Шелковской до Гудермеса (бывш. Алхан-Юрт на Сунже) — около тридцати километров, до Хасав-Юрта — около тридцати двух.

Это стало понятно мне после того, как удалось побывать на Тереке, проехать через станицы в Кизляр, послушать рассказы старожилов, особенно доктора Степана Петровича Ларионова в станице Шелковской.

Нынешняя Шелковская стоит не там, где она находилась при Лермонтове. Жители ее отселились на новое место — в четырех километрах от Терека — после наводнения 1885 года. Наследники Акима Акимовича Хастатова продали тогда имение переселенцам, и на землях хастатовской усадьбы возник хутор Харьковский. Но и сейчас в густом лесу можно еще найти места, где было Шелкозаводское поселение, станица, кладбище, усадьба Хастатовых.

Идешь через чинаровый и карагачевый лес, обвитый плетями дикого винограда, бесконечной кажется непроходимая чаща, темная зелень, поляны, окруженные терном и ежевичником, заросшие травой дороги, в полтора человеческого роста камыш с сухими метелками. И вдруг — внезапный простор: плавное, быстрое течение Терека, широкого, как в половодье, с глянцевитой поверхностью тяжелой, словно густой воды. А за Тереком — горы, тоже уже знакомые нам через Лермонтова, а потом через Льва Толстого.

Недаром «Шелковое» звалось «земным раем». И понятно, почему Лермонтов так привязался к этим местам на всю жизнь.

Сохранилось предание, что «Казачью колыбельную песню» Лермонтов написал в станице Червленной. Рассказывают, что, войдя в хату, где ему отвели квартиру,

он застал там молодую красавицу казачку Дуньку Догадиху, напевавшую песни над колыбелью сына своей сестры. И будто бы эта встреча вдохновила Лермонтова на создание его замечательного стихотворения¹.

Допустим, что в действительности этого даже и не было. А если и было, то все равно мы должны помнить, что, кроме песен, Лермонтов знал нравы и быт гребенских казаков и что его «Песня» не подражание народной, а обобщение самых разнообразных впечатлений. Но бесспорно, что воплощены эти впечатления в духе народной поэзии. Недаром жители Червленной считали, что Лермонтов написал «Казачью колыбельную песню», услышав в их станице подлинные казачьи песни. Если бы они не почувствовали этого внутреннего сродства лермонтовской песни с их собственными, не возникло бы предание о том, как, услышав пение казачки, Лермонтов тут же, пока вносили в хату его вещи, присел к столу и набросал на клочке бумаги свою «Колыбельную песню», да еще, окликнув казака Борискина, прочел ему эту песню, чтобы услышать его мнение².

Это предание имеет несколько вариантов, — значит, оно очень устойчиво и основано, очевидно, на действительном случае.

У гребенских казаков весьма популярны песни на слова Лермонтова, в том числе и «Казачья колыбельная песня». Как известно, чуждые слова и книжные обороты в песнях поэтов неизбежно подвергаются в народе замене или переделке, применительно к пению и живому народному языку. Однако составитель сборника «Песни гребенских казаков» специально отмечает, что «тексты лермонтовских стихов в фольклорном бытовании не подвергаются существенным изме-

¹ Г. А. Ткачев. Станица Червленная. Владикавказ, 1912, стр. 116 и 211 — 212.

² П. Кулебякин, «Из местных воспоминаний о М. Ю. Лермонтове». «Терские ведомости», 1886, № 14, стр. 2. Перепечатаны: «Петербургская газета», 1886, № 63; Г. А. Ткачев. Станица Червленная, стр. 116. Ср. Л. Семенов. Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914, стр. 119, 423 — 424.

нениям»¹, — новое доказательство, что образы и эпитеты лермонтовских стихотворений сродни гребенским песням.

Каким же песням гребенских казаков сродни «Казачья колыбельная» Лермонтова? Заглянем в примечания к полным собраниям сочинений и в специальную лермонтовскую литературу.

ИСТОЧНИКИ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ПЕСНИ

В качестве главного источника «Казачьей колыбельной песни» в примечаниях к полным собраниям сочинений до самого последнего времени называлось «Песнь над колыбелью ребенка вождя» Вальтер Скотта. Первым заявил об этом С. Шевырев в статье, направленной против Лермонтова и напечатанной еще при жизни поэта². С тех пор это «наблюдение» Шевырева путешествует из книги в книгу в продолжение целого столетия. Французский исследователь Э. Дюшен совершенно уверенно, словно результат научных изысканий, сообщает в своей книге, что «вдохновителем» этой песни Лермонтова «является, главным образом, Вальтер Скотт». Эта оговорка — «главным образом» — прибавлена только потому, что, кроме Вальтер Скотта, Дюшен предлагал считать вдохновителем этого стихотворения и Полежаева³.

Кроме Вальтер Скотта и Полежаева, в качестве источников «Казачьей колыбельной песни» назывались и «Кавказский пленник» Пушкина, и «Тарас Бульба» Гоголя. Последняя вещь — потому, что в ней имеется образ матери-казачки, провожающей на войну сыновей⁴.

¹ «Песни гребенских казаков». Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, стр. 303, примечание 79.

² «Москвитянин», 1841, ч. II, № 4, стр. 534.

³ Э. Дюшен. Поэзия М. Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западноевропейским литературам. Перевод с французского. Казань, 1914, стр. 25. (Французское издание вышло в Париже в 1910 году.)

⁴ М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 202.

В данном случае ссылки на литературные источники особенно неубедительны потому, что в стихотворении воспроизводится то, что заведомо было известно Лермонтову помимо всяких литературных источников. Совершенно ясно, что образ матери-казачки, провожающей на войну сына, возник у кавказского офицера Лермонтова независимо от чтения Гоголя, а тем более Вальтер Скотта. И не из Пушкина, а из самой действительности заимствован им «злой чечен», переплывающий Терек. Как мы уже видели, Лермонтов с детских лет имел еще более точные представления о «злых чеченах», чем Пушкин.

Однако другие исследователи Лермонтова, изучавшие его поэзию в связи с русским фольклором, справедливо считали, что в создании «Казачьей колыбельной песни» более важную роль сыграло знакомство поэта с народными казачьими песнями. Еще в 1914 году Н. М. Мендельсон в очень хорошей статье «Народные мотивы в поэзии Лермонтова» писал, что, «вращаясь среди казаков, верных хранителей старой песни, поэт вновь прикоснулся в чистому роднику народной поэзии и создал «Казачью колыбельную песню» и «Дары Терека»¹. Тогда же другой исследователь, Л. П. Семенов, в книге «Лермонтов и Лев Толстой» сравнил лермонтовскую «Казачью колыбельную» с гребенской песней, в которой рассказывается о матери-казачке, качающей колыбель сына:

Как у нас-то было на тихом Дону,
Что у нас-то было во зеленом саду,
Что под грушею было, грушею зеленою,
Под яблоней было, яблоней кудрявою,
На цветочках было на лазоревых,
На травушке было на шелковенькой,
На кроватушке было на тесовенькой,
На перинушке было на пуховенькой —
Что мать сына воспроизодила,
Что белою грудью мать сына вскормила.
Пеленала мать сына в пеленочку камчату,
Что качала мать сына в зыбочке кипарисовой,

¹ Н. М. Мендельсон, «Народные мотивы в поэзии Лермонтова». «Венок Лермонтову». М., 1914, стр. 193.

Берегла-то мать сына от ветра, ст вихоря,
Берегла-то мать сына от солнышка от красного,
Берегла мать сына от сильных дожδικов,
Не уберегла мать сына от службицы государевой.

Семенов считает, что «Казачья колыбельная песня» Лермонтова очень близка к этой гребенской песне «по содержанию и стилю»¹.

С этим согласиться довольно трудно.

Исследователь совершенно прав, когда утверждает, что знакомство с казачьими песнями в создании лермонтовского стихотворения сыграло важную роль. Но пример его совершенно неубедителен.

Прежде всего, едва ли нужно отыскивать какой-то определенный источник лермонтовского стихотворения. Чем больше знакомишься с песнями гребенского казачества, тем более становится ясной близость лермонтова к этим песням. Но стоит только ограничиться какими-нибудь определенными песнями — и сходство сразу становится неощутимым. Прочитанные подряд песни гребенцов необычайно полно воссоздают их былую жизнь — с военной службой, с разлукой, походами, войнами, героическими подвигами казаков и гибелью вдаль от родной станицы. Вот это и сумел уловить Лермонтов в «Казачьей колыбельной» и в «Дарах Терека».

Однако было бы ошибкой полагать, что строки:

Я седельце боевое
Шелком разошью... —

Лермонтов позаимствовал из гребенских песен. Расшитые шелком седла и вороных коней он видел в гребенских станицах собственными глазами. Но важно, что из своих впечатлений он отобрал те же, что отбирает народная песня.

Милый пришлет поклон верный,
Коня вороного,

¹ Л. Семенов. Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914, стр. 422. Ср. его же. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 80.

Седельце ново,
Что седельце ново
Зеленого шелку,
Зеленого шелку, шелку,
Гребенского полку¹.

Эта песня поется в Червленной, но верность Лермонтова казачьим песням может быть обоснована только всем песенным обиходом гребенского казачества, потому что «Казачья колыбельная песня» представляет собою художественное обобщение и похожа она не на одну и не на три, а на многие казачьи песни.

НЕРЕШЕННЫЙ ВОПРОС

Вот что писал уже упомянутый нами Э. Дюшен о «Дарах Терека»:

«Известна склонность В. Гюго одушевлять видимую природу: леса, скалы, реки, горы — все это имеет у него свой голос. Подобное предрасположение всегда было неиссякаемым источником мифов. Через олицетворение, — которое гений В. Гюго предохранил от холодности, свойственной олицетворениям классической литературы, — он выводит на сцену реку, гору и заставляет их говорить... От двух стихотворений Лермонтова — «Даров Терека» (1839) и «Спора» (1841) — не отказался бы и Виктор Гюго: мы полагаем, — делал вывод Дюшен, — что эти два стихотворения написаны под влиянием работы воображения, столь характерной для В. Гюго, и что «Разгневанный Дунай» внушил и подсказал их Лермонтову...»²

Из этой похвалы (от «Даров Терека» и от «Спора» не отказался бы и В. Гюго) может следовать только один вывод: что Лермонтов — способный ученик Виктора Гюго.

Не опровергая выводов Дюшена, исследователи Лермонтова (Л. П. Семенов, Б. М. Эйхенбаум) утвер-

¹ «Песни гребенских казаков». Грозный, 1946, стр. 123, 181 — 182.

² Э. Дюшен. Цит. соч., стр. 139.

ждают, однако, что источником лермонтовской баллады послужил также и местный фольклор, что «Дары Терска» восходят к песням гребенских казаков»¹. Но при такой постановке вопроса — наряду с Гюго — самый фольклор оказывается одной из разновидностей литературных источников. К тому же остается совершенно неясным, к каким песням гребенских казаков восходит лермонтовское стихотворение, а главное — в чем сказалась эта близость к фольклору. Вопрос этот в специальной литературе поставлен уже давно, но совершенно не разработан.

Н. Мендельсон в статье «Народные мотивы в творчестве Лермонтова» привел гребенскую песню о Терке Горыниче, что «прорыл-прокопал горы крутые» и «упал во синее море, во Каспийское»:

Ой, ты, батюшка, наш батюшка,
Быстрый Терек Горынич!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая!
Ты прорыл-прокопал горы крутые,
Леса темные;
Ты упал, Терек Горынич, во синее море,
Во Каспийское;
И на устье ты выкатил бел горячий камень.
Тут и шли, прошли гребенские казаки со
батальицы,
Что с той-то батальицы со турецкой.
Не дошедши они до белого камушка становилися;
Становилися они, дуван дуванили.
Что на каждого доставалось по пятьсот рублей,
Атаманушке с есаулами по тысяче;
Одного-то доброго молодца обдуванили:
Доставалась ему, добру молодцу, красная девица,
Как убор-то, прибор на красной девице — во
пятьсот рублей,
Русая коса — во всю тысячу,
А самой-то красной девице — цены нетути².

¹ М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 201—202; М. Ю. Лермонтов. Стихотворения, т. I. Вступительная статья, редакция и комментарии Б. М. Эйхенбаума. («Библиотека поэта», большая серия.) Л., «Советский писатель», 1940, стр. 334; Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, стр. 44.

² «Венок Лермонтову». М., 1914, стр. 194—195.

Л. П. Семенов указал на другую песню, в которой поминается о том, как

Надевали уздени-князя панцыри трехколечные
С налокотниками позлащенными¹.

Но обе песни довольно далеки от лермонтовской баллады, а главное — заключают в себе такие общие признаки, которые могли быть известны поэту помимо песен: кабардинцы не только в песне, но и в действительности носили позлащенные налокотники, у казачек бывают светлорусые косы и в жизни, и Терек впадает в Каспийское море не только в песнях. Судя по этому, Лермонтов мог описать в «Дарах Терека» непосредственные свои впечатления, стихотворение могло бы и не иметь фольклорного источника.

На самом деле предположения исследователей правильны, но в их руках не было достаточно убедительных аргументов. А между тем имеется хоть и косвенное, но все же очень точное подтверждение, что, наряду со многими другими наблюдениями, Лермонтова вдохновили на создание «Даров Терека» произведения народной поэзии.

Но, прежде чем познакомиться с этими произведениями народного творчества, попробуем выяснить, когда и кто их записывал.

ИСТОРИКИ ГРЕБЕНСКОГО ВОЙСКА

В 1876 году историк гребенского казачества И. Д. Попко, собирая материалы для книги «Терские казаки со стародавних времен», побывал в станице Ессентукской у родовитого гребенца, уроженца станицы Червленной, казачьего генерала Федула Филипповича Федюшкина. Это был большой любитель казачьей старины. В прошлом адъютант Гребенского полка, он много лет собирал копии боевых реликвий,

¹ Л. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 79—80; Е го ж е. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, стр. 43—45.

приказы, письма кавказских военачальников, — словом все, что касалось истории Гребенского казачьего войска.

В домашней библиотеке Федюшкина Попко обнаружил рукописный сборник казачьих преданий, «оставшийся, — как он пишет, — после человека науки, носившего серую солдатскую шинель и убитого в одной из вельяминовских экспедиций за Терекон в 1830-х годах».

Эту рукопись Попко получил в свое распоряжение, воспользовался ею в работе над своей книгой и назвал в числе источников в предисловии и в примечаниях¹.

Выпустив в свет первый том своего исследования, он задумал издать записи гребенского фольклора отдельной книгой: подготовил к печати тексты, снабдил их подробными примечаниями, но рукопись по каким-то причинам осталась ненапечатанной, попала после смерти Попко в Военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа в Тифлисе и теперь обнаружилась в фондах Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР².

В предисловии к сборнику Попко указал, что, кроме книг, он использовал в этой работе «записки г. Раздорского, который в 1843 году занимался собиранием материалов для составления историй гребенских казаков и Тюменской орды, но за смертью его, Раздорского, записки те остались незаконченными и были отправлены в числе прочих его бумаг к его родным».

В примечании указано, что поручик Кабардинского егерского полка Игнатий Раздорский был убит в деле с горцами на Кумыкской плоскости, близ деревни Андреевой, в 1844 году.

Как будто получается, что в руках Попко был и «рукописный сборник казачьих преданий», оставшийся

¹ И. Д. Попко. Терские казаки со стародавних времен. Вып. I, Гребенское войско. СПб, 1880, стр. ХLI; Г. А. Ткачев. Станица Червленая. Владикавказ, 1912, стр. 8.

² «Песни гребенских казаков, собранные Попко». Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, ф. 1087/4, д. № 727.

после «человека науки», носившего солдатскую шинель, а кроме того, «записки Раздорского», занимавшегося собиранием материалов для истории гребенского казачества.

Однако это не так. По всем признакам в распоряжении Попко были не две таких рукописи, а только одна. Очевидно, вначале он просто не знал, кем был составлен сборник, сохранившийся в библиотеке Федюшкина. А потом, работая над материалами, установил фамилию Раздорского и выяснил, что Раздорский служил не в «серой солдатской шинели», а поручиком в Кабардинском полку и, хотя погиб за Терек, но не в 1830-х годах, а в начале 1840-х. Если при этом учесть, что, изучая гребенское казачество, Раздорский интересовался историей Тюменской орды, которая существовала на Тереке еще до прихода русских казаков, то становится очевидным, что Попко имел все основания назвать составителя сборника казачьих преданий «человеком науки».

Можно считать установленным, что «рукописный сборник преданий» и «записки г. Раздорского», которыми пользовался Попко, — это одно и то же. На рукописи, хранящейся в Тбилисском архиве, имеется помета Попко: «Получено от генерала Ф. Ф. Федюшкина»¹.

Следовательно, эти записи относятся к началу 1840-х годов. Но даже если допустить, что, кроме записок Раздорского, Федюшкин передал Попко еще и вторую рукопись — сборник преданий, составленный политическим ссыльным в «солдатской шинели», то в этом случае записи Тбилисского архива следует отнести к еще более раннему времени — к 1830-м годам.

РУКОПИСЬ ТБИЛИССКОГО АРХИВА

Сборник Попко составляют исторические стихотворные сказы. Один из них — про Червлёный городок — начинается с описания гневного Терека, затоняющего казачьи хаты и виноградники.

¹ «Песни гребенских казаков, собранные Попко», л. 2.

Терек бурный, Терек страшный
Волны мечет с берегов,
Злобный вид его ужасный
Для казаков гребенцов.

Уже первые строчки невольно вызывают в памяти
«Дары Терека» Лермонтова:

Терек вое, дик и злобен.
Средь утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.

В сказе про Червлёный городок, так же как и в
лермонтовской балладе, Терек наделен человеческой
речью, народная фантазия дала ему характер и образ:

Терек бурный, Терек злобный,
Страшно близко подойти,
Только девицы решились
К нему с просьбою пойти.
И на месте, где теперя
Садик звездочкин стоит,
Там красотки свою просьбу
Так начали говорить:
— Здравствуй, Терек наш Горинич!
Здравствуй, батюшка родной!
Мы пришли к тебе, кормилец,
Просить милости слезой!
Уйми, славушка Горинич,
Страшных волн своих поток,
Что бесщадно сады топят
И родной наш городок!
Ведь мы дети твои, Терек,
И чтем имячко твое,
В песнях хвалим тебя славно,
Как бы счастье свое!

Девы бросают в волны венки и ждут ответа. Но
«Терек брови хмурил злобны», и тогда девы предлага-
ют ему подарок:

И за то возьми любую
Из нас деву для себя,
С бровью черной, статну, стройну
И румяну, как заря.

Заметим, что образ красавицы казачки, которую предлагают в дар Тереку, гораздо больше напоминает образы «Даров Терека», чем казаки, что «дуван дуванили», то есть делили добычу.

Терек отказывается от предложенного подарка. Улыбаясь, «ус свой длинный вверх поднял, рукой бороду погладил» и ответил, что веноч примет, «а девицы мне не нужно, старику». Он просит казачек, чтобы деды и отцы их пришли послушать его речь.

Потом вновь насупил брови
Суровый Терек на глаза
И смолк, как буря, из которой
Готова хлынуть вновь гроза.

Казаки выходят на берег, становятся полукругом и обращаются к нему со словами почтения.

«Терек был суров и страшен», «исподлобья смотрел грозно». Потом «поднял мрачны брови и глаза свои открыл» и, обратившись к казакам, стал вспоминать им их обиды:

И хазары и авары
Пили мои сладки воды;
Пили ее даже греки,
Скифы, гунны и маджары,
Орда сильна половецка,
И монголы, и татары,
И славяне не раз с битвы
Ко мне в гости заходили
И, воды моей напившись,
Благодарны уходили,
Но когда я называться
Дедом Тереком начал,
Тогда славных ваших предков
На жилье к себе принял.
Они были мне покорны
И довольны были мной,
Я за то их кормил рыбкой
И поил своей водой...

.

Вы, покинув мою воду,
Чихирь пьете каждый день,
И, на смех всему народу,
Предпочли вы труду лени!

С тех пор, как гребенцы стали ругаться над ним, что он «старый и горбатый, и смеяться над водой», Терек насылает на них наводнения.

Долгие споры с казаками кончаются тем, что казак Андрон Дмитрич плюнул в Терек.

Терек ахнул, увидавши
Эту дерзость от внучат,
Взволновался и зубами
Начал злобно скрежетать.
Брови хмурил, будто тучи
На глаза он напущал:
В глазах молнии сверкали,
Из уст гром загрохотал,
Когда волны за волнами
Выходили с берегов
Топить город и сады все
Внуков своих гребенцов.
— Затопите! — кричал Терек, —
Весь Червлёный городок
И, как жертву, унесите
Его в Каспий, на восток!

Но, «проводивши волны» топить «внуков городок» и «сады их, как бы в жертву, нести в Каспий, на восток»:

Шапку свою торопливо
Он насупил на глаза,
Чтоб от внуков скрыть, как будет
Литься с глаз его слеза,
И не дать бы им заметить
Чувство скорбное свое...

Заключительная часть песни «Червлёный городок» повествует о том, как к Тереку приходит «дедука вековой»:

С страны далекой навестить
Родной Червлёный городок,
Какой покинул он тогда,
Как Петр Великий на восток
Послал искать золотого дна.

В 1714 году сибирский губернатор донес Петру I о золотом песке, «находимом в Малой Бухарии». В своей незавершенной «Истории Петра» Пушкин писал: «О сем Петр сообщил бывшему тогда в Петер-

бурге хивинскому посланнику. Сей подтвердил тобольское известие и прибавил, что при реке Аму-Дарье находится таковой же золотой песок в Большой Бухарии. Сие подало повод к исследованию той страны, а со временем дало мысль о торговле с Индией»¹.

В 1716 году, желая выяснить возможность создания водного торгового пути в Индию, Петр снарядил экспедицию из 500 гребенских казаков, под командованием князя Бековича-Черкасского, к хану Хивинскому. Бековичу поручалось «осмотреть прилежно» течение Аму-Дарьи и «ежели возможно оную воду паки обратить в старый пас, к тому-же протчие устья запереть, которые идут в Аральское море»².

Другими словами, стремясь установить водный путь в Индию, Петр интересовался тем, нельзя ли повернуть воды Аму-Дарьи в Узбой и направить их в Каспийское море.

Экспедиция Бековича-Черкасского окончилась плохо. Самого Бековича, сняв с него живого кожу, хивинцы обезглавили, остальных перебили, но двое гребенцов уцелели — были проданы в рабство персиянам. Только через много лет удалось им бежать на родину.

И вот Червленого городка казак Иван Демушкин дошел «до брега Терека-реки» и не находит своего жилища:

Дед жадно ищет городка,
Он ищет признаков его,
Но, к скорби тяжкой старика,
Не видно было ничего.

Путник обращается к деду Гориничу, просит сказать, «куда девался городочек».

Терек в ответ жалуется на неблагодарных внучат, которых прогнал от себя. Он тешит себя мечтою, что

Из Хивы мои внуки
Скоро придут до меня.

¹ А. С. Пушкин. История Петра. Полное собрание сочинений. М., Издательство Академии наук СССР, 1938, т. X, стр. 10.

² И. Голиков. Деяния Петра Великого, изд. 2-е, т. VI. М., 1838, стр. 87—88.

И слышит от старого казака о том тяжком конце, который постиг его «внуков».

Песня подробно передает всю историю Хивинского похода. Описав гибель отряда, старый казак заключает свой невеселый рассказ:

— Вот что видел и что слышал,
Я все тебе передал,
И внучат своих из Хивы ·
Чтоб ты больше уж не ждал. —
Старик смолкнул и молитву
По убитым стал творить,
А Горинич по внучатам
Слезы начал рекой лить.

Попко ошибочно назвал это произведение песней. На самом деле это стихотворный сказ, в котором, одна-ко, широко использованы образы гребенских песен.

«Червлёный городок» заключает в себе более 900 строк, из которых мы привели здесь около ста. Сложен он в четких традициях солдатского и городского ремесленного сказа, известного еще с XVIII века и проходящего через весь XIX век. Вещь эта подлинная, народная, созданная, видимо, каким-то прамотным казаком, вернее всего — из рода того самого Ивана Демушкина, который вернулся на родину «вековым дедукой», лет шестьдесят спустя после того, как 500 гребенцов выступили в Хивинский поход.

Незадолго до его возвращения, в 1767 году, внезапное наводнение, затопило Червлёный городок и сады.

«Сего июля против 10 числа в ночи, — начиналось официальное донесение, — внезапно от воли божией из реки Терека прибывшая вода усиливалась течением через яр в степь в таких местах, где издревле течения и опасности никакой не было и никто не запомнит»¹.

Правда, на новое место червленцы перешли только после наводнения 1813 года, когда «векового дедуки» уже никак не могло быть в живых, но такого рода анахронизмы в народной поэзии — явление частое. Во вся-

¹ Г. А. Ткачев. Гребенские, терские и кизлярские казаки, стр. 53—54.

ком случае видно, что сказ возник уже после переселения, которое относится к 1816 году.

Итак, в его основе лежат подлинные события из жизни станицы Червленной, а возник он как раз в те самые годы, когда Лермонтов ребенком гостил у Хастатовых в Шелкозаводском. Легко представить, сколько рассказов слышал он вокруг об этом последнем разливе Терека: несколько станиц отселились тогда на новые места. Следовательно, не только произведения народной поэзии, но и живые рассказы очевидцев были той основой, на которой возникли потом «Дары Терека».

Письменные стихотворные сказы — малоисследованная область народного творчества. Тем не менее, выяснено, что они всегда строятся на использовании песенных образов. Заподозрить подделку в данном случае невозможно. Поэты и собиратели стремились подделаться под песни, а этот жанр народной поэзии у литераторов и ученых уважением не пользовался.

Допустим, что текст этого повествования записан неточно. Пусть он даже подправлен собирателем: скифы, хазары и гунны смутили Б. В. Неймана и А. В. Попова. Тем не менее народная основа этого стихотворного предания не вызывает никаких сомнений.

Допустить влияние образов лермонтовской баллады на этот сказ невозможно: хотя он, может быть, и написан в 1843 году, то есть после того, как «Дары Терека» появились в печати. Но стоит только вспомнить его форму, объем, историческую достоверность событий — и сомнение будет отвергнуто.

Но кем бы ни было создано стихотворное повествование о Червленом городке и каково бы ни было качество записи — безусловно одно: этот сказ основан на местных преданиях и легендах. А это для нас, в данном случае, самое главное¹.

Действительно, описывая в своей книге «Терские казаки» опустошительные наводнения, Попко отмечает, что народная фантазия передает повесть об этих собы-

¹ Ценные разъяснения относительно этого сказа я получил от В. И. Чичерова.

тиях в поэтических олицетворениях. «Так, в станице Червленой, — продолжает он, — живет рассказ о самом разрушительном наводнении, украшенный всеми чарами эпопеи. В какой-нибудь праздничный вечер его можно подслушать на завалинке от вздыхающей по молодым годам мамуки, уже не грызущей семечек и забытой неблагодарными поклонниками».

Попко напечатал этот рассказ в своей книге под заглавием «Гнев Терека Горынич (Легенда)»¹.

«С ранней весны, — начинается эта легенда, — начал сердито ворчать Терек Горынич да дуться на своих деток, гребенцов и гребеничек: замаяжились, говорит, они, писаных пряников захотели, не по старине святой жить учили. И вот, наконец, вышел он из берегов терпения, порешил прогнать их с глаз долой, — не то чтоб выделить по-божьему, с награждением, а просто вытолкать в три шея. Вскипел, запенился, мечет волну за волной на свой любимый Червлёный городок, хлещет в двери и окошки, ломит плетни, ворота, тиной заволакивает виноградники, посягает даже и на скит святой. Пошел войной не хуже чеченского абрека...»

Не будем приводить ее дальше, эту легенду. Последовательность событий в ней и содержание споров Терека с казачками и казаками совершенно совпадают со стихотворным сказом и отличаются от него только в деталях.

Как в стихотворном сказе, точно так же и в легенде, Терек очеловечен. Когда девицы отвесили ему поклон и «поклали венки на седую взъерошенную голову Горынич, — страсть какой он был гневный и сердитый, не сказал «аминь» и веночки прочь швырнул».

Интересно, что, желая умиловить Терек, казаки напоминают ему, что славят его в песне. Далее, в легенде идет текст уже известной нам песни:

Ах ты, батюшка наш, батюшка,
Быстрый Терек ты, Горыньевич!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.

¹ И. Д. Попко. Терские казаки со стародавних времен, стр. 223—241.

Впрочем, изложение легенды остается целиком на совести Попко, тем более, что он записывал ее, как сам признается, «с пятого на десятое»¹. Но и в данном случае качество записи для нас не существенно. Важно, что эта легенда бытовала в Червленной станице, что в произведениях казачьей поэзии — в легенде и в сказе — Терек одушевлен, наделен разумом, человеческим голосом и человеческими страстями. В поэтическом представлении гребенцев он и страшный, и бурный, и злобный, и суровый, то «насупит шапку» на глаза, нахмурит брови, и тогда в глазах его сверкают молнии, уста извергают гром. А то плачет — и из глаз его льются слезы.

Таков же он и у Лермонтова: «дикий», «злобный», «буйный», сердитый», а с Каспием говорит ласкаясь, «лукаво» и «приветливо». Разгневавшись, он тоже плачет, и тогда слезы его летят брызгами.

Таким образом, аллегорическое изображение гневной реки подсказано не балладами Виктора Гюго, а вдохновлено народными песнями и преданиями.

„ПОЭТИЧЕСКАЯ АПОФЕОЗА КАВКАЗА“

Между тем лермонтовед Б. В. Нейман, познакомившись с текстом «Червленной городка», почему-то решил, что я вижу источник лермонтовской баллады в записи поручика Раздорского, и возражает². Это — сплошное недоразумение. Никто и не утверждал подобного. Понятно, что Лермонтов записи Раздорского никогда и в глаза не видел. Да сама по себе эта запись в данном случае для нас и не существенна. Она нужна для того лишь, чтобы проследить по ней характерные образы гребенского фольклора. И действительно, мы убедились: в гребенских легендах и сказах Терек одушевлен и очеловечен. А что именно знал поэт, сказ или легенду, в детские ли годы довелось ему услышать

¹ И. Д. Попко. Терские казаки со стародавних времен, стр. 222.

² «Советская книга», 1952, № 3, стр. 96.

о гневе Терека Горьничка или во время скитаний по Кавказу в 1837 году, — это как раз не так важно. Теперь уже окончательно ясно, что поэт воспел старца Каспия и буйный Терек, изобразил их страсти и передал разговор, вдохновленный поэзией гребенского казачества.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.
Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви ¹.

Если при этом учесть, что в Кизляре и в казачьих станицах жила легенда, — так, очевидно, и оставшаяся незаписанной, — об утонувшей девушке, откуда будто бы пошло и слово «Кизляр» — название северного рукава Терека перед впадением его в Каспий (по-татарски: «кыз» — дева, «ляр» — потонувшая) ², то сродство лермонтовской баллады с гребенским фольклором становится очевидным еще более.

Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.

За поэтическим образом Терека, несущего свои жертвы дремлющему старцу Каспию, в лермонтовском стихотворении возникали образы свободолюбивых сынов Кавказа:

Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.

¹ М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 52.

² П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, т. I. СПб, 1869, стр. 151.

Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старую враждой,
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой.

Неполной была бы физиономия Кавказа, если бы Лермонтов не воспроизвел в «Дарах Терека» другой богатырский образ, олицетворивший закаленное в боях гребенское войско:

По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою.

Лермонтов не перепел народные песни, не пересказал их, не подражал им. Но, соприкоснувшись с жизнью гребенских казачьих станиц, он взгляделся в этих мужественных людей, соединивших в себе черты исконно русские с лучшими чертами кавказских народов, сроднился с их песнями и преданиями, в полном согласии с духом народной поэзии, одушевил явления природы и, дав, по выражению Белинского, «образ и личность ее немой и разбросанным явлениям», создал на основе песенных образов свое высокопоэтическое творение.

Недаром Белинский назвал «Дары Терека» поэтическою апофеозою Кавказа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

„КАВКАЗЕЦ“

В начале 1841 года для второго тома задуманного А. П. Башуцким сборника «Наши, списанные с природы русскими» Лермонтов написал небольшой очерк «Кавказец»¹ — об офицере кавказских войск. Сборник, очевидно по цензурным причинам, в свет не вышел, очерк Лермонтова остался ненапечатанным и был обнаружен только в 1929 году.

«Во-первых, — начинает Лермонтов, — что такое именно кавказец и какие бывают кавказцы?

Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних, то-есть при заезжих из России. Ему большею частью от 30 до 45 лет, лицо у него загорелое и немного рябоватое; если он не штабс-капитан, то уж верно майор. Настоящих кавказцев вы находите на Линии; за горами, в Грузии, они имеют другой оттенок; статские кавказцы редки; они большею частию неловкое подражание, и если вы между ними встретите *настоящего*, то разве только между полковых медиков».

Уже из этого отрывка видно, что Лермонтов решил

¹ Лермонтов, т. V, стр. 322—324.

развить в своем очерке образ штабс-капитана Максима Максимыча, в лице которого он отразил лучшие черты кавказского офицерства.

Лермонтов сознательно подчеркнул это сходство. Подобно доброму штабс-капитану, кавказец его молчалив, «сидит себе да покуривает из маленькой трубочки». Он, точно так же как и Максим Максимыч, возит с собой только чайник, «ровно и в жар и в холод», носит под сюртуком архалук на вате и на голове баранью папаху; у него, — по словам Лермонтова, — сильное предубеждение против шинели в пользу бурки.

В этом типическом портрете кавказца, так же как и в образе Максима Максимыча, Лермонтов показал скромного труженика войны — русского офицера. Он показал его человеком независимых убеждений, большой души, опромного жизненного опыта, показал его романтически влюбленным в Кавказ, исполненным живого интереса к той стране и к тем людям, среди которых он живет.

«Не зная истории России и европейской политики, — говорит о нем Лермонтов, — он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски...»

О горцах кавказец отзывается так же, как и Максим Максимыч: «хороший народ, только уж такие азиаты!»

В «Герое нашего времени» кавказец Максим Максимыч — случайный попутчик. Он замечательно рассказывает о своем сослуживце Печорине, трогательно передает грустную историю Бэлы, но читатель не многое узнает о его собственной жизни.

В очерке Лермонтов от начала до конца показывает служебный путь кавказского ветерана, восполняет недосказанное в «Герое нашего времени».

Любовь к Кавказу зародилась в нем еще в юности. «До 18 лет он воспитывался в кадетском корпусе и

вышел оттуда отличным офицером; он потихоньку читал в классах Кавказского Пленника и воспламенился страстью к Кавказу».

С десятью товарищами он отправляется туда на казенный счет «с большими надеждами и маленьким чемоданом».

Наконец он является в полк.

«Вот пошли в экспедицию; наш юноша кидался всюду, где только провизжала одна пуля. Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты».

Но неприятеля не видать, схватки редки, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела своих уносят. Промелькнуло пять-шесть лет — все одно и то же: он приобретает опытность, становится холодно храбр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды. «Хотя ему порой служба очень тяжела, но он поставил себе за правило хвалить кавказскую жизнь; он говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень приятна».

Декабрист А. Е. Розен, проехавший по Военно-Грузинской дороге в то же время, что и Лермонтов — в конце 1837 года, — вспоминает в своих записках «услужливого штабс-капитана Черняева... совершенно вроде Максима Максимыча, описанного Лермонтовым в романе «Герой нашего времени». Встретив Розена на станции Коби, Черняев объявил ему, что имеет повеление от своего начальства проводить его с семейством через самые опасные места — через Крестовый перевал и Гуд-гору до самого ее подножия, до Кайшаурской долины. «Штабс-капитан, — пишет Розен, — часто подъезжал к моему тарантасу и вроде доброго Максима Максимыча беседовал и заговаривал о том времени, когда он служил под начальством А. П. Ермолова». «Теперь еще вижу, — продолжает Розен, — его усмешку, его кавказские замашки, его маленького рыжего коня, который спокойно и смело ступал по самому краю пропасти, а штабс-капитан спокойно покуривал трубочку, и когда я упрашивал его не ехать по такому опасному месту, то он улыбаясь отвечал мне: «мы и наши кони привыкли к таким местам: случается часто

мне одному ездить по этой дороге, кажись места довольно, а бестия рыжак все тянет к краю да к пропасти, и все, знаете, как-то тут ехать веселее и виднее»¹.

В своем очерке Лермонтов с ласковым юмором описал образ настолько типический, что реально существовавшие кавказцы, вроде этого штабс-капитана Черняева или штаб-лекаря Тифлисского военного госпиталя Герарди, который, «увлекшись романтическим представлением о Кавказе», стал кавказским полковым врачом, делаются похожими на этот обобщенный портрет.

Но по условиям цензуры Лермонтов очень тонко скрыл между строк своего описания самое главное. Однако стоит только вдуматься в текст «Кавказца» — и становится ясно, что если в 1840 году кавказцу «от 30 до 45 лет», следовательно, настоящий кавказец в глазах Лермонтова — это тот офицер, который служил еще при Ермолове.

Ермолов был назначен на Кавказ в 1816 году, а оставил его в 1827 году. Тот кавказский офицер, которому в 1840 году исполнилось тридцать лет, еще застал его на Кавказе. Что же касается сорокапятилетнего, тот знал Ермолова лично.

Не случайно в очерке сказано: «Бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча».

Ермолов долгие годы находился в опале. Прославлять его было нельзя. Лермонтов вышел из положения, упомянув его бурку.

В «Герое нашего времени» он отметил, что старый кавказец Максим Максимыч с гордостью и уважением вспоминает опального Ермолова и называет его по имени и отчеству.

«— А вы давно здесь служите?

— Да, я уже здесь служил при Алексее Петровиче, — отвечал он, приосанившись», — пишет Лермонтов в «Бэле».

Одним только словом «приосанившись» да упоми-

¹ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб, 1907, стр. 226.

нением об «Алексее Петровиче» Лермонтов сумел показать, чем был Ермолов в глазах рядового кавказца.

«— Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — пишет Лермонтов, — и при нем получил два чина за дела против горцев»¹.

Ермолов награждал офицеров лишь после того, как они отличились несколько раз. Потому-то всякая награда, полученная по его ходатайству, ценилась так высоко.

Дибич, посланный Николаем I со специальным поручением отстранить Ермолова от управления гражданской частью в Грузии и от командования войсками Кавказского корпуса, вынужден был сообщить царю, что нашел войска, «одушевленные суворовским духом»².

В 1816—1827 годах, в пору пребывания Ермолова на Кавказе, русские войска добились наибольших успехов, а демократические порядки, которые он ввел в армии, создали ему среди солдат и офицеров огромный авторитет. Каждому в Кавказском корпусе было известно, что Ермолов вставал, когда к нему подходил нижний армейский чин³.

Итак, Максим Максимыч и кавказец из очерка — офицеры ермоловской школы. Вот кто был в глазах Лермонтова настоящим кавказцем. «Настоящий кавказец, — пишет он, — человек удивительный, достойный всякого уважения...»

Лермонтов оставил очерк Башуцкому, уезжая из Петербурга. А через несколько дней, в последний раз покидая Москву в апреле 1841 года, передал Ю. Ф. Самарину для редакции «Москвитянина» свое новое стихотворение «Спор», написанное уже после отъезда из Петербурга, и просил напечатать его

¹ М. Ю. Лермонтов, т. V, стр. 188.

² «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным». М., 1864, стр. 337.

³ М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., Гослитиздат, 1947, стр. 187—190.

«просто без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени»¹.

Теперь выясняется, что очерк и «Спор» имеют между собою глубокую внутреннюю связь.

ЕРМОЛОВ

В юные годы Лермонтов горячо сочувствовал борьбе горцев против власти российского самодержавия. Он полагал, что стойко сражаясь, горцы отстаивают свою независимость и свободу. В то время он не мог знать, что Гази-Мухамед, Гамзат-бек и, наконец, имам Шамиль, с 1834 года вставший во главе сопротивлявшихся горских племен, были тайными агентами и пособниками Турции. Они провозгласили «газават» — священную войну мусульман против России и в орудие своей политики превратили мюридизм — мусульманское религиозно-фанатическое учение. При помощи Турции и Англии они стремились присоединить Кавказ к странам мусульманского Востока. Основные факты, обнаруживающие связь Шамиля и его предшественников с султанской Турцией, Лермонтову в ту пору не могли быть известны. Их знаем мы. Но стихотворение «Спор», в котором Лермонтов в аллегорической форме рассказывает о кавказской войне, свидетельствует о том, что поэт во многом оказался впереди своего времени в оценке происходивших на Кавказе событий и в понимании перспективы исторического развития России и Кавказа. Из текста «Спора» становится ясным, что вопрос о том, покорятся или не покорятся «Северу» — то есть России — народы Кавказа, с русским «Севером» или с мусульманским Востоком придется идти им по пути дальнейшего исторического развития, был для Лермонтова в 1841 году уже решенным вопросом. И хотя сочувствие его попрежнему оставалось на стороне «угрюмого Казбека», олицетворявшего в стихотворении борьбу кавказских горцев

¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб, 1892, кн. 6-я, стр. 206.

с царизмом, тем не менее продвижение России на Кавказ представлялось ему закономерным и исторически неизбежным, ибо, «добывая медь и золото», Россия олицетворяла собою «промышленный век» — более высокую ступень экономического, политического и культурного развития. В этом и заключался спор покоренного Шата с еще не покоренным Казбеком. Война на Кавказе продолжалась, но исход ее был уже предрешен. Ход исторического развития развеивал миф о «неприступном Казбеке». Или с Россией, или со странами Ближнего Востока — с «дряхлым Востоком», так назвал его сам Лермонтов: третьего пути для народов Кавказа быть не могло. Об этом и идет спор между Шат-горой и Казбеком.

Окинув взглядом окрестные страны, Казбек видит у своего подножия феодальную Грузию. За ней ему видны страны Ближнего Востока: персидская столица Тегеран, Иерусалим — главный город Палестины, давно утратившей свое бывшее значение на Ближнем Востоке. Он видит племена бедуинов — арабов-кочевников. Потом переводит взгляд вправо и обозревает долину Нила и египетские пирамиды — Египет в то время был подвластен Турции. «Нет, не дряхлому Востоку покорить меня!» — заявляет Казбек. Тогда Шат показывает ему в сторону России.

Этот спор завершается в стихотворении Лермонтова картиной победоносного вступления на Кавказ русских войск, предводительствуемых генералом Ермоловым.

Имя Ермолова в стихотворении не названо, но современники легко угадывали его по строчкам:

И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.

Эти строки вызывали в памяти современников гравюру Дж. Доу, на которой знаменитый полководец был изображен с нахмуренными бровями, задрапированным в мохнатую бурку.

Ермолов выступает в стихотворении как символ

покорения Кавказа. Но совершенно неясно: почему Лермонтов вспомнил о Ермолове в 1841 году? Ермолов был давно удален с Кавказа и уже четырнадцать лет жил на покое в России. Лермонтов не назвал его имени и почему-то просил редакцию «Москвитянина» напечатать стихотворение просто, без примечаний, словно был уверен, что издатель непременно захочет сопроводить стихотворение какими-то пояснениями.

До сих пор на эти вопросы не было никакого ответа. А между тем, связывая в 1841 году покорение Кавказа с именем А. П. Ермолова, Лермонтов тем самым вкладывал в свое стихотворение острый политический смысл. Политический смысл стихотворение приобретало именно потому, что Ермолов находился в опале.

Ученик Суворова, один из самых прославленных участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, Ермолов, после смерти Кутузова и Багратиона, несомненно, был в русской армии самой популярной фигурой. Политическое вольномыслие Ермолова, его ненависть к крепостничеству, презрение к придворной клике и к столичной бюрократии послужило главной причиной его назначения на Кавказ. Правительство Александра I опасалось его влияния и стремилось удалить из столицы.

Популярность его в кавказских войсках вызвала к нему еще более сильное недоверие. Николай I, еще до восшествия своего на престол, заметил как-то, говоря о Ермолове: «Этот человек на Кавказе имеет необыкновенное влияние на войско, и я решительно опасаясь, чтобы он не вздумал когда-нибудь отложиться»¹.

Эти опасения усугубились, когда Александру I стало известно о существовании тайного общества. «Есть слухи, — писал он Николаю, — что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или, по крайней мере, развивается между войсками, что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по

¹ «Из анекдотов об А. П. Ермолове». «Русский архив», 1893, № 2, стр. 180.

разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том секретных миссионеров для распространения своей партии: Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников и полковых командиров»¹.

Александр назвал имена крупных военачальников, — в том числе деда Лермонтова — генерала Дмитрия Алексеевича Столыпина, — тесно связанных с идеологами и участниками декабристского движения. Но характерно, что первым в этом списке император выставил имя Ермолова.

И действительно: декабристы считали его «своим» и рассчитывали, что Ермолов во главе войск Кавказского корпуса примет их сторону. Рымеев и Кюхельбекер посвящали ему стихотворения. На собраниях тайного общества в Петербурге, намечая состав Верховного правительства, в руки которого должна была перейти власть после переворота, заговорщики, кроме имен Мордвинова и Сперанского, называли Ермолова².

Блистательная характеристика Ермолова, выражавшая отношение к нему декабристских кругов, принадлежит Грибоедову, служившему в Грузии под его начальством. «Патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская мудрая голова»³.

Ермолов, в свою очередь, любил и высоко ценил Грибоедова и, узнав о разгроме восстания 14 декабря, предупредил о грозившем ему аресте. Благодаря этому Грибоедов успел сжечь бумаги, которые могли открыть его связь с тайным обществом. Пушкин считал, что это были единомышленники. «Ермол[ов], Орл[ов], Кисел[ев], — записал Александр Тургенев со слов Пушкина в 1837 году, — все знали и ожидали:

¹ Н. Ф. Дубровин. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. I, стр. 356.

² В. С. Иконников. Граф Н. С. Мордвинов. СПб, 1873, стр. 441.

³ А. С. Грибоедов. Сочинения. Подготовка текста, предисловие и комментарии Вл. Орлова. М., Гослитиздат, 1953, стр. 511—512.

без нас дело не обойдется. Ермол[ов], желая спасти себя, — спас Грибоедова, узнав, предупредил его за два часа»¹.

Следственная комиссия по делу декабристов настойчиво искала улики против Ермолова. «Вы говорили Рымееву, — задавал вопрос Никите Муравьеву Бенкендорф, — что генерал Ермолов, встретившись с полковником Граббе, сказал ему: «Оставь вздор, государь знает о вашем обществе». Справедливо ли это? От кого вы узнали о сем отзыве генерала Ермолова? Какое сей последний принимал участие в действиях общества и через кого именно?»²

Из показаний арестованных Комиссия заподозрила существование планов о выступлении Ермолова во главе войск Кавказского корпуса.

Вскоре после окончания суда над декабристами Ермолов был заменен Паскевичем и отозван с Кавказа. С тех пор он оставался не у дел, жил сперва в Орле, потом в Москве и в подмосковной деревне, неизменно встречая выражения сочувствия со стороны прогрессивной части русского общества. В продолжение многих лет он намеренно отклонял попытки правительства привлечь его на гражданскую службу и сознательно оставался не у дел, выражая тем самым свое оппозиционное отношение к политике Николая I.

Имя его было символом протеста. Один из организаторов тайного студенческого общества в Москве, возникшего в 1827 году, — Василий Критский — показал на допросе, что у них «была надежда иметь Ермолова во главе своего общества»³. «Главкомандующий вечерней армии», — так был назван Ермолов в одной из листовок 1830-х годов.

Личность опального генерала вызывала горячее сочувствие Пушкина. Направляясь в 1829 году на Кав-

¹ Из дневника А. И. Тургенева. В книге: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы, изд. 3-е М.—Л., Гиз, 1928, стр. 285.

² «Восстание декабристов». Материалы, т. I. Л., Гиз, 1925, стр. 298.

³ М. К. Лемке, «Тайное общество братьев Критских». «Былое», 1906, № 6, стр. 47.

каз, в ставку Паскевича, Пушкин сделал двести верст лишних, чтобы повидать Ермолова, жившего в ту пору в Орле, а в «Путешествие в Арзрум» включил блистательную его характеристику и перечислил темы, которых касались они в разговоре. «С первого взгляда, — пишет Пушкин, — я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом (Дюу. — И. А.)».

Пушкина поразило в Ермолове сочетание противоположных черт — прежде всего несходство фаса и профиля; поразили голова хищника и торс Геркулеса — благородная осанка богатыря. Неприятная, неестественная улыбка в обращении к собеседнику — и прекрасное выражение лица, когда задумывается и становится самим собой. Любезность, ставшая привычной, умение говорить комплименты, — следовательно, снова неискренность; с другой стороны — умение увлекаться в разговоре, глубокий ум, язвительность по адресу противников, не вяжущаяся с любезным тоном. Эти два лица Ермолова, две его сущности дали Пушкину ключ к постижению этого сложного характера, дали ему основания, высоко ценя замечательного государственного деятеля, замечательного полководца, в то же время в своем дневнике помянуть Ермолова, как «великого шарлатана»¹.

Интерес к личности Ермолова и к его деятельности в Грузии побудил Пушкина обратиться к нему с письмом, в котором поэт изъявлял желание написать историю ермоловских войн на Кавказе или быть издателем его записок. «Напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших Закавказских [войн] подвигов, — писал Пушкин в черновом наброске послания к Ермолову. — ...Прошу вас [чтобы Вы] дозволить мне быть

¹ Ср. И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. М., «Советский писатель», 1955, стр. 300—302.

Вашим Историком — [если] [и]. Если в [праздности] праздные часы занялись вы славными воспоминаниями и оставили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем...»¹

Пушкин имел, конечно, в виду прежде всего славные победы Ермолова в персидской войне.

В июле 1826 года Персия, поддержанная Англией, начала действия против России без объявления войны. Прежде чем русское командование успело стянуть к персидской границе войска Кавказского корпуса, персидская армия, предводительствуемая принцем Аббас-Мирзой, углубилась на территорию Закавказья. Задержанная полуторамесячной героической обороной гарнизона крепости Шуши, она была затем наголову разбита в сражениях под Шамхором и под Елизавет-полем. С остатками своего войска Аббас-Мирза бежал из пределов Закавказья.

Военные действия возобновились весной 1827 года. Но Ермолов уже не руководил ими: ему было приказано передать командование Паскевичу и покинуть Кавказ.

После блестящих побед 1826 года перенесение боевых операций на территорию противника уже не представляло для Паскевича особо сложной задачи. Освободив Нахичевань, Аббас-Абад, Эривань, русская армия в октябре 1827 года вошла в Тавриз. Путь на Тегеран был открыт. 10 февраля 1828 года персидское правительство оказалось вынужденным принять условия Туркманчайского мирного договора, по одному из пунктов которого к России отходила часть армянских земель. Начальником этой вновь образованной Армянской области был назначен генерал Александр Гарсеванович Чавчавадзе.

Переговоры с Аббас-Мирзой и подготовку условий мирного договора русское правительство возложило на А. С. Грибоедова. В сентябре того же года Грибоедов уехал в Персию в ранге полномочного министра-рези-

¹ А. С. Пушкин. Письма, под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского, т. III, 1831—1833. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 90—91.

дента, а четыре месяца спустя погиб в Тегеране при разгроме русской миссии, который с помощью англичан спровоцировали враждебные России круги при персидском дворе. Так развивались на Кавказе внешне-неполитические события, начало которых было связано с именем А. П. Ермолова.

Но при этом важно помнить, что в пору своего управления Кавказом Ермолов прославился не только победами над войсками Аббаса-Мирзы, но и как жестокий царский колонизатор, именем которого пугали детей в горах. С особой свирепостью были подавлены при нем крестьянские восстания в Грузии в 1819—1820 годах, когда имеретинские и гурийские крепостные деревни поднялись против своих угнетателей — князей.

В свете всех этих фактов по-новому выглядит намерение Лермонтова писать роман о кавказской войне, с Тифлисом при Ермолове, с его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране. Хотя об этом замысле мы знаем по пересказу и слова «диктатура» и «кровавое усмирение Кавказа», может быть, и не принадлежат Лермонтову, тем не менее можно догадываться, что отношение Лермонтова к Ермолову, так же как и отношение к нему Пушкина, было сложным. Но широкое изображение кавказской гражданской и военной жизни во времена Ермолова, показ событий, связанных с персидской войной и последовавшей за нею тегеранской катастрофой, говорит о том, что герой задуманного романа мыслился Лермонтову, как человек, близкий к Ермолову и Грибоедову.

Если вспомнить, что в последний год жизни Лермонтов подружился на Кавказе с Львом Сергеевичем Пушкиным и постоянно виделся с ним, что Лев Пушкин участвовал в персидской войне будучи юнкером «лермонтовского» Нижегородского драгунского полка, то можно почти с полной уверенностью сказать: они беседовали о Персидском походе, и Лермонтов знал от Льва Сергеевича о неосуществившемся замысле Пушкина писать историю ермоловских войн на Кавказе. Очевидно, собственный его замысел

представляет своего рода «эстафету», принятую от Пушкина.

Но в самое последнее время обнаружены такие факты, которые проливают на историю этого замысла новый, яркий свет.

ОПАЛЬНЫЙ ГЕНЕРАЛ И ОПАЛЬНЫЙ ПОЭТ

До сих пор почти никому не известно, что Лермонтов написал «Кавказца» и «Спор» после свидания с Ермоловым.

Свидание это состоялось зимою 1841 года. Это явствует из чернового письма генерала Павла Христофоровича Граббе, командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, к Алексею Петровичу Ермолову.

Письмо это, помеченное 15 марта 1841 года, только недавно обнаружено С. А. Андреевым-Кривичем в Центральном военно-историческом архиве в Москве.

«<В письме Вашем от 17 февраля>, — начинает и вычеркивает Граббе, — кн. Эристов доставил на прошлой неделе нашего выборного человека с письмом Вашим от 17 пр. м-ца. В этом письме Вы упоминаете о г. Бибикове, о котором Вы за три дня перед тем <отправили> писали ко мне [слово вычеркнуто, неразборчиво] в ожидании его я замедлил ответом на последнее, не имея сведения, получены ли два письма мои к Вам, одно по почте, другое с г. Лермонтовым отправленные. <Это сведение и я надеялся найти в>. Но ни г. Бибикова, ни этого сведения еще покуда нет. Долее ответа откладывать не смею и не могу»¹.

Этот документ потребует еще дополнительного изучения, но и без того ясно, что неофициальные сношения Граббе с Ермоловым, в которых Лермонтов принимал хотя бы косвенное участие, представляют собою очень большой интерес. Тем более, что, направляя

¹ С. А. Андреев-Кривич, «Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова». «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», вып. I. Нальчик, 1946, стр. 260.

перед этим с письмом к Ермолову другого офицера — штабс-капитана Милютина, Граббе 15 февраля 1841 года писал:

«Приласкайте его и расспрашивайте о чем хотите. Он... передаст Вам изустно хорошо и подробнее, нежели позволило бы то письменное изложение»¹.

Очевидно, и Лермонтову было поручено что-то передать Ермолову на словах.

Итак, Лермонтов ехал в Москву к Ермолову с письмом от Граббе — человека ермоловского круга и ермоловского образа мыслей.

Граббе начал службу в 1805 году и через три года был определен адъютантом к Ермолову, с которым вместе участвовал и в Бородинском сражении. «Совершенно отеческое его обращение со мной оставило во мне сыновнюю к нему привязанность, — писал Граббе в своих «Записках». — Мое отношение к А. П. Ермолову со времен моего адъютантства, — пишет он несколько дальше, — походило на быт семейный»².

Якушкин посвятил Граббе в цели тайного общества, и в 1820 году он был принят Фонвизиним в Союз Благоденствия³.

Узнав, что Александр I получил донос о существовании тайного общества, Ермолов, как мы уже говорили, предупредил его участников через Граббе. Вскоре затем Граббе был сослан за проявление «духа неповиновения», а вслед за декабрьским восстанием заключен на четыре месяца в крепость, откуда выпущен и снова «обращен в военную службу»⁴.

Граббе, как передавал его сын П. А. Висковатову,

¹ Письмо П. Х. Граббе к А. П. Ермолову от 15 февраля 1841 г. из Ставрополя. «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для биографии, его рассказы и переписка». «Русская старина», 1896, № 10, стр. 107.

² «Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе». М., 1873, стр. 17, 106.

³ И. Д. Якушкин. Записки, изд. 7-е. 1926, стр. 26, 63—64; М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., Гослитиздат, 1947, стр. 202.

⁴ «Восстание декабристов». Материалы, т. VIII. «Алфавит декабристов», стр. 73.

«высоко ценил ум и беседу Лермонтова»¹ и старался ему покровительствовать, когда поэт, вторично сосланный, прибыл на Кавказ, в его штаб-квартиру. Сохранились сведения о том, что зимою 1840—1841 года Лермонтов вместе с Львом Пушкиным совершенно запросто бывал в его доме в Ставрополе².

Первая встреча Лермонтова с Ермоловым произошла, очевидно, сразу же по прибытии поэта в Москву, то есть в первых числах февраля 1841 года.

О чем могли беседовать опальный поэт с опальным генералом?

Хотя Пушкин в «Путешествии в Арзрум» и пишет, что у него с Ермоловым «о правительстве и политике не было ни слова», на самом деле, как следует из текста того же «Путешествия», речь у них шла именно о политике: о персидской войне, о Паскевиче, о «Записках Курбского», о немецком засилии при дворе; кроме того, они говорили о Грибоедове. Дипломатическая служба и гибель Грибоедова — в их устах это тоже была политика...³

Четверть века спустя, в 1854 году, Ермолова посетил молодой в ту пору историк и биограф Пушкина — Петр Ив. Бартенев. Разговор зашел о сдаче Москвы, о совещании в Филях. Ермолов вспомнил графа Ростопчина, Жуковского, помогавшего писать в 1812 году военные бюллетени, о любви к Жуковскому М. И. Кутузова.

Заговорили о том, что русские полководцы отличались блестящим образованием, и опальный генерал с увлечением стал рассказывать Бартеневу о Суворове, при котором служил. «Написать его историю никто не может, — говорил он, — его характер ускользает от описания».

Вспомнил, как Суворов, после взятия Праги, при-

¹ П. А. Висковатов, «Михаил Юрьевич Лермонтов в действующем отряде генерала Галафеева во время экспедиции в Малую Чечню в 1840 году». «Русская старина», 1884, № 1, стр. 85.

² А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I. М., 1913, стр. 287.

³ «Путешествие в Арзрум», глава первая.

нимал в Петербурге Державина; от него перешел к Пушкину, к Лермонтову, сожалея о его ранней гибели...¹

Интересно при этом, что Ермолов вспомнил о Лермонтове, рассказывая Бартеневу только о тех, кого знал лично...

Выяснив теперь, что замыслы романов из времени наполеоновских войн и о ермоловских войнах на Кавказе Лермонтов вынашивал уже после свидания с самим Ермоловым, можно с большой уверенностью предположить, что в беседе с прославленным полководцем поэта интересовали его суждения и об усмирении Кавказа, и о персидской войне, и о Грибоедове. Но с неменьшим интересом должен был вслушиваться Лермонтов в воспоминания его о Суворове, о Бородине, об оставлении Москвы, о взятии Парижа. Все эти события составляли этапы боевой славы Ермолова, и эти же темы отразились в планах последних замыслов Лермонтова.

...Поэт находился уже в Петербурге, когда туда, «в связи с бракосочетанием наследника Александра Николаевича», прибыл Ермолов и тотчас по приезде, как сообщает биограф, просил военного министра Чернышева доложить государю о его приезде.

«Но день проходил за днем, и, наконец, наступил и канун свадьбы, а ответа все еще не было... Вследствие того Ермолов решился вторично написать Чернышеву, и государь хотя напоследок и принял его, уже в самый день свадьбы, но без особой аудиенции, а просто перед разводом, в толпе других являвшихся, откланивавшихся и пр.»²

Это было 16 апреля 1841 года, на другой день после внезапной высылки Лермонтова из Петербурга. Срок пребывания в столице для свидания с бабушкой кончался, и Бенкендорф с Клейнмихелем поспешили удалить поэта, в связи с предстоящей свадьбой наследника.

¹ П. Б[артенев], «Разговор с А. П. Ермоловым (Из недавних записок)». «Русский архив», 1863, стр. 436 — 441.

² «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным». М., 1864, стр. 403.

По дороге в Москву, в дилижансе, в альбоме, подаренном ему накануне отъезда В. Ф. Одоевским, Лермонтов написал «Спор», в котором изобразил могучее движение на Кавказ русских войск под предводительством генерала Ермолова. Стихотворение приобретало особо глубокий смысл именно потому, что из всех завоевателей Кавказа Лермонтов избрал фигуру полководца, близкого к декабристам, находившегося в опале и в оппозиции к николаевскому правительству.

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Кольхаясь и сверкая,
Двигутся полки.
Веют белые султаны
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на восток.

В таком контексте имени Ермолова никогда бы не пропустила цензура и, если бы поняла, о ком идет речь, наверняка запретила бы стихотворение. Примечания от издателя могли только повредить делу.

Известие о гибели Лермонтова привело Ермолова в ярость. Старый полководец понял, что убийца отделался от наказания только потому, что выполнил давнишнее желание царя и придворной аристократии.

«Уж я не спустил бы этому Мартынову! — говорил Ермолов Бартеневу, в гневе притопывая ногой. — Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его. Там есть такие дела, что можно послать, да, вынувши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а таких людей, каков Лермонтов, не скоро дождешься!»¹

«Как хорош был сребровласый герой Кавказа, — замечает Бартенев, — когда он говорил, что поэты суть гордость нации!»

¹ П. Б[артенев], «Разговор с А. П. Ермоловым (Из недавних записок)». «Русский архив», 1863, стр. 441.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПО УЩЕЛЬЯМ ТЕРЕКА И АРАГВЫ

Из доступного нам материала неизученными остались несколько картин и рисунков, на которых Лермонтов изобразил виды Кавказа. Из них «опознаны» только «Тамань» — по описанию Цейдлера и — своими глазами — вид Тифлиса со стороны бани «Гогило» да Метехский замок, рисованный со стороны Майдана. Надо определить, что представляют собой остальные: «Кавказский вид с саклей», «Кавказский вид с арбой», «Кавказский вид с верблюдами», «Горное ущелье на Кавказе» — картина, что хранится в Доме-музее села Лермонтово Пензенской области, «Дарьял», «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби», «Развалины на берегу Арагвы».

Проще всего оказалось установить, что представляет собою «Кавказский вид с саклей»¹. Картина эта поступила в Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге от наследников Краевского вместе с другой картиной — «Вид на Эльбрус». «Семья покойного А. А. Краевского, — говорилось в препроводительном письме, — просит принять два пейзажа из кавказской природы, нарисованные М. Ю. Лермонтовым. Принадлежность этих картин

¹ См. верхнюю иллюстрацию на стр. 48.

кисти знаменитого поэта не подлежит сомнению». При этом упоминалось имя Д. В. Григоровича, который мог бы свидетельствовать, что они точно писаны Лермонтовым¹.

С другой стороны, со слов П. А. Висковатова известно, что Краевскому принадлежала картина, изображавшая «место действия «Мцыри» на берегу Арагвы», и что картина эта «была снята Лермонтовым с натуры»².

Сопоставив эти данные, не так уж трудно было предположить, что Висковатов видел у Краевского ту самую картину, которая поступила потом в Лермонтовский музей и была внесена в каталог под неопределенным наименованием «Кавказский вид с саклей».

На картине этой изображены развалины старинной сторожевой башни — «кошки», какие можно видеть в Грузии повсеместно. К башне лепится домик с плоской кровлей. За рекой, на горе видны характерные контуры грузинской церкви. Всякий, кто бывал в тех местах, всмотревшись, узнает в этом изображении Джвари — старинный храм, возвышающийся над Мцхетом, над самым слиянием Куры и Арагвы. Постройки самого Мцхета скрыты от нас на картине башней и близлежащей горой. Правее башни виднеются дальние очертания того самого мцхетского собора Свэтицховели, в котором находятся гробницы последних грузинских царей и где на могиле Георгия XII Лермонтов читал надпись, пересказанную им в первой строфе «Мцыри»: «как, удручен своим венцом, такой-то царь, в такой-то год вручал России свой народ».

Место, где сливаются Кура и Арагва, на полотне Лермонтова не видно за высоким краем берега.

Задний план картины составляет долина Арагвы. Изображенные на переднем плане мужчина и жен-

¹ В. Л. Бубнова, М. М. Калаушин, П. Е. Корнилов, М. Ю. Лермонтов. К 125-летию со дня рождения. Каталог выставки в Ленинграде. М. — Л., Издательство Академии наук СССР, 1941, стр. 50.

² П. А. Висковатов, «Демон». Поэма Лермонтова и ее окончательная, вновь найденная обработка». «Русский вестник», 1889, № 3, стр. 236.

щина, едущая верхом на ослике, движутся в сторону Тифлиса по Военно-Грузинской дороге. Совершенно ясно, что Лермонтов писал эту картину, путешествуя по Грузии в 1837 году.

Исследователь грузинской литературы В. В. Гольцев, с которым мы вместе рассматривали однажды репродукцию с этой картины, при случае обещал показать на месте остатки изображенной Лермонтовым башни. Таким образом, еще в Москве мы определили, что Лермонтов писал это полотно с возвышенности возле селения Мухатгверди, недалеко от нынешней Загэс. А когда через некоторое время вместе проезжали по Военно-Грузинской дороге, то убедились в правильности этих предположений.

Так удалось установить, что одна из лучших живописных работ Лермонтова связана с замыслом «Мцыри». Нечаянно (а может быть, и сознательно?) Лермонтов выбрал ту самую башню, возле которой за несколько лет перед тем был убит вождь крестьянских восстаний — легендарный Арсен.

Остальные работы можно было «узнать» только на месте. А для этого надо было повторить кавказский маршрут Лермонтова, следуя в машине по тем дорогам, по которым он путешествовал в свое время «то на перекладной, то верхом».

С этой целью летом и осенью 1952 года я побывал в Ставрополе, в Пятигорске, Кисловодске, Железноводске; через Георгиевск, Прохладный, станицу Екатериноградскую и Моздок выехал на Терек; через терские станицы — Червленую, Щедринскую, Шелковскую, Гребенскую, Старогладковскую, связанные с именами Грибоедова, Ермолова, Лермонтова, Льва Толстого, — проследовал в Кизляр. Поехал обратно — повернул на Грозный, оттуда — на речку Валерик, где в 1840 году происходило сражение, описанное Лермонтовым в его удивительном стихотворении, побывал в Орджоникидзе, несколько раз пересек территории Северо-Осетинской и Кабардинской АССР, по Военно-Грузинской дороге приехал в Тбилиси, из Тбилиси проследовал в Кахетию, осмотрев Караагач, переправился на пароме через Алазань на территорию Азербайджа-

на и двинулся через Закаталы, Кахи к югу — по направлению к Нухе и Шемахе.

Вот тогда-то, в Караагаче — об этом уже говорилось — и был опознан «Вид с верблюдами», оказавшийся развалинами Никорацихе близ прежней квартиры Нижегородского драгунского полка¹.

Еще раньше, в Дарьяльском ущелье, мне удалось уточнить, что на одном из рисунков, хранящихся в Пушкинском доме, изображен «Замок Тамары», описанный Лермонтовым в балладе «Тамара»². Оказывается, поэт рисовал его, сидя на одной из угловых башен стоящего рядом Дарьяльского укрепления. Только оттуда — сверху — он мог увидеть «в одном кадре» и замок, и воду Терека. С дороги в этом месте воды не видно. А если подойти к самому берегу — башня окажется над головой.

Рисунок Лермонтова не вполне совпадает с тем, что мы видим сейчас. В 1870-х годах какой-то пьяный артиллерист из проходившей мимо части ударил по башне прямой наводкой и разрушил ее почти до самого основания.

Итак, оказывается, этот рисунок тоже может служить иллюстрацией к лермонтовскому тексту, в данном случае — к балладе «Тамара».

Стоишь, смотришь на окрестные скалы, на Терек и удивляешься, как точно сказано:

...роется Терек во мгле...

Именно «роется»!

Смотришь — и радуешься этой точности слова:

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале...³

Как передана ночь в этих строчках! Хотя про ночь и не сказано.

Но если развалины «замка Тамары» обнаружить было не сложно, то «Развалины на берегу Арагвы»

¹ См. нижнюю иллюстрацию на стр. 96.

² См. нижнюю иллюстрацию на стр. 16.

³ М. Ю. Лермонтов, т. II, стр. 134.

найти оказалось гораздо труднее, несмотря на то, что под этим рисунком сохранилась подпись. Правда, она сделана не лермонтовской рукою, но ясно, что тот, кто писал, знал, что развалины эти надо искать в долине Арагвы.

Мы видим на рисунке ущелье, скалистую, поросшую лесом, вершину, старинную крепость — зубчатая стена, круглая башня с бойницами, другая — четырехугольная; грузинская — с острым куполом — церковь. На противоположном берегу — поселок и снова башня. Река с двух сторон бурно обтекает утес. За поворотом ущелья поднимаются вершины снегового хребта...¹

По характеру своему рисунок отдаленно напоминает Ананури. Но ландшафт там совсем не такой. Странно: сколько раз ни приходилось проезжать по Военно-Грузинской дороге ущельем Арагвы, а такое место не встретилось. Между тем, дорога идет вдоль Арагвы около ста километров — от Мцхета до селения Млета; там она покидает долину и уходит вверх, к Крестовому перевалу. Кому не показываешь этот рисунок — не узнают. А ведь Белая Арагва — не одна. Есть и Черная, вытекающая из ущелья Гудомакари. Есть Пшавская Арагва. Есть Арагва в Тушетии. Может быть, Лермонтов побывал там?

Снова выехал из Тбилиси на Военно-Грузинскую дорогу. В Ананури со всех сторон осмотрел старинную крепость — не то! Приезжаю в Пасанаури — как раз полпути между Тбилиси и Орджоникидзе. День был воскресный и утро. Иду на базар. Тем, кто вышел на базар продавать кур, мацони, грецкие орехи, чеснок, показываю фотографию с лермонтовского рисунка: жители арагвинского ущелья — должны знать! К продающим присоединяются покупающие. Все говорят: «Похоже на Ананури». Это я и сам понимаю.

Приезжаю в Квешети — селение у подножия Кайшаурской горы. Раньше, когда здесь останавливались Грибоедов, Пушкин и Лермонтов, в Квешети была

¹ См. иллюстрацию на стр. 224.

почтовая станция и резиденция «начальника горских народов». Здесь рождались пушкинские строки:

Все тихо. На Кавказ идет ночная мгла,
Мерцают звезды надо мною,

превратившиеся потом в стихотворение:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною...

Здесь стоял тот духан, возле которого офицер, передавший нам историю Бэлы, нанял шесть быков и нескольких осетин, чтобы втащить тележку на Кайшаурскую гору. На Кайшаурском подъеме и произошло его знакомство с Максимом Максимычем. Отсюда начиналась самая трудная часть дороги, шедшей в ту пору прямо, без всяких зигзагов, к Крестовому перевалу, через каждые три километра подымая путешественника на высоту километра: такой крутой был подъем!

Но в 1860-х годах дорогу продлили по ущелью Арагвы до селения Млета, а оттуда, взорвав могучие скалы, проложили зигзагообразный подъем, выющийся, подобно серпантину, по склонам Гуд-горы до самой Крестовой. С тех пор старая дорога заброшена. По ней ходят только те мтиульцы — грузины-горцы, которые живут на Кайшаурском плато. Потеряв былое значение, станция Квешети еще в прошлом веке превратилась просто в селение Квешети.

На том месте, где в лермонтовские времена стоял духан, теперь находится просторный сельмаг. По случаю воскресного дня народу возле него было больше обычного: под окном стояла «Победа», и несколько оседланных лошадей дремали, привязанные к изгороди.

Выйдя из той машины, в которой приехал, я обратился к собравшимся с просьбой определить, что изображает лермонтовский рисунок.

Фотография пошла по рукам.

— Ананури, наверно, — сказали одни.

— Не знаем, — сказали другие, — в наших местах такой крепости нет.

Перечислили друг другу окрестные башни — нет, не похожи.

Тогда молодая мтиулка — имя ее должно отныне войти в лермонтовскую литературу — Русудан Закаидзе, колхозница из селения Закаткари, попросила передать фотографию ей.

— Послушайте, что скажу, — обратилась она ко мне. — Возьмите хорошую лошадь и отправляйтесь к верховьям Арагвы. Там в осетинском ущелье Гуда найдете, что ищете.

Другие ей возразили:

— Куда ты хочешь послать его — там нет ни церквей, ни крепости. Давно все упало, одни камни лежат...

— Хорошо помню, еще в школе учила, — ответила Русудан Закаидзе, — что Лермонтов, когда почтил Пушкина стихотворением, к нам прибыл и погостил у нас. И это было сто лет назад с лишком. Может быть, когда он ездил к истокам реки, церковь и крепость стояли, а за это время упали и потому одни камни лежат.

— Камнями угостить его хочет, — зашумели ее оппоненты. — Не за этим приехал. А если камнями интересуется, зачем ему далеко ехать? Старая башня и там вон упала — в ущелье, и там — на горе. Туда пусть пойдет...

Я готов был последовать совету Русудан Закаидзе, но выяснилось, что нанимать лошадей и ехать в тот день в верховья Арагвы поздно.

Тогда я решил пройти пешком по старой дороге — подняться на Кайшаурскую гору и выйти на нынешнюю трассу через горные селения Закани и Кайшаури. Машина должна была ожидать меня возле селения Сетури. Я срезал бы по прямой километров десять. А от Сетури можно следовать машиной дальше — за перевал.

Только тут — перейдя через Арагву по бревнышку и поднявшись по этой старой, заброшенной дороге на Кайшаурское плато — смог я по-настоящему оценить необыкновенную точность лермонтовских описаний: «Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купа-

ми чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно-вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает как змея своею чешуею».

В селении Кайшаури показывают каменный дом, где, по преданию, останавливался Лермонтов, пил чай из чугунного чайника и в беседе со спутником коротал ночь. Может быть — и даже наверное — это идет от романа. А впрочем, могло так и быть. Ведь в «Бэле» не происходит никаких удивительных событий: только самые обыкновенные, какие случались тогда на Кавказе. Достоверность психологических характеристик подтверждается в «Герое нашего времени» такой поразительной точностью описаний кавказской природы, обычаев, нравов, всей обстановки, что всякий раз поражаешься каждой новой детали. Мы знаем, например, что Максим Максимыч «с казенными вещами» следует в Ставрополь. На вопрос спутника, давно ли он служит, старый штабс-капитан отвечает, что служил здесь «еще при Алексее Петровиче».

«— А теперь вы?..»

— Считаюсь в третьем линейном батальоне...»

Штаб третьего линейного батальона в 1830-х годах действительно находился в Ставрополе, роты — в Кисловодске и Железноводске. Для тогдашнего читателя-кавказца созданный воображением Лермонтова штабс-капитан Максим Максимыч был почти что знакомый.

С такую же конкретностью описан у Лермонтова каждый поворот Военно-Грузинской дороги. Пятигорск, Кисловодск, Тамань, казачья станица... Высокая поэтичность соединяется в «Герое нашего времени» с точностью очерка.

Приезжаю в Казбеги и — прежде всего — к директору Казбегского краеведческого музея, Алибегашвили Степану Ивановичу. Показываю ему фотографию «Развалин на берегу Арагвы». Он подробно расспрашивает.

— Я думаю, — говорит он, — что это в ущелье

Развалины на берегу Арагвы.

Рисунк Лермонтова.

Гуда, развалины над Хатис-сопели, выше Ганиси. Что? Девушка из Закаткари думает так же? Вполне с ней согласен.

Рассмотрел и другое фото: ущелье с арбой.

— Это будет на дороге в Орджоникидзе, за селением Чми. Завтра можно поехать и посмотреть.

Вано Вардидзе, шофер, с которым я еду, называет другое место, в восьми-девяти километрах от Казбека, в ущелье Дарьяла.

— Сомнительно, но посмотреть можно будет, — говорит директор музея. — Пойдем по Дарьялу правым берегом Терека по старой Военно-Грузинской дороге, как ездили Пушкин и Лермонтов. Кстати, посмотрите: ведь они с противоположного берега видели все эти места.

Скажем правду — тот вид был не хуже, а лучше!

Мы теперь проезжаем Дарьяльское ущелье дорогой, вьющейся словно по карнизу скалистой стены. Внизу, в глубокой пропасти, как водопад, шумит Терек. Мы видим пейзаж мощный, суровый и удивительный. Но зато мы не видим той самой стены, по карнизу которой ползут наши машины, если смотреть на них снизу, с самого русла Терека — с правого берега. Эта совершенно вертикальная скалистая стена, уходящая в небо, производит впечатление даже на тех, кто хорошо знает Кавказ и видел реки более бурные, чем Терек, и ущелья более узкие, нежели Дарьяльское. И поэтому, путешествуя по Дарьялу, надо помнить, что Пушкин и Лермонтов видели его не отсюда, а снизу — с противоположного берега.

В связи с этим вспоминается одно место из записок декабриста Розена, на которые я уже ссылался не раз. «Досадно, — писал Розен, вспоминая путешествие свое через ущелье Дарьяла, — что не умею описать картину этого единственного в своем роде пути... Напрасно останавливаю перо, чтобы придумать верное изображение: это не удалось вольному путешественнику поэту Пушкину, ни Грибоедову, ни невольным странникам А. А. Бестужеву (Марлинскому), ни Одоевскому. Всего лучше отрывками нарисован Кавказ поэтом Лермонтовым, который волею и неволею несколько раз

скитался по различным направлениям чудной страны и чудесной природы.

И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел — и горный, зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны...»¹

В Дарьяльском ущелье вида с арбой не оказалось. Он обнаружился там, где и предполагал директор музея, ближе к Орджоникидзе, между селениями Балта и Чми. Лермонтов нарисовал Военно-Грузинскую дорогу и Терек, стоя спиной к югу на середине каменистого ложа реки. В ту пору течение отклонялось в этом месте к правому берегу.

Хотя Алибегашвили привез нас на то самое место, все же пришлось повозиться немало и перелезть через Терек по бревнам прежде чем отыскалось место, где устроился Лермонтов, чтобы нарисовать этот вид.

На рисунке мы видим арбу, запряженную парой волов, и одну из маленьких осетинских мельниц, которые Пушкин в «Путешествии в Арзрум» сравнил с собачьими конурами. Но главное в этом пейзаже у Лермонтова — могучая белокаменная скала, нависшая над самой дорогой: она первая встречает путешественников у ворот Большого Кавказа².

Нашелся и еще один вид, рисованный Лермонтовым. Это автолитография, которую он отпечатал, вернувшись из ссылки в Петербург. До нас дошли четыре одинаковых оттиска: два из них раскрашены цветными карандашами. Лермонтов дарил их знакомым. Виды Кавказа в ту пору не продавались, художники из

¹ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб, 1907, стр. 225.

² См. верхнюю иллюстрацию на стр. 16.

России дальше Пятигорска обычно не ездили. Изображение Военно-Грузинской дороги считалось в то время редкостью: это был настоящий подарок!

На одном из оттисков, подаренном тому самому М. И. Цейдлеру, о котором уже шла речь в этой книге, имеется собственноручная надпись Лермонтова: «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби». Однако, несмотря на подпись, обнаружить это место было не так-то легко. Дело в том, что, переводя изображение на камень, Лермонтов не перевернул его. Поэтому перевернутым получилось изображение на оттиске. А кроме того, гора, которую Лермонтов назвал Крестовой, на самом деле называется Кабарджина; она примыкает к Крестовой с севера. Лермонтов изобразил селение Сиони, между Казбег и Коби. Рассматривая это изображение, надо помнить, что в действительности гора Кабарджина, обрывистый утес, на котором высятся храм Сиони и старинная башня, находятся слева, а Терек справа ¹.

Тот же самый вид Лермонтов воспроизвел на картине, хранящейся в Доме-музее села Лермонтова Пензенской области ². Но, в отличие от литографии, на картине нет храма: одна только башня на высоком утесе. Это стоит отметить.

До нас дошли десять грузинских картин и рисунков Лермонтова. И на каждом из них — караульная башня или старинная крепость. Просто поражаешься, как верно почувствовал он характерную особенность грузинского пейзажа, от которого неотъемлемы эти безмолвные свидетели былых сражений грузинского народа против иноземных захватчиков, напоминающие о тех временах, когда ночью загорался в ущелье костер на сторожевой башне, потом вдали на другой, на третьей, и огненной эстафетой шла по стране весть о новой грозной беде — о новом вторжении.

Оставив на фоне сурового горного пейзажа одну только сионскую башню — картина написана с другой

¹ См. верхнюю иллюстрацию на стр. 17.

² См. нижнюю иллюстрацию на стр. 17.

точки, — Лермонтов романтизировал его, показал еще более суровым, представил таким же, как в «Демоне».

И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны! —
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир...¹

Снова выясняется, что карандашом и кистью поэт стремился передать те же впечатления, которые вдохновили его на создание «Демона», «Мцыри», «Героя нашего времени», что описания природы в поэмах и в прозе помогал Лермонтову создавать его глаз художника.

Вглядываясь в его путевые зарисовки, мы читаем по ним дневник его гутешествия и снова убеждаемся в том, как верно постигал он характер новой для него страны, как чувствовал ее историческое прошлое. Становится понятным и то, что живописные работы Лермонтова были для него серьезным делом, а не дилетантским занятием.

Изучая лермонтовские картины, можно сделать и еще один — важный — вывод. Четыре из них сделаны в Казбегском районе. У Висковатова находилась еще одна картина — «Вид Крестовой горы», писанная масляными красками. Это тоже Казбегский район. А ведь пять картин и пять рисунков — это только малая часть той коллекции, о которой Лермонтов сообщал Святославу Раевскому. Значит, Лермонтов не просто проехал через Дарьял и мимо Казбека, а прожил там по крайней мере несколько дней, бродил по окрестностям и, следовательно, имел полную возможность познакомиться с фольклором Казбегского района — услышать предания о заоблачном монастыре на Казбеке, и о пещерах Бетлеми, и о могилах среди вечных снегов, и легенды о «коварной Тамаре»...

Итак, сюжеты почти всех живописных работ Лермонтова, тех, что дошли до нас, нам удалось, наконец, определить. Только «Развалины» на берегу Арагвы»

¹ «Демон», часть I, строфа III.

попрежнему остаются необнаруженными. Надо ехать в верховья Арагвы, хотя, по правде сказать, и не вполне понятно, как Лермонтов мог оказаться там и зачем туда ездил? Правда, Висковатов предполагал, что Лермонтов побывал там. Но ведь известно также, что к утверждениям Висковатова надо относиться с большой осторожностью.

Когда мы приехали в селение Кумлисихе, расположенное на склоне Гуд-горы, в правлении овцеводческого колхоза шло заседание — обсуждался план эвакуации баранты на зимние кизлярские пастбища.

Надо ждать. Но шоферу Ваню Вардидзе не терпится. Он подходит с картинкой Лермонтова к членам правления.

— Как погнать баранов на зимние пастбища, это потом решите. Каждый год посымаете... А вот тут есть неотложный научный вопрос: ваши это места или не ваши? Написано: «Арагви». Ездим-ездим — нет желающих. Свои места должны знать? Хорошо посмотрите!

Члены правления колхоза начинают разглядывать фотографию, обмениваются суждениями:

— Если ищете крепость и церковь, как здесь нарисовано, нет у нас. Если место хотите видеть такое, Нико Кайшаури с вами пойдет, который ночью кооператив сторожит в Гудаури. И все покажет. Это выше колхоза Ганиси, в ущелье Гуда.

— Спасибо!

Поехали мы с Нико Кайшаури в машине к Крестовому перевалу. Остановились там, где дорога входит в тоннели, построенные на случай снежных завалов. Как раз тут и лежит грома обломков гранита, неизвестно когда и откуда упавших. Тех самых, что по преданию накидал здесь разгневанный Гуда.

Оставив машину, стали спускаться по тропе на дно двухверстной пропасти. Как серебряный ручеек вьется Арагва на дне ее, и безлюдными кажутся крохотные макеты селений. В одном из них, как гласит легенда о любви Гуда, жила в древние времена красавица, которую полюбил дух. Ни звука вокруг. Только послышится иногда автомобильный сигнал — посмотришь

наверх: машина, отвесив поклон перед поворотом, ускользает из глаз. Но вот сверху уже не доносятся звуки. И снизу еще не доносятся. Под ногами — крутая тропа, справа — скалистая стена, слева — пусто. Пространства с этой стороны так много, словно идешь в воздухе по крылу самолета. Как сказано у Пушкина в стихотворении «Кавказ»:

И пастырь
нисходит
к веселым
долинам,
Где мчится
Арагва
в тенистых
брегах...

Один из современных наших писателей процитировал недавно эти строки, расположив «лесенкой». И тогда стало еще яснее, как удивительно передал Пушкин в стихе это движение вниз... Кстати, Пушкин, вероятно, вспоминал те же места, что и Лермонтов; такую панораму можно увидеть только с Крестовой.

Сперва мы шли — потом мчались. Упираясь, отдуваясь, откинувшись всем телом назад, работая руками, в надежде сдержать этот стремительный ход, жалея, что нет в теле тормоза, мы сбежали, наконец, на каменное ложе пенистой, шумной Арагвы, к осетинским селениям, обведенным оградами из плоских камней.

Красиво в этом ущелье необычайно. Но разверстые глотки мечущихся возле тебя мохнатых чудовищ, их лай, надсадный до хрипа, до храпа, до клекотания внутри, их мелкие, как у хищных рыб, зубы и оттого еще более страшные кривые клыки, обрезанные уши, черные свирепые морды не составляют моих лучших воспоминаний.

Впереди, у самой Арагвы, против селения Урмисопели, на том берегу — гора. Нет, не гора! Огромная глыба словно скатилась откуда-то к самой воде, легла здесь и поросла густой рощей. Осенняя расцветка листвы — розовая, ржавая, рыжая, желтая, золотая, багряная — так богата тонами, что кажется, гору по-

крыли богатым, цветистым ковром. И это особенно удивительно потому, что ущелье безлесно.

Форма горы отчасти напоминает колпак, какими покрывают домашние чайники, — скаты крутые, а гребень длинный и узкий. На гребне — развалины крепости. Полезли наверх по обратному скату горы; он крут, но порос зеленой травой и опутан овечьими тропами: они тянутся одна над другой, как узенькие террасы, в несколько сантиметров ширины.

Забрались. Наверху — осыпь камней, остатки крепостной стены, башен, церкви, ступени разрушенной лестницы. Стоит часовня без крыши, сложенная без раствора из плоского шифера и кое-где хранящая следы обмазки.

День ясный. На солнце греются змеи и с шорохом скользжают при нашем появлении в расселины.

Внизу, под горой, уступами расположилось селение Хатис-сопели (Дзуар-кау по-осетински) — несколько домиков с плоскими кровлями.

Но вот мы спустились и снова выходим к руслу Арагвы, отошли от горы на расстояние примерно полукилометра вниз по течению, сравнили вид на гору с лермонтовским рисунком... она! Вот гора, покрытая рощей, вот повороты ущелья. Селение на другом берегу (Урмис-сопели), те же контуры дальних вершин. И развалины. У Лермонтова на рисунке крепость только еще начала разрушаться. А теперь уже осыпалось все почти до самого основания. Но, очевидно, церковь и тогда пустовала.

Теперь уже нет сомнений — Лермонтов был здесь! Не то заехал сюда от Квешети, сделав крюку верст пятнадцать, не то спустился от самой Крестовой, оттуда, где лежат камни Гуда, по той же тропинке, что мы.

Но как бы то ни было — ясно одно: он побывал в верховьях Арагвы, бродил по этим местам и не только нарисовал эти развалины: силою творческого воображения он населил их людьми, превратил в своей поэме в «замок Гудала», куда прилетает демон, куда спешит нетерпеливый жених. А потом — в эпилоге описал то, что изобразил на рисунке:

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут звеня издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река¹.

В этом описании есть все, что мы видим и сейчас в ущелье Гуда: и «аул» — Хатис-сопели, и роща на склоне горы, которую, по преданию, нельзя вырубать, а то дети в семье будут болеть оспой, и старинные развалины, и «плиты старого крыльца»:

Но грустен замок, отслуживший
Года во очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывтый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Все дико: нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,

¹ «Демон», часть II, эпилог.

И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О мнлой дочери его! ¹

Во всем этом описании имеется только одна неточность: «Кайшаурская» пишется через «а», но не через «о», как слышалось Лермонтову. Эта произвольная ошибка повторена и в «Герое нашего времени». И только!

Что касается имени властителя замка Гудала — его происхождение тоже не вызывает сомнений и служит подтверждением тому, что Лермонтов связал действие поэмы именно с этим ущельем — с ущельем *Гуда*, под *Гуд*-горой, над которым властвует легендарный дух Гуда, полюбивший красавицу, жившую в этих местах:

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени:
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой ².

Выше Хатис-сопели, при слиянии Арагвы с другой, безымянной речкой, образуется выступающая мысом вперед гора, поросшая зеленой травой. На гребне ее видны другие развалины. Жители расположенного у подножия селения Эрето, говорят, будто бы тут был монастырь, «в который попал гром». Осетин Самашвили Василий из Хатис-сопели называет эти развалины «амаглеба», то есть монастырем «вознесения».

Очевидно, это и есть та обитель, о которой говорил Висковатов, утверждавший, что на берегу Арагвы был монастырь, разрушенный громовой стрелой.

Сейчас это тоже развалины. На уцелевшей части стены висит небольшой колокол, на упавших облом-

¹ «Демон», часть II, эпилог.

² «Демон», часть I, строфа V.

ках — почерневшие от времени «дроша» — «хоругви», ритуальные куски кисеи, ибо место почиталось священным.

В четырех километрах от Хатис-сопели, на левом берегу Арагвы, против селения Квемо Ганиси, в отвесной скале видна какая-то щель. Оказывается, это пещера, в которой, согласно легенде, томится богатырь Амирани. Понятным становится, почему путник в «Демоне», до слуха которого доносятся рыдания безутешной Тамары, думает:

«...То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...¹

Все эти места находятся необычайно близко одно от другого.

Любопытно, на каком основании Висковатов считал, что Лермонтов побывал в верховьях Арагвы? Ведь лермонтовского рисунка, изображающего развалины, он в то время не знал, рисунок известен нам с 1923 года. Остается предположить, что Висковатову рассказывал об этом кто-то из тифлиссских старожилов, когда в 1881 году он ездил на V археологический съезд. До сих пор это существовало в лермонтовской литературе, как ничем не подтвержденное предположение. Теперь это можно считать установленным.

Карабкаться обратно по той тропинке, по которой мы спускались, показалось мне и шоферу делом невысказанным. Мы решили идти вдоль Арагвы до Военно-Грузинской дороги, остановить там попутный транспорт и на нем добраться до нашей машины, которую мы оставили у перевала.

Вышли к селению Млета. Высоко над Арагвой, на самом краю обрыва, в том самом месте, где в лермонтовские времена проходила дорога от Квешети к станции Кайшаури, виднеется часовня.

— Что за часовня?

Абрам Бурдули из селения Млета, случайный

¹ «Демон», часть II, строфа V.

попутчик, старик, говорит, что существует предание, будто бы молитва в этой часовне помогала спастись от лезгин. Наш проводник слышал, что она «спасала от нападения разбойников». «Кто бывало войдет и помолится — в бою победит...»

В свете этого предания понятным становится, какую роковую ошибку совершил жених Тамары, не помолившись возле часовни, где

...с давних пор почует в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой. —
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих...¹

Что же это, однако, за развалины над Хатис-сопели? Как называлась крепость, в каком веке построена?

На нынешних картах такой крепости нет — это понятно. Но и в старых путеводителях нет. Нет на картах XIX века. Только на рукописных картах 30-х годов XVIII столетия, составленных известным ученым-историком и географом Грузии Вахушти Батонишвили, над нынешнем селением Хатис-сопели, возле поселения Гуда, значится: «Монастырь всех святых»². Вахушти отнес этот монастырь-крепость к разряду «калаки мцире» — небольших населенных укреплений.

Теперь, когда стало известно название, монастырь нетрудно отыскать в географических описаниях. И действительно, в «Географии» того же Вахушти, в том месте, где рассказывается об ущелье Арагвы, сказано: «Выше (то есть у истоков Арагвы. — И. А.) есть «Монастырь всех святых», ныне уже упраздненный»³.

¹ «Демон», часть I, строфа XI.

² Карты Вахушти хранятся в Рукописном отделе Государственного музея Грузии и в Отделе древних актов Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР.

³ Вахушти. География Грузии. Тбилиси, 1941, стр. 65 (на грузинском языке).

Итак, в первой половине XVIII столетия он уже пустовал. Значит, у Лермонтова зарисованы средневековая крепость и храм в том самом виде, в каком они находились в первой половине XIX столетия! Все оказалось так, как предполагали Русудан Закаидзе и директор Казбегского краеведческого музея.

И рисунок Лермонтова неожиданно приобрел значение архитектурного документа: поэт изобразил старинный памятник грузинского зодчества, более не существующий. И в скором времени мы увидим лермонтовский рисунок в издании по истории грузинского искусства. Потом, очевидно, в исторических работах о Мтиулетии, в путеводителях по долине Арагвы...

Но главное все же не в этом. Главное в том, что рисунок помогает понять творческую историю «Демона». Он рассказывает о работе поэта. Рисунки и картины Лермонтова могут, как выясняется, служить иллюстрациями к тексту его поэм и стихотворений. Но, кроме того, они играли в его работе роль «записных книжек», помогали ему закрепить то, что необходимо было ему в дальнейшем для воплощения поэтических замыслов.

Понятным становится теперь и другое: откуда Лермонтов знал легенды, предания и песни, распространенные именно в верховьях Арагвы, откуда знал про любовь Гуда, про Амирани, про часовню, мимо которой нельзя проехать, не помолившись, про смерть жениха в день свадьбы, о чем сложено так много песен в этом районе. То, о чем можно было только догадываться, сопоставляя стихи и прозу Лермонтова с произведениями грузинского фольклора, становится гораздо более убедительным, чем это казалось еще совсем недавно. Вспомним письмо к Святославу Раевскому: «Как перевалился через хребет в Грузию, — писал Лермонтов, — так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко...» Выясняется, что он не только «лазил на верх», но и спускался вниз — к истокам Арагвы. Вряд ли верхом: спуск от Крестовой так крут, что даже и Лермонтов, отменный кавалерист, предпочел, наверно, более утомительный способ...

Многое переменилось с тех пор на Военно-Грузинской дороге. В несокрушимую крепость превращено было ущелье Дарьяла в дни Великой Отечественной войны. Рядом со старинными башнями возникли тогда новые укрепления. Непрístupный дот сооружен был в подножии скалы, на которой высится «Замок Тамары». Видна амбразура дота в «Ермоловском камне» — огромном валуне, лежащем посреди Терека. В отвесных дарьяльских скалах черные квадраты — пулеметные гнезда...

Сверкают черной ночью в Дарьяле огни Хдэгэс. Золотой вереницей уходят в гору, туда, где прокладывается тоннель сквозь хребет. Скоро воды Терека образуют там водохранилище новой ГЭС.

Вспыхивают стрелки и буквы на дорожно-опознавательных знаках. Выхваченные их темноты автомобильными фарами, бледносерые в электрическом свете, мчатся навстречу машине скалы, и темнота, удирая вперед по накатанному асфальту, исчезает за поворотом. Скользит свет по телеграфным проводам, протянутым над туманной пропастью, и царство лермонтовского демона оглашает автомобильный сигнал.

Ночь проходит в Казбеги. В дорогу! Позади Казбегский музей, новое здание гостиницы. Жилые дома, парткабинет, райком... Мелькнули домики поселка, возникшего близ разработок андезита — кислотоупорного и огнеупорного камня.

Новым светом озарен пейзаж, воспетый Лермонтовым. Но поэзия, опередившая свое время, не стареет. Она живет вместе с нами!

.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЫВОДЫ

Вот что можно сказать сегодня об источниках зрелых творений Лермонтова, зародившихся во время его путешествий по Грузии и по Северному Кавказу, — «Демона», «Мцыри», отчасти «Героя нашего времени», «Даров Терека», «Казачьей колыбельной песни», «Спора», «Тамары», «Свиданья», очерка «Кавказец», сказки «Ашик-Кериб»...

Теперь уже окончательно ясно, что и «Мцыри», и «Демон», и «Дары Терека», и «Казачья колыбельная песня», в продолжение целого столетия изучавшиеся главным образом в отношении к их воображаемым западноевропейским литературным источникам, на самом деле напоены темами народной поэзии. В «Демоне» и «Мцыри» претворился грузинский, хевсурский, осетинский фольклор; «Ашик-Кериб» представляет собою запись азербайджанской народной сказки; «Дары Терека» и «Казачья колыбельная песня» возникли на основе гребенских казачьих песен. Теперь уже вряд ли кому-нибудь покажется, что «Бородино» и «Песня про царя Ивана Васильевича...» представляют собою «случайные фольклорные стилизации» Лермонтова, как еще недавно думали некоторые исследователи. Становится все более очевидным, что фольклор был

постоянным, органическим источником лермонтовской поэзии.

Не книга, но прежде всего живая действительность составляла ее источник: собственные переживания и наблюдения поэта, народные предания, легенды и песни, рассказы бывалых людей, споры с друзьями. Глубокий и напряженный интерес Лермонтова к политической жизни России, к состоянию современного ему общества, с такой поразительной силой выразившийся в его знаменитой «Думе», сочетался у него с таким же постоянным интересом к отечественной истории — к эпохе Ивана Грозного, к пугачевскому восстанию, к событиям Отечественной войны 1812 года, к заграничным походам русской армии, к истории кавказской войны.

Не оборвись жизнь Лермонтова на двадцать седьмом году — в трех романах, которые должны были составить по его мысли единое целое, важнейшие периоды отечественной истории оказались бы связанными между собой и предстали бы перед читателем в их развитии. И снова подчеркнем, что замысел этот в известной степени предварял замыслы Льва Толстого.

Мы знаем, какую огромную работу по собиранию исторического материала для «Войны и мира» проделал Л. Н. Толстой, сколько он перечитал многотомных исторических исследований и мемуаров — русских и иностранных, изучил документов, пересмотрел гравюр и литографий, сколько беседовал с историками и с военными, — словом, сколько прочитанного и услышанного он переосмыслил и обобщил. Лермонтов, взявшись за изображение той же эпохи за двадцать пять лет до Толстого, находился в положении неизмеримо более трудном. Многотомные исследования военных историков еще не появлялись, воспоминания и суждения военных людей, собеседников Лермонтова, хотя во многом были и живее, и непосредственнее, и достовернее, но в них лишь косвенно отражался масштаб великих исторических событий, и Лермонтову, в отличие от Л. Толстого, предстояло выполнить работу историка — собирателя фактов и не столько переосмыс-

лить, сколько впервые во многом, осмыслить рассказы о событиях Отечественной войны 1812 года и освобождения русскими войсками Европы в 1813—1814 годах (вспомним, что он собирался описать в одном из своих романов действия и «в сердце России» и «под Парижем»).

Если же вдуматься в замысел заключительного романа из этой неосуществившейся трилогии Лермонтова, в котором он хотел показать Тифлис при Ермолове, ермоловские экспедиции в горы Центрального Кавказа, персидскую войну и гибель Грибоедова, становится ясно, что он собирался изобразить события, происходившие в период подготовки и поражения декабрьского восстания 1825 года, и людей, связанных с декабристами. Об этом свидетельствуют фигуры Ермолова и Грибоедова. Попутно выясняется, что мысль написать такой роман возникла у Лермонтова после личной встречи с Ермоловым и что аллегорическое описание движения русских войск на Кавказ в стихотворении «Спор» было насыщено глубоким историческим смыслом и необычайно острым политическим содержанием.

Замысел этой исторической трилогии до сих пор мало обращал на себя внимания исследователей главным образом потому, что не ставился в связь с общим развитием творчества Лермонтова и не наполнялся конкретным историческим содержанием.

Между тем он свидетельствовал о том, что идейная близость Лермонтова к декабристам и Грибоедову, возникшая еще в годы юности, привела его к мысли создать после «Героя нашего времени» роман о судьбе того поколения, которое возмужало в огне Отечественной войны против Наполеона и было сломлено катастрофой 1825 года. «Уже кипучая натура его начала устаиваться... орлиный взор спокойнее стал вглядываться вглубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые...» — писал Белинский в рецензии на посмертное издание «Героя нашего времени», в которой рассказал о намерении Лермонтова написать «три романа из трех эпох жизни русского общества».

Нельзя не отметить здесь историческую закономерность: замысел «Войны и мира» Толстого точно так же родился в связи с работой над «Декабристами».

Мысли об исторической судьбе своего народа, любовь к отечеству, которую Лермонтов, по выражению Добролюбова, понимал «истинно, свято, разумно», помогла ему постигнуть достоинства и других населявших Россию народов. На новом материале, собранном в этой книге, мы старались показать этот живой интерес Лермонтова к поэзии и культуре грузинского народа, к языку и поэзии азербайджанского. В круг знакомых Лермонтова входят новые люди: замечательный грузинский поэт, выдающийся азербайджанский писатель — демократ-просветитель, вдова великого русского писателя, способствовавшая сближению русской и грузинской культуры.

Через них Лермонтов воспринимал Кавказ не как экзотику, не поверхностно, а углубленно и органически.

Кроме Грибоедова, грузинские замыслы которого дошли до нас только в отрывках, пожалуй, никто из русских поэтов прошлого не почувствовал так полно, так органично, как Лермонтов, Грузию — ее пейзаж, ее фольклор, ее исторические памятники. Русская читающая публика издавна связывает представление о красоте Грузии с образом лермонтовской Тамары и той безыменной грузинки, которая, спускаясь с кувшином к студеному роднику под горой и напевая простую песню, пробудила «сладкую тоску» в груди Мцыри. Для русского читателя представление о Грузии неотъемлемо связано с картинами грузинской природы в «Демоне», «Мцыри», в «Герое нашего времени».

Узнав Кавказ еще в детстве, Лермонтов с годами все глубже вникал в исторические судьбы кавказских народов, все больше интересовался их культурой: «Там, на Востоке, тайник богатых откровений», — говорил Лермонтов Краевскому, в последний раз покидая Петербург за три месяца до своей трагической гибели. При этом Лермонтову, так же как и Пушкину, было свойственно самое передовое, чуждое всякой нацио-

нальной ограниченности, отношение к народам Кавказа. Это было одним из проявлений передового мировоззрения Лермонтова, которое все более сближало его с революционными демократами. По словам Чернышевского, Лермонтов «самостоятельными симпатиями своими принадлежал к новому направлению, и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделять дружеских бесед Белинского и его друзей».

Белинский первый заметил, что произведения Лермонтова ознаменованы «печатью какой-то особености», что они «не походили ни на что являвшееся до Пушкина и после Пушкина». Именно поэтому еще при жизни Лермонтова Белинский заявлял, что «Пушкин умер не без наследника». А вскоре после гибели Лермонтова поставил обоих поэтов рядом, как величайшие явления русской культуры.

«Давно ли г. Боратынский вместе с г. Языковым, — писал Белинский в 1842 году, — составлял блестящий триумвират, главою которого был Пушкин? А между тем, как уже давно одинокою стоит колоссальная тень Пушкина, и, мимо своих современников и сподвижников подает руку поэту нового поколения, которого талант застал и оценил Пушкин еще при жизни своей!»¹

БИОГРАФИЯ БУЛАТНОГО КИНЖАЛА

Четыре года с небольшим отделяют стихи Лермонтова на смерть Пушкина от 27 июля 1841 года, когда выстрел в Пятигорске, с нетерпением ожидавшийся в Зимнем дворце и доставивший нескрываемое удовлетворение императору и шефу жандармов, оборвал жизнь Лермонтова и его великую поэтическую работу.

Только четыре года держал в своих руках Лермонтов знамя русской поэзии и с честью нес его по пушкинскому пути, развивая великие пушкинские тради-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под редакцией С. А. Венгерова, т. VII. СПб, 1904, стр. 47.

ции. То, что он успел сделать за этот короткий срок, огромно и по количеству созданного и по значению: «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Мцыри», «Демон», «Беглец», «Герой нашего времени», томик стихотворений, вышедший в свет в 1840 году, стихотворения последнего года — это самое лучшее, самое зрелое и значительное из всего, что было им создано. И неизбежно образ поэта и даже его внешний облик оказались неотделимыми от этих произведений, так или иначе связанных с Кавказом. В сознании миллионов читателей поэзия Лермонтова издавна и чаще всего ассоциируется с теми портретами, на которых он представлен в мохнатой кавказской бурке или в пехотном мундире без эполет и с кинжалом на поясе.

Этот кинжал сохранился. Многочисленные посетители Пушкинского дома в Ленинграде подолгу склоняются над стеклом витрины, в которой хранится сверкающий клинок с золотой арабской надписью и рукояткой, украшенной замысловатыми узорами.

Эта вещь привлекает к себе такое долгое внимание не только потому, что это — личное оружие Лермонтова, с которым он не расставался в боях и изображен на портретах. Нет, кинжал в музейной витрине привлекает прежде всего потому, что образ кинжала живет в лермонтовских стихах, потому, что кинжал — один из самых устойчивых атрибутов лермонтовской поэзии.

Как символ тираноборства и свободы он вошел в стихи Лермонтова из поэзии декабристов и Пушкина. Но Лермонтов развил этот образ, сделал его конкретным, «написал его биографию». Его кинжал — символ благородства, чести, силы, независимости и свободы в самом широком смысле. Это товарищ поэта — неизменный и верный, к которому обращены лучшие стихотворения.

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный¹.

¹ Стихотворение «Кинжал».

Вступив на путь борьбы с самодержавной властью, всем своим творчеством выражая протест против общественно-политического уклада дворянско-крепостнической России, поэт заявлял о своей твердости, подобной кинжальной стали:

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный¹.

Кинжал — мерило лучших чувств — возвышенной любви и стремления к «мятежной жизни», к свободе.

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат...²

В стихотворении «Поэт» рассказана история этого грузинского кинжала с надписью на стальном клинке:

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным;
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычно, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает³.

¹ «Кинжал».

² «Как небеса твой взор блистает».

³ «Поэт».

Кинжал был для Лермонтова символом служения поэта народу. С его клинком он сравнивал силу поэтического слова. Назначение поэзии и общественную миссию поэта он видел в том, что стих должен уподобиться оружию — звенящему клинку кинжала. Поэты конца 1830-х годов отказывались от общественного служения. И, обращаясь тогда к образу поэта-пророка, трибуна, поэта-гражданина и учителя, вспоминая Пушкина и Рылеева, призывавших народ на подвиги во имя свободы, Лермонтов вопрошал:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мшенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Новые разыскания советских исследователей показывают, что клинок своего поэтического оружия Лермонтов отточил на Кавказе, после того как смело обличил в своих стихах убийц Пушкина и встал в ряды активных поборников русской свободы и славы.

ВОСПОМИНАНИЯ Д. Ф. ХАРЛАМОВОЙ

Имена Пушкина, Грибоедова, Кюхельбекера, сосланных декабристов, названные Харламовой в связи с ее рассказом о Чавчавадзе и об Ахвердовой, побуждают нас опубликовать эти воспоминания полностью в приложении.

Рукопись воспоминаний, подписанная инициалами Д. Х., хранится в Москве, в Государственном театральном музее имени А. А. Бахрушина и носит заглавие «Еще несколько слов о Грибоедове» (шифр ТМ163494). Кроме рукописи, в том же музее имени Бахрушина имеется машинописная копия с нее, содержащая многочисленные ошибки и пропуски (шифр ЦТМ П163456) и озаглавленная «Из воспоминаний Д. Ф. Харламовой».

О существовании воспоминаний Харламовой известно было и раньше. В 1929 году И. С. Зильберштейн писал в одном из примечаний к книге «Грибоедов в воспоминаниях современников»: «По имеющимся у нас сведениям в Государственном театральном музее им. А. А. Бахрушина имеется рукопись воспоминаний дочери П. Н. Ахвердовой, выходящая скоро из печати».

На этом основании Зильберштейн решил не включать в свою книгу даже и тех сведений, которые получил в свое время от Харламовой Н. В. Шаломытов.

Однако ни в 1929 году, ни после мемуары Харламовой напечатаны не были. Несколько строк из маши-

нописной копии были использованы М. В. Нечкиной в ее работе «Грибоедов и декабристы».

Мы снабжаем воспоминания Харламовой примечаниями, цель которых не только раскрыть упомянутые в тексте имена и факты, но подтвердить также несомненную достоверность их, оговорив встречающиеся кое-где неточности.

Несколько слов о самой мемуаристке.

Дарья Федоровна Ахвердова, единственная дочь Федора Исаевича Ахвердова от брака его с Прасковьей Николаевной Арсеньевой, родилась в Тифлисе 17 июня 1817 года. Тринадцати лет переехала с матерью в Петербург.

Совершенно расстроенное состояние Прасковьи Николаевны Ахвердовой и огромные долги, очевидно, послужили причиной того, что Дарья Федоровна вышла замуж только в 1845 году, в двадцатисемилетнем возрасте, за небогатого псковского помещика Николая Александровича Харламова, в то время, когда ее мать «была уже слаба и в параличе».

П. Н. Ахвердова умерла в 1851 году. На следующий год Д. Ф. Харламова овдовела, а через несколько лет ее небольшое имение пошло с публичных торгов.

У Дарьи Федоровны была дочь Мария Николаевна, бывшая замужем за троюродным братом Лермонтова Никитой Конрадовичем Шмит (внуком Никиты Вас. Арсеньева).

На рукописи воспоминаний, хранящейся в Театральном музее, рукою А. А. Бахрушина сделана надпись: «Дарья Федоровна Харламова, дочь П. Н. Ахвердовой. Писано рукою ее дочери, вдовой тайного советника М. Н. Шмит».

Умерла Д. Ф. Харламова в Петербурге 1 апреля 1906 года в возрасте 89 лет и погребена на Смоленском кладбище.

Д. Х<арламова>

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГРИБОЕДОВЕ

Часто помещаемые в литературе воспоминания об Александре Сергеевиче Грибоедове побудили и меня, 84-летнюю старуху, воскресить в своей памяти все, что только об нем помню, а помнить есть что, так как в доме моей матери в Тифлисе он был ежедневным гостем. У нас зародилась и развивалась его любовь к княжне Нине Чавчавадзе, и в нашем же доме сделался он счастливым женихом, позабыв на время свою ипохондрию. К сожалению, во время всех этих событий я была совершенно маленькая девочка; мне было около 12 лет, когда его убили; вот почему воспомина-ния мои ограничены.

Родилась я в Тифлисе в 1817 году, где мой отец командовал артиллерией; после его смерти, в 1820 году¹, мать осталась жить в Тифлисе, где у нас на склоне горы, близ потока Салылак, был дом и чудный, волшебный сад*.

Мать моя была та самая Прасковья Николаевна Ахвердова, об которой всегда упоминается во всех биографиях А. С. Грибоедова. Она была необыкновен-

* Дом после нашего отъезда был приобретен казной для института благородных девиц, а теперь в нем живут таможенные чиновники².

но гостеприимная, любезная, образованная и талантливая женщина, и дом ее был сосредоточием всего культурного общества Тифлиса в продолжение 10 лет³. Мода и жажда почестей и наград манила много военной золотой молодежи на Кавказ, перебывали там и князь Ал. Ар. Суворов * [помню] и графа Самойлова, и Бутурлина, и Веригиных, и Арсеньева, и Симборского, и много других, одним словом, по 2 или по 3 офицера из каждого гвардейского полка. Каждый из них делал визит моей матери и затем и бывал почти ежедневно⁴. И либеральная статская молодежь из будущих Декабристов тоже навещалась на Кавказ и бывала у матери, особенно часто, кажется, В. К. Кюхельбекер — давнишний друг нашей семьи; я, впрочем, его не помню, знаю это только по рассказам⁵. После 25 года были отправлены проветриться многие слегка замешанные Декабристы: из них помню двух — Рынкевича и Искрицкого⁶. Около 1829 года посетил и обедал у нас и Александр Сергеевич Пушкин, я его превосходно помню, хотя это было в смутное для нас время, после смерти Грибоедова. По рассказам, Грибоедов, приехав в Тифлис около 22 года, сейчас же сделался героем, дрался на дуэли с Якубовичем (будущим Декабристом) и, по всей вероятности, уже тогда познакомился с моей матерью⁷. Сохранилось письмо от 1827 года, где он извиняется пред ней в неисполненном, из-за нервного припадка, поручении⁸. Я лично начала его помнить лет 9, когда он вернулся после долгого отсутствия из Тифлиса, почти ежедневно обедал у нас, а после обеда играл нам, детям, танцы. А детей нас было много, чуть не маленький пансион двух возрастов. К старшему принадлежали: дочь от первого брака моего отца Софья Федоровна, впоследствии замужем за Н. Н. Муравьевым-Карсским, и брат Егор Федорович⁹, бедная племянница моего отца Анна Андреевна Ахвердова, и приходили для совместного ученья знаменитая княжна Нина Чавчавадзе и княжна Мария Ивановна (Маико) Орбелиани¹⁰.

* который полвека спустя, когда я уже была совершенно старая, называл меня не иначе как уменьшительным именем.

Княжна Екатерина Александровна Чавчавадзе, впоследствии княгиня Дадиан Мингрельская, княжна Софья Ивановна (Сопико) Орбелиани, Варенька Туманова и я составляли младший возраст ¹¹.

Князь Александр Герсеванович Чавчавадзе, соопекун моей матери над сестрой Софи и братом Егорушкой, нанимал небольшой наш флигель, рядом с нашим большим домом; в нем жила его мать, жена-княгиня Саломе и дети — Нина, Катенька и Давид. Целый день находились у нас девочки, а Катенька даже и жила у нас в одной комнате со мной и гувернанткой нашей Надеждой Афанасьевной ¹², той, которой А. С. Грибоедов в одном из писем к матери шлет целый акафист приветствий. Летом ездили мы часто гостить в чудное имение Чавчавадзе Цинандали в Кахетии, совершали путешествие всегда под конвоем не менее 20 солдат, из опасения нападения горцев. Князя я менее других помню, он часто отлучался, а впоследствии, после взятия Эривани, был там губернатором. Но семья его осталась в Тифлисе. Нам-то, младшему возрасту, и играл танцы Грибоедов. Расположение духа у него было необыкновенно изменчивое, иные дни проходили в полном молчании с его стороны, но без видимой причины чело его прояснялось, он делался весел, разговорчив (говорил всегда по-французски) и, если не было мало знакомых гостей, шел в зал после обеда, говоря «*Enfants, venez danser*» * — садился так, чтобы видеть наши неуклюжие танцы. Играл он всегда танцы своего сочинения, мелодию которых еще ясно помню, но очень красивые и сложные, потом переходил к другим импровизациям и проводил за роялем иногда весь вечер. Сопико Орбелиани имела обыкновение подходить вплотную к клавишам, это его раздражало, и он, после финального аккорда, ударял ее по выставленному животу указательным пальцем, что ее огорчало и приводило в бегство. К сожалению, я принадлежала к младшему возрасту, поэтому помню только то, что относилось к нашему детскому миру, и ничего из разговоров со старшими передать не могу.

* «Дети, идите танцевать».

Младшего брата княжны Нины он всегда вместо приветствия гладил по курчавым волосам и в одном письме к матери пишет: — Давыдочку по головке. — Но общее впечатление, которое производил на меня ласковый, но почти всегда серьезный средних лет статский господин в очках, внушающий мне глубокое почтение, граничащее с робостью, хорошо помню, а также удивление, что Нина настолько мало боялась его, что даже вышла за него замуж. Конечно, главное внимание Александра Сергеевича с того время, как я стала его помнить, было обращено на княжну Нину Чавчавадзе, которой было лет 14 тогда, хотя она, как все южанки, была уже вполне сложившаяся женщина в эти годы¹³. Он занимался с ней музыкой, заставлял говорить по-французски, и даже когда он, впоследствии, взял ее за руку и повел в наш сад делать предложение, она думала, что он засадит ее за роаль.

Не скажу, чтобы мать моя имела возможность воспитывать и обучать особенно блестяще своих питомцев, во-первых, кроме сестры Софи, все поголовно были ленивы, и кроме того учителя были не из перво-классных¹⁴. Не знаю, где они были преподавателями и фамилий не помню, знаю, что их называли Акакий Кондратьевич, Аксентий Трифионович и Афанасий Иванович Гиацинтов. Музыке нас учил капельмейстер Соколовский, только Нине Александровне давал сам советы Грибоедов, когда она подросла и он был в Тифлисе. Живописи учила сама мать, отличная художница миньятюром, портретистка. Но что более всего процветало у нас — это французский язык. У маленького Чавчавадзе, Давида, был гувернер М-г Ravergi (М. Равержи), но за малостью флигеля, занимаемого Чавчавадзе, он и его дочь Josephine (Жозефина) жили у нас и занимались с нами теоретически и практически. Кроме того, около 1826 года наехало в Тифлис целое общество французов, которые основали шелковичную фабрику на паях, один из главных компаньонов М-г Duello (М. Дюэлло) жил в нашем доме, часто нас посещал и способствовал успешному французскому разговору. Танцам из любезности нас учила прелестная M-me Castella (М-м Кастелла),

жена тоже одного из крупных пайщиков¹⁵. Верхом ездил весь старший возраст: если ехала Нина Александровна и Грибоедов был в Тифлисе, то сопровождал ее, мы же, младший возраст, пользовались лошадьми только по возвращении кавалькады, немного по двору¹⁶.

Сестра моя Софи тоже была красавица, в другом роде, чем Нина Александровна, но почти не хуже ее. Мать ее, урожденная княжна Юстиниани, одарила ее этой красотой и такой величавостью, что ее прозвали порфи<ро>родною. Она с Ниной Александровной составляли картинную пару, и все, что было молодежи в Тифлисе, увивались около них. Еще врезался мне в память маленький костюмированный бал у нас, где Нина Александровна появилась в старинном грузинском костюме, сохранившемся у бабушки ее Марьи Ивановны¹⁷. Костюм этот много живописнее новейшего, и красота ее в нем была неописанная. Но был ли Грибоедов на этом бале — не помню.

Хотя это и не касается Грибоедова, но не могу не упомянуть, насколько Тифлис того время был еще пуст; даже не было хорошего дамского башмачника, и его амплуа исполнял лакей матери Егор Титов.

Когда предвиделся бал или свадьба, то понятно, что он обшивал всех домочадцев, включая княжен Чавчавадзе и Орбелиани; но и посторонние княгини являлись к матери с рамбави (новостями, сплетнями) и, между прочим, просили позволения заказать башмаки своим дочерям Егору Титову. Отказывать она не умела, и выходило, что у нее лакей — башмачник на весь Тифлис и она почти постоянно лишена его услуг. Как сейчас помню красные атласные башмаки, которые он сшил мне и Катеньке <к> свадьбе Грибоедова. Нас с ней очень плохо одевали, обращали более внимание на туалеты Нины Александровны и сестры Софи, которую мать любила не менее, если не более, меня, поэтому красные башмаки составляли событие в нашей жизни. Сестра Софи была двумя или тремя годами старше Нины Александровны и вышла замуж немного ранее ее¹⁸. Муж ее, Н. Н. Муравьев-Карский, который почему-то не ладил с Грибоедовым и

не желал женитьбы его на приятельнице своей жены, хлопотал, чтобы она дала согласие на замужество с другом его, Сергеем Николаевичем Ермоловым; но она обладала всегда очень стойким характером, не поддавалась и сохранила себя для того, кого любила так сильно ¹⁹.

После того, как Грибоедов сделался женихом княжны Нины, он должен был присоединиться к армии Паскевича немедленно, он пишет 12 июня из Карабага матери, описывает военные действия и прибавляет: «Dites à Nina, que cela ne durera pas et bientôt dans 2 ans tout au plus je deviendrai l'hermite de Zinondali». И далее в этом же письме: «Parlez à Nina de moi, beaucoup, toujours, quand Vous n'aurez rien de mieux à faire». Подписывается он так в этом письме: «Rappelez-Vous, que nous Vous chérissons tous les deux comme une mère tendre, Votre couple d'adoption, Vos enfants c'est elle et moi»*. Он был тогда уже не прикомандированным к Паскевичу, а посланником, поэтому, вероятно, и не остался долго при армии; возвратившись в Тифлис, захворал лихорадкой и пишет матери из своей городской квартиры в доме Главнокомандующего: «Ma très chère amie. Vous m'avez vu au commencement de mon paroxysme... il a été de plus violent, et a duré jusqu'aujourd'hui matin. Comme il est tout à fait impossible, que Nina croie aussi longtemps aux mauvaises raisons, que je lui ai fait imaginer de ma disparition, veuillez lui dire, que j'ai été mal, il est vrai, mais que maintenant je vais beaucoup mieux, quoique je ne puisse encore quitter ma chambre. Embrassez la bien tendrement»**. Лихорадка

* «Скажите Нине, что это продолжаться не будет и что скоро, не дольше, как через два года, я сделаюсь отшельником в Цинондалах... Говорите Нине обо мне побольше, всякий раз, когда Вам нечего будет делать лучшего... Помните, что мы оба любим Вас, как нежную мать. Ваши дети, это она и я».

** «Мой дражайший друг. Вы видели меня в начале моего приступа... он был очень сильным и продолжался до сегодняшнего утра. Так как невозможно, чтобы Нина столь долго верила выдумкам, которые я пытался внушить ей насчет моего исчезновения, то благоволите сказать ей, что я был нездоров на самом деле, но что теперь я чувствую себя гораздо лучше, хотя еще не могу выходить из дому. Поцелуйте ее очень нежно».

не покинула его до свадьбы, даже под венцом она трепала его, так что он даже обронил обручальное кольцо и сказал потом: «C'est de mauvaise augure» *. Когда после свадьбы они уезжали в Персию, все, у кого только были экипажи и верховые лошади, выехали их провожать, не помню только, до какого места, так как меня не взяли ²⁰. В последнем своем письме из Тавриса, где он жил некоторое время с женой, предвечной разлукой и отъездом его одного в Тегеран, он пишет матери: «Les conseils, que Vous me donnez pour que je soigne les compositures de ma femme, sont très sages et salutaires, mais tout mon temps est pris par cette maudite contribution, que je ne puis encore parvenir à tirer entier des Persans» **. Три месяца после этого письма он был убит. Про то, как привезли остатки Грибоедова в Тифлис, как его хоронили, я имею очень смутные воспоминания, я была больна в то время, но все же видела похоронную процессию издали, с балкона нашего дома ²¹. Говорили тогда, что гроб его держали долго в карантине ²². По приезде из Тавриса Нина Александровна поселилась со своими родными уже не в нашем флигеле, а в городе. После того, как нечаянно ей открыли правду, она долго хворала и на нашем доме до самого отъезда в мае 1830 года все как будто тяготел траур ²³. Приезжала раз Нина Александровна в Москву с сестрой своей, княгиней Е. А. Дадриан Мингрельской на коронацию императора Александра II ²⁴, но нам не суждено было свидеться: вскоре после этого она скончалась. С княгиней же Екат[ериной] Алек[сандровной] Дадриан мы часто виделись впоследствии в Петербурге, после того, как она должна была уступить свои владения России, были с ней в самых дружеских отношениях и в переписке до самой ее смерти, последовавшей в ее мингрельском замке Зукзыдах ²⁵.

* «Это дурное предзнаменование».

** «Ваши советы о том, чтобы я позаботился о композициях моей жены, благоразумны, но у меня все время занято этой проклятой контрибуцией, которую я еще не могу целиком вытянуть от персиян».

Мать моя сохранила 9 писем А. С. Грибоедова, которые я, кажется, в 1888 году отдала в Публичную библиотеку²⁶. Одно из этих писем 1827 года, совершенно незначительное, четыре 1827 года, когда он состоял при князе Паскевиче, описывает военные действия, рвется на свадьбу и недоволен всем. Три письма 1828 года, когда он был уже назначен послом, но все же был при армии князя Паскевича, тоже описывает военные действия, и пишет много про свою невесту, последнее из Тавриса, уже женатый, до смерти за три месяца.

Воспоминания эти я должна диктовать, так как зрение мое ослабело и почерк неразборчив.

Удельная, 11 ноября 1901 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

к «Воспоминаниям Д. Ф. Харламовой»

¹ Федор Исаевич Ахвердов умер в Тифлисе 25 апреля 1820 года, на 48-м году от рождения. Похоронен в Сионском соборе.

² Большой каменный с мезонином дом и виноградный сад «с отличными фруктовыми деревьями» — яблонями, грушами, абрикосовыми и миндальными, «состоящие в предместье Тифлиса», для покрытия долгов 1 февраля 1831 года были разыграны в лотерею. Однако, ввиду того, что билет, на который пал выигрыш, не был предъявлен, а лицо, его приобретшее, находилось за пределами Грузии, по решению главногоуправляющего дом был уступлен казной госпоже Каstellа, разместившей в нем «пансион для малолетних благородных девиц».

Одноэтажный флигель с землей, не входившей в состав лотереи, остался собственностью наследников и за смертью дочери Ахвердова Софьи перешел к сыну — Егору.

(«Дело о разыгрании в лотерею дома и сада, принадлежащего детям умершего артиллерии генерал-майора Ахвердова. На 305 листах. Начато 1820 года. Окончено 1831 года». ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, оп. 1, № 854).

³ Кетеван Орбелиани называет Прасковью Николаевну «хорошо воспитанной московиткой» и прибавляет, что она была первой женщиной в городе, получившей образование в России.

⁴ Князь Александр Аркадьевич Суворов — внук генералиссимуса А. В. Суворова, корнет лейб-гвардии Конного полка. Был удален на Кавказ за прикосновенность к тайному обществу декабристов. Состоял при Ермолове, потом при Паскевиче «для поручений». Участвовал в походах 1827 и 1828 годов. В 1828 году был назначен флигель-адъютантом. Впоследствии — в 1860-х годах — был петербургским генерал-губернатором. Там, в Петер-

бурге, и встречалась с ним Дарья Федоровна, вспоминая, как Суворов «полвека спустя», когда она была уже «совершенно старая», называл ее уменьшительным именем. Умер Суворов в 1882 году. По словам мемуариста, бывая в Москве, он всегда останавливался на Лубянке у Веригиных, с которыми его связывала «полувековая дружба», начавшаяся еще на Кавказе. Этих Веригиных Дарья Федоровна так же запомнила в числе гостей своей матери.

Один из них — подпоручик лейб-гвардии Московского полка — провел в Тифлисе зиму 1826—1827 года. В составе Сводного гвардейского полка он принимал участие в русско-персидской войне и отличился при взятии Эривани. Другой — известный впоследствии военный писатель Александр Иванович Веригин — по окончании училища колонновожатых, вступил в свиту и в 1827 году был послан в европейскую Турцию и на Кавказ для «обозрения» и «съемок земель». Этому Веригину принадлежат напечатанные в «Русской старине» 1882 года воспоминания о его друге — А. А. Суворове.

Граф Николай Александрович Самойлов — офицер лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант Ермолова, уволенный от службы «за болезнью» вслед за опалой Ермолова. Двоюродный дядя друзей Пушкина — А. Н. и Н. Н. Раевских и декабриста В. Л. Давыдова. Пушкин упоминает его имя в «Путешествии в Арзрум», рассказывая о достоинствах холодного оружия, выделяемого тифлисскими оружейниками.

Николай Александрович Бутурлин — штаб-ротмистр лейб-гвардии Уланского полка, адъютант гр. А. И. Чернышева. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» упоминает и о нем: «В Гергерах встретил я Бутурлина, который, как и я, ехал в армию. Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями. Я отобедал у него как бы в Петербурге». Известно, что в действующую армию Бутурлин поехал за отличиями. Вскоре по доносу Бутурлина Паскевич получил замечание за то, что декабристы, сосланные на Кавказ, пользовались у него слишком большой свободой.

Николай Дмитриевич Арсеньев — родной племянник П. А. Ахвердовой, двоюродный брат мемуаристки. Был выпущен в 1823 году в Ольвинопольский гусарский полк. На Кавказе в чине подпоручика лейб-гвардии Московского полка состоял адъютантом у Дибича. Паскевич относился к Арсеньеву неприязненно. «Я давно уже сделал все, что нужно было для Вашего племянника, — писал Грибоедов Ахвердовой в 1828 году, — но граф не особенно расположен к нему».

И, наконец, Авенир Михайлович Симборский — поручик 41-го Егерского полка, кавказский офицер. В библиотеке В. А. Каверина имеется книга «Стихотворения Дениса Давыдова, 1832», на титуле которой написано: «Симборского. Просьба не зачитывать». И ниже: «Из книг брата Авенира Михайловича, умершего скоропостижно в 1834 году. Книга эта была с ним в персидскую войну и во всю службу на Кавказе в 41 Егер-

ском полку...» Книга, вышедшая в свет в 1832 году не могла быть с ним «в Персидскую войну» 1826—1827 года. В этом брат Симборского ошибся. Но в том, что Авенир Симборский служил в 41-м Егерском полку, квартировавшем в Белом ключе близ Тифлиса, и участвовал в персидской кампании, — в этом он ошибиться не мог. Да, кроме того, это подтверждается списками личного состава полка.

Таким образом снова подтверждается большая точность воспоминаний Харламовой. Названная ею гвардейская аристократическая молодежь в 1826—1829 годах действительно пребывала в Тифлисе. Посещая дом Ахвердовой, офицеры эти постоянно встречались и с Чавчавадзе. Недаром Григорий Дадияни запомнил, что кто бы ни приехал из Петербурга в экспедицию — все приходили в дом Чавчавадзе — «гвардейцы и другие аристократы... ф л и г е л ь а д ь ю т а н т ы, л е й б - г у с а р ы, п р е о б р а ж е н ц ы». Имена некоторых из них мы узнаем из воспоминаний Харламовой.

В число постоянных посетителей ахвердовской гостиной следует включить Николая Николаевича Муравьева, который начал бывать у Ахвердовой с 1818 года, а в 1827-м женился на ее падчерице Софье Федоровне. Участник войны 1812—1814 годов, член декабристской «Священной артели», Муравьев начал службу в Кавказском корпусе при Ермолове и оставался при Паскевиче. Впоследствии, во время русско-турецкой войны 1853—1856 годов, сам назначен наместником на Кавказ, командовал войсками при взятии Карса, при штурме которого отличился еще в 1828 году. В связи с этим получил добавление к фамилии: Муравьев-Карсский.

В своих «Записках», относящихся к 1820 годам, Муравьев с осуждением говорит о привычке Прасковьи Николаевны Ахвердовой «пирашествовать и жить открыто, допуская к себе обширный круг всякого народа, который ежедневно наполнял дом их». Раздражение Муравьева вызывала столичная гвардейская молодежь, «отчасти наглая», по его словам, которую Прасковья Николаевна будто бы «приглашала и ценила по наружному виду». Необходимо добавить, что Муравьевым руководили при этом и сугубо личные соображения: эти люди окружали его невесту и пировали в доме, который, по его расчетам, должен был стать его собственным домом, откуда он заранее хотел удалить неприятных ему людей.

⁵ Вильгельм Карлович Кюхельбекер находился в Тифлисе с октября 1821 года по 29 апреля 1822 года, когда ему был выдан «увольнительный аттестат». Известно, что в этот период он особенно близко сошелся с Грибоедовым и с кругом его тифлисских друзей — с П. Н. Ахвердовой и Чавчавадзе.

Харламова не помнила и не могла помнить Кюхельбекера, в то время ей было всего четыре года: об этом она и говорит.

⁶ Александр Ефимович Рынкевич (Ренкевич) — корнет лейб-гвардии Конного полка, член Северного общества декабри-

стов. Переведен на Кавказ прапорщиком в Бакинский гарнизонный батальон, а затем в Ширванский пехотный полк, квартировавший в Грузии, в Царских Колодцах. Умер в чине подпоручика в 1829 году. Демьян Александрович Искрицкий — подпоручик Гвардейского генерального штаба, член Северного общества. Сперва был переведен в гарнизон Орской крепости, потом — в кавказскую армию в 42-й Егерский полк, отличился при взятии Ахалцихской крепости: в 1829 году ему было поручено составление военно-топографических описаний Ахалцихского и Арзрумского пашалыков. Умер в 1831 году в Царских Колодцах.

⁷ Дуэль Грибоедова с Якубовичем относится к октябрю 1818 года. Очевидно тогда же, в первый приезд Грибоедова, в Тифлисе состоялось, как предполагает М. В. Нечкина, его знакомство с Ахвердовой.

⁸ Это письмо относится к 1828 году.

⁹ От брака с Наталией Григорьевной Юстиниани (или Джустиниани) у Федора Исаевича Ахвердова было трое детей. Дочь Нина Федоровна родилась в 1805 году. В 1824 году она вышла замуж за кн. Андрея Борисовича Голицына и уехала в Петербург. В 1828 году она умерла в Курске. Кроме нее, были сын Егор (род. около 1808 года) и дочь София (род. в 1810 году). От брака с Прасковьей Николаевной Арсеньевой у Ахвердова была только одна дочь — автор публикуемых воспоминаний.

¹⁰ «В немногочисленном кругу тогдашних образованных дам, — пишет Дмитрий Иванович Кипиани, — блистали в Тифлисе, как звезды первой величины, две княжны: Нина Александровна Чавчавадзе, впоследствии супруга Грибоедова, и Мария Ивановна Орбелиани, впоследствии мать супруги фельдмаршала князя А. И. Барятинского». Русский чиновник В. Инсарский, служивший в Тифлисе в 1840-х годах, рассказывает, что три красавицы — Нина и Екатерина Чавчавадзе и Мария Ивановна Орбелиани — «встречали и полонили каждого, приезжавшего в Грузию». Ссылаясь на слова самой Марии Ивановны, Инсарский пишет, что она была замешана в заговоре 1832 года и выслана в «Воронеж или в Ярославль». Это не вполне точно. В 1832 году Мария Ивановна вышла замуж за своего однофамильца Дмитрия Вахтанговича Орбелиани. В 1833 году за участие в заговоре он с матерью своей — царевной Текле — отправлен в Калугу, куда за ним последовала и жена. «В 1836 году по просьбе жены Марии Ивановны высочайше разрешено было ему проводить ее в Тифлис и прожить самому три месяца». (Выписка Е. Вейденбаума из дел тифлисского полицейского архива.)

¹¹ Сопико Орбелиани — Софья Ивановна Орбелиани, по мужу Безак, младшая сестра Марии Ивановны Орбелиани. Варенька Туманова — дочь поэта Георгия Туманишвили — Бабале, впоследствии жена доктора Э. С. Андреевского.

¹² Надежда Афанасьевна Юдина — «старая девица, жившая искони в доме сем и бывшая почти нянькою

у детей», — пишет Муравьев-Карсский. Вначале была приставлена сестрою царя — Екатериной Павловной — к племянникам П. Н. Ахвердовой, детям брата ее Дмитрия Николаевича Арсеньева; потом жила в доме Ахвердовых в Тифлисе. Грибоедов упоминает ее в письме от 28 июня 1827 года, в котором шлет «целый акафист приветствий и поклонов» Надежде Афанасьевне, Анне Андреевне Ахвердовой, Софье Федоровне Муравьевой, Марье Ивановне Орбелиани, Катерине Акакиевне Снаксаревой и «всем моим знакомым принцессам», — то есть княжнам Чавчавадзе. В том же письме он просит поцеловать «Дашиньку» и «маленькую Софи Орбелиани».

¹³ Д. Ф. Ахвердова пишет, что стала помнить Грибоедова, когда ей исполнилось девять лет, — следовательно в 1826—27 году. Действительно, в это время — с сентября 1826 года до апреля 1827 — Грибоедов находился в Тифлисе. Это совершенно совпадает и с другим утверждением Харламовой, что Нине Чавчавадзе в это время было 14 лет.

¹⁴ Егор Ахвердов был отправлен в Петербург для поступления в Пажеский корпус, но по причинам, нам неизвестным, вступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, из которой выбыл в 1827 году, до окончания курса, «за неспособностью к наукам». Прибыв в ставку Паскевича в период боевых действий против Персии, определился в 7-й карабинерный полк и во время экспедиции к Тавризу находился при Муравьеве. В 1830-х годах служил в Грузинском гренадерском полку и привлекался к делу о заговоре 1832 года. Харламова говорила Бартевеву, что Егор Ахвердов умер «в умоповреждении».

¹⁵ В 1830 году жена «шелкового фабриканта» Матильда Кастелла (или Кастелас) получила разрешение завести в Тифлисе пансион для «малолетних благородных девиц» и содержала его, как сообщает Муравьев, «поселившись в большом нашем доме по выезду нашем из Тифлиса». В 1840 году этот пансион был преобразован в «Закавказский девичий институт».

¹⁶ Кетеван Орбелиани вспоминает, что во времена Ермолова дрожки были в целом городе у четырех семейств: Текле Батонишвили, у купца Григола Сараджишвили, у Георгия Орбелиани и Георгия Туманишвили. «Ездили по городу верхом, — пишет она. — Одежда для верховой езды была особая. У Александра [Чавчавадзе] — были лучшие лошади».

¹⁷ Мария Ивановна — мать А. Г. Чавчавадзе — урожденная Авалишвили.

¹⁸ Софи Ахвердова, бывшая старше Нины Чавчавадзе двумя годами (Харламова правильно помнит и это), вышла замуж за Н. Н. Муравьева в 1827 году. В 1830-м умерла в его подмосковном имении двадцати лет от роду. По словам Муравьева, она «обожала» Прасковью Николаевну, как родную мать, и «имела к ней неограниченную доверенность».

¹⁹ Муравьев действительно добивался согласия А. Г. Чавчавадзе на брак Нины с Сергеем Николаевичем Ермоловым.

В «Записках» Муравьева много говорится о его неприязни к Грибоедову.

²⁰ Друзья, провожавшие Грибоедова и Нину, расстались с ними в Коды. До Эривани провожали их Саломе Чавчавадзе и прикомандированный к Грибоедову доктор Умисса.

²¹ С балкона Ахвердовых была видна Эриванская площадь, через которую двигалась похоронная процессия с телом Грибоедова. Улицы, ведущие от площади к югу — к подножию горы, на которой находятся развалины Нарикала, возникли только в 1830-х годах. До этого времени дома стояли на месте левой стороны нынешней улицы Церетели. Направо — если стать лицом к горе — находилось только одно здание — «съезжий дом 1-й части и пожарной команды». Все остальное пространство между нынешними улицами Церетели и Мачабели занимали виноградные сады, доходившие до самой подошвы Ботанической горы.

²² Грибоедов был убит в Тегеране 30 января, а тело его, по выдержании всех карантинных сроков, перевезено из тифлисского карантина в Сионский собор только 17 июля. 18 июля прах предан земле в монастыре св. Давида, «согласно с волею, неоднократно объявленной покойным при жизни» («Тифлиссские ведомости», 1829, № 29).

²³ Возможно, что отъезд Прасковьи Николаевны в Россию был связан с решением ее зятя Н. Н. Муравьева, отстранить ее от наследства Софьи и Егора Ахвердовых. «Она была обижена и обманута теми людьми, — писал Муравьев, — которым доверила управление имением своим в России. Содержась уже давно имением сирот (Софи и Егора), она едва находила средства к дневному содержанию своему и семейства своего. Но при всем том вечеринки, балы, выезды и наряды шли прежним порядком и умножали долги ее».

Имение П. Н. Ахвердовой находилось в Устюжанском уезде Новгородской губернии.

²⁴ Это неверно: Нина Александровна была в России и раньше — в 1846—1847 годах, в связи со свадьбой своего брата Д. А. Чавчавадзе. Утверждение А. Берже, будто бы она приезжала в Россию в связи со свадьбой Давида Чавчавадзе в 1836 году, ошибочно.

²⁵ Екатерина Александровна Дадияни с 1857 года, после того как в Мегрелии было введено русское управление, переселилась в Петербург. «Зукзыдах» — обмолвка рассказчицы: она хотела назвать Зугдиди.

²⁶ Письма Грибоедова к ее матери Д. Ф. Харламова передала в Публичную библиотеку не в 1888 году, а в 1881-м, после того как разрешила П. Н. Бартеневу опубликовать их.

²⁷ Мелкие различия, обнаруженные при сопоставлении цитат Харламовой из грибоедовских писем с их текстами, показывают, что она привела их на память, но в общем удивительно точно. Так же точно запомнила она и события, относящиеся к Грибоедову в его последний приезд в Тифлис. Но, как часто бывает в старости, память на числа у нее сохранилась хуже:

датирует письма она не совсем точно. По отъезде своем из Тифлиса в 1828 году Грибоедов действительно написал Ахвердовой то самое письмо, которое здесь цитируется. Но написано оно было из Гумри 29 июля, а не 12 июня из Карабаха, как уверяет Харламова. Она перепутала: Грибоедов писал Ахвердовой из Карабаха в июне 1827 года. Возвратившись в Тифлис, Грибоедов заболел лихорадкой: это было в 1828 году, перед свадьбой. Харламова относит эту записку к 1827 году. Впрочем, следует заметить, что годы на этих письмах Грибоедов не ставил. Третье письмо Харламова датирует правильно: оно написано в ноябре, за три месяца до гибели Грибоедова.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

В начале книги:

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Автопортрет. Акварель. 1837. Оригинал утрачен. Воспроизводится по копии, опубликованной в издании поэмы «Демон» («Голике и Вильборг», 1910).

Стр.

16. ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ ВОЗЛЕ СТАНЦИИ БАЛТА.
Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.
16. ДАРЬЯЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ И «ЗАМОК ТАМАРЫ»
Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.
17. СЕЛЕНИЕ СИОНИ БЛИЗ КАЗБЕКА.
(Точнее: между Казбеги и Коби). Раскрашенная автолитография Лермонтова. 1838. Снабжена не вполне правильной надписью самого Лермонтова: «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби». Между тем изображенная им гора — не Крестовая, а Кабарджина.
17. БАШНЯ В СИОНИ БЛИЗ КАЗБЕКА.
Картина Лермонтова. Масло. 1837. Дом-музей в с. Лермонтово, Пензенской области.
48. ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА БЛИЗ МЦХЕТА.
Картина Лермонтова. Масло. 1837. Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.

Стр.

48. ТИФЛИС.
Картина Лермонтова. Масло. 1837. Художественная галерея, г. Иваново.
49. АВТОГРАФ ПОЭМЫ «МЦЫРИ». Лист 2.
Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.
64. ТИФЛИС. ЗАМОК МЕТЕХИ.
Рисунок Лермонтова. Карандаш, 1837. Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.
64. ЛЕЗГИНКА.
Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.
65. АЛЕКСАНДР ГАРСЕВАНОВИЧ ЧАВЧАВАДЗЕ.
С портрета неизвестного художника. Литературный музей Грузии. Тбилиси.
80. НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГРИБОЕДОВА.
С портрета художника Дессэн. Пастель. 1839. Государственный историко-этнографический музей. Зугдиди (Грузия).
81. МАРИЯ КАЙХОСРОВНА (МАИКО) ОРБЕЛИАНИ.
Рисунок Г. Г. Гагарина. Карандаш. 1840. Государственный Русский музей. Ленинград
96. ТАМАНЬ.
Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.
96. РАЗВАЛИНЫ БЛИЗ СЕЛЕНИЯ КАРААГАЧ В КАХЕТИИ.
Картина Лермонтова. Масло. 1837. Институт русской литературы АН СССР. Ленинград.
97. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАЙЕР.
Автопортрет. Воспроизводится по репродукции, принадлежащей наследникам проф. А. Г. Майера (Москва).
128. МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ.
С литографии. Институт литературы им. Низами. Баку.

Стр.

129. ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВУИЧ,
поручик лейб-гвардии Конного полка — прототип Ву-
лича в «Фаталисте».
С портрета 1830-х годов. Масло. Государственный Артил-
лерийский музей. Ленинград.
224. РАЗВАЛИНЫ НА БЕРЕГУ АРАГВЫ В ГРУЗИИ.
Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт рус-
ской литературы АН СССР. Ленинград.
225. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК «ТАМАНИ».
Автограф Лермонтова. Из тетради «Чертковской библио-
теки». Государственный исторический музей. Москва.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава первая	
Начало славы	5
Письмо Раевскому	8
Подорожная в Грузию	10
История «Демона»	14
Любовь Гуда	17
Смерть жениха в день свадьбы	21
Прикованный богатырь	24
Монастырь на Казбеке	27
Коварная Тамара	35
Битва с барсом	39
У слияния Арагвы и Куры	42
Пленник Ермолова	45
Из черновиков «Мцыри»	49
Глава вторая	
Гостеприимный дом	53
Ахвердовы	57
Неустановленное родство	68
Кахетия	72
«Маико мая»	80
Политический облик Александра Чавчавадзе	88
«Люди очень порядочные»	93
Передовые поэты о союзе Грузии и России	104
Тифлис того времени	108
Глава третья	
Загадочная запись	115
Оригинал и портрет	121
Зашифрованные имена	129

Сказка про Ашик-Кериба	134
«Ученый татарин Али»	148
Неверная гипотеза	152
Тифлисский адрес Лермонтова	155
Творческие итоги 1837 года	159
Замысел неосуществленной трилогии	162

Глава четвертая

«Шелковое»	165
На Тереке в 1837 году	175
Источники лермонтовской песни	180
Нерешенный вопрос	183
Историки гребенского войска	185
Рукопись тбилисского архива	187
«Поэтическая апофеоза Кавказа»	195

Глава пятая

«Кавказец»	198
Ермолов	203
Опальный генерал и опальный поэт	211

Глава шестая

По ущельям Терека и Арагвы	217
--------------------------------------	-----

Глава седьмая

Выводы	238
Биография булатного кинжала	242

Приложение

Воспоминания Д. Ф. Харламовой	246
Д. Х<арламова>. Еще несколько слов о Грибоедове	248
Примечания	256
Перечень иллюстраций	263

Андроников
Ираклий Луарсабович
ЛЕРМОНТОВ В ГРУЗИИ
В 1837 ГОДУ

*

Редактор Е. Ф. Книпович
Художник Н. А. Шишловский
Худ. редактор Е. И. Балашева
Техн. редактор С. Г. Симонов
Корректор М. Х. Бархударян

Сдано в набор 13/V 1955 г. Подпи-
сано к печати 7/X 1955 г. А 05322.
84 × 108 | 2 Печ. л. 17²/₄ (14,55).
Уч.-изд. л. 13,41. Тираж 20 000 экз.
Заказ 974. Цена 7 р. 25 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-104, Б. Гнезниковский
пер., 10.

Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

7190711001

51068